

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Гасанов Маммадали Магсад оглы

**Функциональное распределение
языков в азербайджанской общине в городе Москве**
Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Москвичева С.А.

Москва 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИИ.....	20
1.1. Языковая ситуация как онтологическая реальность и теоретический конструкт	20
1.1.1. Определение языковой ситуации: понятие и основные характеристики.....	20
1.1.2. Речевая (коммуникативная) ситуация	24
1.1.3. Этапы концептуализации понятия языковой ситуации.....	25
1.2. Формы языка: определение, классификация и связь с языковой ситуацией.....	32
1.2.1. Литературный язык	34
1.2.2. Диалект.....	38
1.3. Билингвизм как ключевое понятие социолингвистики: подходы и классификации	43
1.4. Транслингвизм как текучая форма билингвизма в условиях интенсивных языковых контактов	50
1.5. Особенности диглоссии в ситуации языков миграции.....	51
1.6. Особенности символического поля языковой ситуации языков миграции.....	54
1.7. Категории «этнос», «народ» и «нация» применительно к диаспоральным меньшинствам	58
ГЛАВА II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ОБЩИНЫ В МОСКВЕ	62
2.1. Число азербайджанцев в Российской Федерации и Москве и их владение азербайджанским языком по данным переписей населения	62

2.2. Определение московских азербайджанцев как диаспоры или общины	63
2.3. Развитие и становление азербайджанской общины в России и Москве: основные этапы.....	73
2.4. «Диаспоральные» организации Азербайджана в России: вклад в поддержание языка и культуры соотечественников	75
2.5. Формы азербайджанского языка в азербайджанской общине в городе Москве	84
2.6. Русский язык в азербайджанской общине города Москвы.....	90
2.7. Билингвизм азербайджанской общины в Москве	91
2.8. Тип диглоссии в азербайджанской общине в Москве.....	94
ГЛАВА III. АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ОБЩИНЕ МОСКВЫ: ФОРМЫ, ФУНКЦИИ, КОММУНИКАЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ	96
3.1. Инструментарий эмпирической части исследования.....	96
3.1.1. Описание инструментария исследования: социолингвистическая анкета	100
3.1.2. Интервью.....	102
3.2. Анализ данных анкетирования	104
3.2.1. Социо-демографический профиль респондентов	104
3.2.1.1. Распределение респондентов по полу	104
3.2.1.2. Возрастной состав среди респондентов	105
3.2.1.3. Место рождения и проживания	107
3.2.1.3.1. Место рождения.....	107
3.2.1.3.2. Место, где прошла большая часть жизни.....	109
3.2.1.3.3. Время проживания в Москве (России)	110
3.2.1.4. Уровень образования. Основной вид деятельности	111
3.2.1.5. Место рождения и проживания родителей	113

3.2.1.6. Жизненные планы.....	114
3.3. Общие социолингвистические данные: языковая биография....	117
3.3.1. Языки, используемые в детстве	118
3.3.2. Первый выученный язык.....	119
3.3.3. Возраст изучения азербайджанского и русского языков	120
3.3.4. Место усвоения азербайджанского и русского языков	121
3.3.5. Владение формами азербайджанского и русского языков...	123
3.4. Представления респондентов об их языковых практиках	125
3.4.1. Общая оценка знания азербайджанского и русского языков	125
3.4.2. Представления о наиболее удобном языке коммуникации..	126
3.4.3. Представления о трудностях при коммуникации на азербайджанском и русском языках	127
3.5. Оценка языковых компетенций.....	129
3.5.1. Понимание на русском и азербайджанском языках	130
3.5.2. Говорение на русском и азербайджанском языках.....	131
3.5.3. Чтение на русском и азербайджанском языках	132
3.5.4. Компетенция письма в русском и азербайджанском языках	133
3.5.5. Алфавит, используемый респондентами.....	134
3.6. Домены использования языков.....	136
3.6.1. Использование языков и форм языка в зависимости от адресата (собеседника)	136
3.6.2. Использование языков и форм языка в зависимости от ситуации общения	140
3.6.3. Использование языков в зависимости от сферы приложения языка	146
3.6.3.1. Азербайджанский язык.....	147
3.6.3.2. Русский язык	151
3.7. Символическое поле языковой ситуации: оценка респондентами важности азербайджанского языка	154

3.7.1. Репрезентация «Различия в языке»: оценка респондентами различий в азербайджанском языке в России и Азербайджане в сопряжении с социо-демографическими параметрами	158
3.7.2. Репрезентация «Языковая идентичность»: оценка респондентами азербайджанского языка как родного, как языка культурной самоидентификации.....	161
3.7.3. Репрезентация «Семейная и профессиональная коммуникация»: оценка респондентами азербайджанского языка как важного в семейном и профессиональном общении	163
3.7.4. Репрезентация «Престиж языка»: оценка респондентами азербайджанского языка как престижного языка публичного общения	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование «Функциональное распределение языков в азербайджанской общине в городе Москве» вписывается в проблематику макросоциолингвистики города, языковых контактов и функционирования языка миграции в ситуации диглоссии, обусловленной особыми типами функционального и символического распределения различных форм родного языка мигранта и языка принимающего сообщества.

В общей перспективе исследование вписывается в социолингвистическую проблематику связи языка и территории в аспекте возможных взаимоотношений языка на исторической территории и языка в условиях миграции [Viaut: 2007], а также в проблематику витальности языка и вопросов его поддержки и сохранения.

В центре исследования оказывается взаимодействие двух функционально развитых языков: азербайджанского и русского. Оба языка обладают развитым коммуникативным потенциалом, высоким социальным и символическим статусами.

Русский язык является государственным языком на всей территории Российской Федерации и охраняется законом ФЗ №53 «О государственном языке Российской Федерации» от 01 июня 2005 года [Федеральный закон № 53-ФЗ]. Закон № 413 от 22 декабря 1992 года провозгласил Азербайджанский язык государственным языком Азербайджанской Республики. На территории Российской Федерации, за исключением Республики Дагестан, где на юге традиционно проживают представители азербайджанского народа и где азербайджанский язык признан одним из языков Республики, азербайджанский является языком миграции и, следовательно, языком в миноритарной ситуации. Азербайджанский язык и азербайджанская культура на территории Российской Федерации могут развиваться и поддерживаются в рамках закона ФЗ №74 от 17 июня 1996

года о «Национально-культурных автономиях» [Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ].

По результатам переписи 2010 года в Москве официально проживает 57 123 азербайджанца, а общее количество азербайджанцев, проживающих в Российской Федерации, по официальным данным составляет 630 000 человек, что делает азербайджанскую общину одной из самых многочисленных [Всероссийская перепись 2010].

Численность общины, ее сложная социальная структура, значимость в принимающем сообществе, а также особая конфигурация языковой и речевой ситуаций, где русский и азербайджанский языки по-разному, но остаются в высокой степени востребованными её представителями, обусловили наш интерес к исследованию функционального распределения языков в азербайджанской общине Москвы.

Центральным вопросом диссертации является функциональное распределение языков в азербайджанской общине Москвы, которое обусловлено ее социолингвистической конфигурацией. Для последней характерен развитый билингвизм, высокий уровень сохранности национальной, культурной и этнической идентичности, ситуация диглоссии, типичная для подавляющего числа языков в миноритарной ситуации, в том числе языков миграции. Важным фактором является влияние специфики социолингвистической ситуации в Азербайджане. В первую очередь, речь идет об особом месте, занимаемом русским языком в коммуникативном пространстве Азербайджанской Республики, и соотношении азербайджанского литературного языка и его диалектов, остающихся значимыми в повседневной коммуникации в Азербайджане, а, следовательно, и в общине. Важную роль также играют экстралингвистические факторы, связанные с социо-демографическими параметрами, типом миграции (экономическая, образовательная, временная/постоянная), структурой сообщества (наличие/отсутствие культурных автономий и иных организаций,

сетей коммуникации, типов связей со страной исхода и др.) [Назарова 2000]. Языковые вопросы в азербайджанской общине тесно связаны и с параметрами социокультурных различий, уровнем и типом образования ее представителей.

Для анализа языковой ситуации в азербайджанской общине Москвы в ракурсе функционального распределения языков в диссертации используется комплексный подход, учитывающий собственно лингвистическое измерение языковой ситуации, коммуникативное и символическое измерение языковой ситуации. К лингвистическому измерению мы предлагаем отнести формы языка и языковые компетенции. Коммуникативное измерение, которое является центром языковой ситуации, соотносится с реальными языковыми и речевыми практиками. Символическое измерение языковой ситуации обращено к языковому воображаемому, языковым аттитюдам (установкам) и репрезентациям (представлениям) о языке [Москвичева, Гасанов 2021; Москвичева, Вио, Замалетдинов 2023]. В работах по социолингвистике символические аспекты языковой ситуации часто оказываются недооцененными, но именно они задают векторы социолингвистической динамики, определяют активное, осознанное, волевое использование языка, способствуют его межпоколенной передаче и сохранению [Москвичева, Гасанов 2021].

Актуальность исследования определяется рядом факторов как экстралингвистического, так и лингвистического порядка. Российская Федерация занимает третье место в мире (после США и Германии) по числу международных мигрантов. Стратегия на интеграцию, заявленная как цель политики РФ в области адаптации мигрантов, соотносится с демократическими ценностями и моделью комфортного общества. Следовательно, изучение языковых ситуаций в условиях миграции, их структуры, функционального и символического распределения языков в связи и во взаимодействии с языком/языками принимающего сообщества, а

также изучение вопросов, связанных с языковой и культурной адаптацией мигрантов, является важной задачей.

В этой связи возникает целый ряд конкретных вопросов, удовлетворительных и исчерпывающих ответов на которые пока не получено. Перед наукой стоит задача системного описания жизни языка в миграции. Остается не ясным, каковы плюсы и минусы такой ситуации для носителей языка и для принимающего сообщества в когнитивном, психологическом, социальном аспектах. Возникают вопросы о факторах и векторах социолингвистической динамики языков миграции. Являются ли такие ситуации стабильными, и, следовательно, можно ожидать сохранение языка мигрантов во втором и последующих поколениях, или же они динамичны, и, в таком случае, должна ли идти речь о субституции или же об иных типах динамики языков миграции, в каких сферах преимущественно используется тот или иной язык и какой эффект это может оказать на общество в целом. Известно, что утрата языка, как правило, тяжело переживается его носителями, может приводить к индивидуальной и социальной фрустрации, провоцировать нестабильность в обществе. Вопросам социолингвистической динамики автохтонных исторических языков в миноритарной ситуации, в том числе на территории Российской Федерации, посвящена большая литература, но системных исследований по языкам миграции в макросоциолингвистической перспективе практически не существует. Исключением является ряд работ М.В. Куцаевой [Куцаева 2017, 2020, 2021], но они затрагивают вопросы языковой ситуации внутренней миграции Российской Федерации, работы, ориентированные на исследование образовательной политики и роли русского языка как иностранного в адаптации мигрантов [Должикова, Мосейкина 2020], и исследования некоторых аспектов языковых ситуаций миграции [Костанди 2017, Юсупова, Набиуллина 2016].

Не менее важен вопрос о степени владения языком. В нашем случае интересно выяснить, насколько хорошо азербайджанцы владеют русским и азербайджанским языками. Речь может идти как о формах языков, например, владение только диалектом, в случае азербайджанского языка, или только разговорной просторечной разновидностью русского языка. Такая ситуация довольно часто возникает в ситуации миграции, особенно среди мигрантов первого поколения, когда язык принимающего сообщества усваивается спонтанно в ходе определенных видов коммуникации, ограниченных рядом ситуаций. Общие опросники социологического типа, на которых, как правило, строится статистка, не могут дать ответ на этот вопрос. Здесь необходимы социолингвистические подходы и методики.

Столь же важным является вопрос об уровне владения устными и письменными компетенциями. В данном случае также может наблюдаться серьезная асимметрия в пользу одного или другого языка. Максимум различий, как правило, приходится на компетенцию письма. Часто в полной мере она развита только на одном языке. Возникает вопрос, связано ли это исключительно с трудностями обучения письменной речи, или же речь должна идти о влиянии фактора потребности в языке, в данном случае – потребности в письменной речи и связанной с ней инструментальной письменной лояльностью.

Ответы на вопросы, связанные с ценностным или, в другой терминологии, с символическим измерением языковой ситуации миграции, являются определяющими для прогнозирования динамики языковой ситуации и для определения уровня ее потенциальной конфликтности. Структура языковых репрезентаций тесно связана со структурами языковой и этнической идентичности. Вместе они определяют векторы и типы языковой лояльности, которая может быть в большей степени символической или же инструментальной, активной или пассивной, высокой положительной, нулевой или отрицательной, вплоть до фрустрации и самонеприятия. Для

языков миграции анализ этих параметров осложняется, поскольку фактор территории также переосмысливается в символическом ключе.

Следует учитывать, что азербайджанская община, как многие общины мигрантов, не однородна по своему составу, что отражается на языковых практиках и представлениях её членов. Следует поставить вопрос о том, какие демографические, социальные, культурные или психологические характеристики оказывают наибольшее воздействие на языковую ситуацию и на функциональное распределение языков в общине в целом, какие группы формируются внутри нее в зависимости от их языковых стратегий, практик и ценностных представлений о языке (символическое измерение языковой ситуации).

Становится очевидным, что изучение языков миграции в социолингвистическом аспекте и, в первую очередь, исследование отношений между родным языком и языком принимающего сообщества, определение уровня владения языками и формами языков, возможности и желания их использовать являются основой, без которой невозможно определение стратегий психологической, социокультурной и экономической адаптации мигрантов, невозможна разработка адекватных ситуаций мер языковой политики и планирования.

Следует учитывать, что языки миграции, будучи миноритарными языками, находятся в ситуации диглоссии, то есть дополнительного функционального распределения. Отношения между языками выстраиваются по иерархической модели, как взаимодействие доминирующего и доминируемого языков, как следствие, языковые ситуации данного типа потенциально конфликтны. Для снижения уровня конфликтности требуется тщательный анализ параметров, механизмов и динамики диглоссии данного типа. Актуальность исследования функционального распределения языков в условиях миграции также связана с решением

проблемы языковой удовлетворённости и психологического комфорта как отдельной личности, так и общества в целом.

Объектом исследования диссертации является функциональное распределение языков в языковой ситуации в азербайджанской общине в городе Москве, **предметом исследования** выступает структура функционального распределения используемых языков и форм языков в зависимости от специфики коммуникативного и символического пространства исследуемой языковой ситуации.

Материалом исследования послужили данные социолингвистического анкетирования и серии исследовательских интервью среди представителей азербайджанской общины города Москвы. В анкетировании приняли участие 150 респондентов. Общая продолжительность интервью составила 19 часов, в них приняло участие 12 респондентов, представляющие разные социальные срезы азербайджанской общины Москвы.

Целью диссертации является исследование и выявление функционального распределения языков в азербайджанской общине города Москвы с учетом специфики и параметров коммуникативного, символического и собственно лингвистического измерения языковой ситуации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Систематизировать терминологический аппарат исследования, в частности – определить применительно к изучаемой ситуации такие понятия, как структура языковой ситуации, формы языка, билингвизм, диглоссия, символическое измерение языковой ситуации.

2. Описать контекст исследования с точки зрения наиболее значимых структурных особенностей азербайджанской общины Москвы и факторов, оказывающих непосредственное влияние на языковую ситуацию и функциональное распределение языков в общине.

3. В связи с эмпирико-индуктивным типом исследования и использованием методов анкетирования и интервьюирования необходимо разработать инструментарий для проведения эмпирической части исследования, включающий социолингвистическую анкету и дизайн вопросов для полуструктурированного исследовательского интервью.

4. Определить принципы отбора и количество информантов для проведения эмпирической части исследования.

5. Описать и проанализировать структуру языковой ситуации с точки зрения используемых языков и форм языков в азербайджанской общине Москвы в зависимости от коммуникативных ситуаций и структуры репрезентации азербайджанского и русского языков в азербайджанской общине в городе Москве.

6. Выявить специфику использования азербайджанского и русского языков в азербайджанской общине в городе Москве в зависимости от социодемографических характеристик говорящих (пол, возраст, уровень образования) и типа миграции (постоянное, временное проживание в РФ).

7. Определить общие векторы социолингвистической динамики азербайджанского языка в азербайджанской общине в городе Москве.

8. На основании полученных данных определить функциональное распределение языков в азербайджанской общине города Москвы.

Научная новизна исследования обусловлена обращением к анализу функционального распределения языков в азербайджанской общине города Москвы, системное описание которой до настоящего времени не проводилось. В современной науке остаются неизученными вопросы, связанные со структурой и глубиной владения азербайджанцами в диаспоре родным и русским языками в социолингвистической перспективе. В частности, не исследовался уровень владения различными языковыми компетенциями в зависимости от социодемографических характеристик представителей общины. Остается неизученным приоритетное

использования того или другого языка в зависимости от ситуаций и сфер его приложения. Не выявлены корреляции между ценностными символическими аспектами языковой ситуации и реальными языковыми практиками. Не определены основные факторы, влияющие на сохранность азербайджанского языка в общине и возможные векторы его динамики. В данном исследовании разработка и применение специальной методики, основанной на эмпирико-индуктивном подходе и макросоциолингвистическом ракурсе, позволило комплексно и по-новому подойти к поставленным вопросам, и, через выявление функционального распределения языков в азербайджанской общине города Москвы с учетом лингвистического, коммуникативного и символического измерения языковой ситуации, доказательно и аргументированно показать преобладание русского языка во внутренней и внешней коммуникации членов общины, но одновременно продемонстрировать хорошую сохранность, востребованность и высокий символический статус азербайджанского языка.

Теоретическая ценность исследования заключается в его вкладе в разработку социолингвистического инструментария исследования ситуаций языков миграции, а также в уточнении понятийного аппарата социолингвистики, необходимого при описании языков миграции. В этой ситуации классические параметры анализа языковых ситуаций, такие как «язык и территория», «язык и границы» переходят из разряда физических в разряд символических феноменов. По-иному структурируются отношения между языком и диалектом языка, нормой и узусом, происходит реструктуризация функционального поля использования языка, возникают типы диглоссии, нехарактерные для автохтонных языков. Все это открывает новые теоретические, в том числе – типологические перспективы в изучении языковых ситуаций языков миграции.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее результатов при планировании и проведении мероприятий,

связанных с языковой политикой и языковым планированием, адаптацией и интеграцией мигрантов, сохранением языков и культур, созданием комфортной социальной среды. Также практическая значимость работы видится в возможности применения ее результатов в практике преподавания теоретических и практических лингвистических дисциплин, таких как теория языка, социолингвистика, лингвистика языковых контактов, психолингвистика, социология языка.

Гипотеза исследования. В качестве рабочей гипотезы принимается положение, что в случае языков миграции в городской среде миноритарная языковая ситуация имеет ряд существенных отличий по сравнению с миноритарными ситуациями автохтонных языков на своих территориях. Языки миграции используются как языки без территории в условиях эрозии языкового сообщества, что приводит к смешению ранее релевантных социальных структур и обслуживающих их форм языка, изменяется тип стратификации языков и форм языков мигранта, возрастает значение символических функций языка, что обуславливает особый тип функционального распределения русского и азербайджанского языков и форм языка в общине.

Теоретической базой исследования послужили следующие труды:

1) труды, посвященные исследованию социолингвистики и языковой ситуации: В.А. Аврорин, В.М. Алпатов, В.И. Беликов, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградова, Н.Н. Германова, Ф.Х. Гарипова, Е.В. Головкин, Д.Н. Иванова, И.Г. Добродомов, Л.П. Крысин, Т.Б. Крючкова, М.В. Куцаева, В. Ю. Михальченко, С.А. Москвичева, Л.Б. Никольский, Г.П. Пилипенко, З.Г. Прошина, Г.В. Степанов, А.Д. Швейцер; Л.В. Щерба, N. Demir, Y. Gumperz, Z. Korkmaz, W. Labov, W. Maskey;

2) работы, посвященные двуязычию/билингвизму: В.А. Аврорин, Л. Блумфилд, Е. М. Верещагин, Ю.Д. Дешериев, А.И. Домашнее, А. А. Залевская, М.И. Исаев, О.В. Легостаева, И. Л. Медведева, Р.К, Миньяр-

Белоручева, Л.Л. Нелюбин, В.Ю. Розенцвейг, Е.К. Черничкина, А.Д. Швейцер, Узун, А.В. Ярмоленко, Muysken, E. Naugen;

3) труды, посвященные изучению диглоссии: Дж. Гамперц, Х. Клосс, Ш. Поплак, У. Стюард, Ч. Фергюсон, Дж. Фишман;

4) работы, посвященные исследованию языков миграции: А.В. Должикова, Е.О. Зубарева, Е.И. Костанди, М.В. Куцаева, М.Н. Мосейкина, Г.А. Набиуллина, А.Н. Шовгенин, С.В. Шустова, А.Ш. Юсупова, Э.Б. Яковлева;

4) работы, посвященные изучению форм азербайджанского языка: Т. Абдульхасанлы, А. Джафероглу, Ф. Казимова, Мирза Казым бек, И. Султанова, Б. Халилов, М. Ширалиев; Aktunç;

5) работы этнографов, лингвистов, социологов по теории этноса: труды А. Г. Агаева, Б. Андерсона, М. Биллинга, Б. Е. Винера, М. Н. Губогло, Дж. Джозефа, И.А. Макарова, В. В. Пименова, Е. Смолича, В. А. Тишкова, Э. Хобсбаума, И.С. Хугаев, D. Crystal;

б) исследования, посвященные проблеме диаспор, в работах В. П. Иванова, Н. П. Космарской, Ж. В. А. Тишкова, Т. Тощенко, Ю. В. Фоканова, Т. И. Чаптыковой, Г. Шеффера, Е. А. Ягафовой, К. Kenny, M. Luxmoore.

Методология исследования

В исследовании использовались эмпирические методы (метод наблюдения, социолингвистического анкетирования и исследовательского полуструктурированного интервьюирования), методы количественного и качественного анализа, статистический метод, а также метод интерпретации данных. Приоритетным методологическим принципом исследования языковой ситуации в азербайджанской общине Москвы был эмпирико-индуктивный. Это обусловило необходимость разработки инструментального аппарата, валидного для проведения данного конкретного исследования. Потребность в таком аппарате возникает, во-первых, в силу недостаточной изученности и общего теоретического осмысления с социолингвистической

точки зрения ситуаций языков миграции, во-вторых, в силу специфичности каждой такой ситуации, что делает невозможным шаблонное использование наработанных приемов и методик. Основными инструментами на эмпирическом этапе исследования (2020–2021 годы) стали стандартная социолингвистическая анкета и, как дополнительное средство, исследовательское полуструктурированное интервью. Материалы анкетирования анализировались количественными статистическими методами. Статистический анализ проводился при помощи программы *Jamovi*. Далее использовался метод анализа и интерпретации данных. При анализе текстов интервью были использованы качественные методы, преимущественно – методы обоснованной теории (*grounded theory*) Страуса и Корбин [Strauss, Corbin 1990, Готлиб 2004]. Из двух основных вариантов обоснованной теории (Глейзер и Страус) предпочтение было отдано версии Страуса, поскольку, оставаясь качественным типом исследования, она дает возможность получить надежные и верифицируемые результаты, то есть наиболее адекватную репрезентацию изученных ситуаций использования языков мигрантами. На этапе первичной обработки тексты интервью анализировались с помощью методов обоснованной теории по классической схеме: на первом этапе открытого кодирования были выделены основные коды (ключевые понятия дискурса), затем они были сгенерированы до категорий и центральных категорий. Далее были проведены процедуры осевого и селективного кодирования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В функциональном распределении русского и азербайджанского языков в азербайджанской общине города Москвы ведущая роль принадлежит русскому языку, который в целом доминирует во всех сферах и ситуациях общения, за исключением семейного, что вписывается в социолингвистические конфигурации диглоссии, характерные для языков миграции. Однако исследуемая конфигурация специфична, поскольку

русский и азербайджанский языки распределяются и по дополнительному, и контрастирующему типу в зависимости от ситуаций и сфер общения.

2. Специфика функционального распределения русского и азербайджанского языков в азербайджанской общине города Москвы обусловлена, во-первых, влиянием социолингвистической ситуации в Республике Азербайджан (особое распределение азербайджанского литературного языка, диалектов азербайджанского языка и русского языка в Республике), во-вторых, влиянием социолингвистической конфигурации в московской азербайджанской общине, для которой характерна высокая символическая и коммуникативная лояльность по отношению и к русскому, и к азербайджанскому языкам, а также высокий уровень владения обоими языками.

3. В сферах общения с близкими предпочтительно используется азербайджанский язык. Роль диалекта азербайджанского языка остается высокой в семейной коммуникации, где его можно рассматривать как маркер семейной близости. В дружеском общении маркером социальной близости является литературный азербайджанский язык.

4. Коммуникативное пространство азербайджанской общины Москвы является билингвальным, однако происходит перераспределение коммуникативной нагрузки на используемые языки: в целом ряде областей традиционного использования азербайджанского языка отмечаются тенденции к увеличению доли двуязычного общения за счет уменьшения использования только азербайджанского языка, что позволяет говорить о формировании транслингвальных языковых практик.

5. Высокие показатели владения языком, наличие развитого коммуникативного пространства внутри азербайджанского сообщества Москвы, а также доступность коммуникативного пространства Азербайджана поддерживают инструментальные функции азербайджанского языка в общине и способствуют сохранению высокого уровня позитивной

языковой идентичности и связанных с ней символических функций языка. Это позволяет считать положение азербайджанского языка в условиях миграции в данный момент устойчивым и гармоничным.

Объективность и достоверность положений, выносимых на защиту, и **выводов**, сделанных в результате исследования, обеспечиваются теоретико-методологической базой исследования, эмпирико-индуктивной моделью исследования, количественными методами исследования с применением статистических методов, которые сопровождались качественной интерпретацией полученных результатов.

Апробация результатов проводилась на нескольких этапах:

Работа прошла обсуждение на конференции «13th annual International Conference on Education and New Learning Technologies» (Испания, Edulearn в 2021 году), на Международной научной конференции «Фараби элемі» (в Казахстане в городе Алматы, в 2021 году), на Международной научной конференции «XXII April International Conference on Economic and Social Development at Higher School of Economics» (В Высшей школе экономики, в 2021 году), Казанском международном лингвистическом саммите «Языковое разнообразие в глобальном мире» (Казанский федеральный университет, 15 – 19 ноября 2021 г.), Казанском международном лингвистическом саммите «Современная лингвистика: от теории к практике» (Казанский федеральный университет, 14 – 19 ноября 2022 г.).

По теме исследования было опубликовано 7 научных работ, в том числе 3 статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных списком ВАК, 1 публикация в журнале, индексируемом в международной наукометрической базе Web of Science, 4 статьи в иных научных изданиях.

ГЛАВА I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИИ

Данная глава посвящена определению наиболее значимых для настоящего исследования терминов лингвистики и социолингвистики в области языковых контактов, которые формируют концептуальный аппарат исследования и являются теоретическими и методологическими инструментами анализа ситуации азербайджанского языка в условиях миграции в городе Москве. Наиболее крупной единицей анализа в настоящей диссертации предлагается считать языковую ситуацию, понимаемую и как социолингвистический конструкт и как эмпирическую реальность. Языковая ситуация рассматривается с точки зрения собственно лингвистического, коммуникативного и символического блоков. Поскольку в исследовании речь идет о языке миграции и, следовательно, языке в миноритарной ситуации, важными теоретическими конструктами будут билингвизм и диглоссия. В ситуации языковых контактов языков миграции также требуется рассмотреть понятие транслингвизма.

1.1. Языковая ситуация как онтологическая реальность и теоретический конструкт

1.1.1. Определение языковой ситуации: понятие и основные характеристики

Одним из ключевых понятий социолингвистики является «языковая ситуация» (далее ЯС), термин, введенный в научный оборот в 30-х годах XX века. Дефиницией и концептуализацией «языковой ситуации» на примере функционирования различных языков занимался целый ряд исследователей: В.А. Аврорин, Б.И. Беликов, Н.Б. Вахнин, Н.Н. Германова, Т.В. Жеребило, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, Л.Б. Никольский, Г.П. Пилипенко, А.Д. Швейцер, У. Стюарт, Ч. Фергюсон и др. Вопросам социолингвистической типологии языковых ситуаций посвящено большое количество работ как зарубежных, так и советских/российских лингвистов: В.А. Аврорин, Р. Белл,

В.А. Виноградов, Дж. Гамперц, Ю.Д. Дешериев, Х. Клосс, Л.Б. Никольский, Г.В. Степанов, У. Стюарт, Ч. Фергюсон, Дж. Фишман, Д. Хаймс, А.Д. Швейцер и др.

Классическим определений языковой ситуации является дефиниция, предложенная в 1971 году Ч. Фергюсоном: «Термин *языковая ситуация* (language situation) (...) относится к общей конфигурации использования языка в данное время и в данном месте и включает такие данные, как: сколько языков и какого рода языки используются в данном ареале, сколько человек на них говорит, при каких обстоятельствах и каких установок и мнений в отношении этих языков придерживаются члены данного коллектива» [Ferguson 1971: 157] (цит. по [Швейцер 2008: 131]). Эта дефиниция в той или иной степени лежит в основе всех современных определений языковых ситуаций.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре понятие языковой ситуации определяется как «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований. Языковая ситуация – одно из основных понятий и предмет изучения в социолингвистике. Разнообразные языковые ситуации описываются посредством различных признаков – количественных, качественных и оценочных (эстимационных), на основе которых можно строить типологию языковой ситуации» [ЛЭС 1990: с. 654].

В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило языковая ситуация определяется как «совокупность форм существования одного, двух или нескольких языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований. ЯС присущи следующие характеристики: 1) компонентами языковой ситуации могут быть

любые языковые образования: языки, региональные койне, формы существования одного языка (диалекты, функциональные стили и подстили); 2) границы исследования ЯС могут совпадать с границами региона, административно-территориального образования или же выходить за их пределы; 3) компоненты ЯС изучаются в совокупности, концептуальной спаянности; 4) причины изменения ЯС: изменение роли ее компонентов в экономической и политической жизни, изменение языковой политики. ЯС классифицируются с учетом разных оснований: 1) совокупность подсистем одного языка или разных языков (эндогоссная и экзогоссная языковая ситуация); 2) родственные или неродственные языки (гомогенная и гетерогенная языковая ситуация); 3) типологически сходные или различные языки (гомоморфная и гетероморфная языковая ситуация); 4) языки, равные или неравные по уровню функциональной и демографической мощности (равновесная и неравновесная языковая ситуация); 5) языки, имеющие одинаковую или различную нагрузку в пределах той или иной социально-коммуникативной системы (сбалансированная и несбалансированная языковая ситуация)» [Жеребило 2010: 479].

В словаре социолингвистических терминов В.Ю. Михальченко языковая ситуация – это «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Михальченко 2006: 266].

Исходя из приведенных выше определений можно выделить следующие наиболее важные характеристики ЯС:

1) составляющими ЯС могут быть любые языковые образования: языки, региональные койне, формы существования одного языка (территориальные и социальные диалекты, функциональные стили и подстили одного языка); 2) границы исследования ЯС определяются

учеными двояко: ими могут быть границы рассматриваемого региона или административно-территориального образования, или же, наоборот, единство типа ЯС диктует исследователю выделение территориальных границ, которые не обязательно совпадают с административными; 3) компоненты ЯС изучаются не изолированно друг от друга, а в своей совокупности, концептуальной спаянности; 4) причиной изменения ЯС может быть изменение роли ее компонентов в социально-экономической и политической жизни, вызванного как изменением объективной действительности, так и мерами, принимаемые государством с целью функционального перераспределения компонентов ЯС (т. е. изменения языковой политики)» [Михальченко 2006: 266] .

В «Новом словаре методических терминов и понятий» указывается, что на языковую ситуацию оказывают влияние статус и функция языков, их роль в образовании и культуре, а также определяется языковая ситуация как взаимоотношения различных языков в рамках государства или отдельных регионов [Азимов, Щукин 2009: 156].

В данных определениях языковой ситуации основными являются такие признаки, как территория, количество языков, функционирование языков, функции языков.

В целом, языковая ситуация представляет собой динамичное объединение языковых образований разного типа на основе их функционирования и взаимодействия в общей внеязыковой среде с учетом факторов территории, границ разного рода, сознательного воздействия на ситуацию со стороны акторов языковой политики и планирования, а также установок и мнений (аттитюдов и репрезентаций) членов языкового коллектива по отношению к используемым языкам.

Перейдем к определению речевой (коммуникативной) ситуации, которая является другим важным для данной работы понятием.

1.1.2. Речевая (коммуникативная) ситуация

В словаре социолингвистических терминов В.Ю. Михальченко коммуникативная ситуация определяется следующим образом: «1. Структурная организация определенной ситуации общения: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим 4) тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема: диалект, стиль, а также параязыковые средства – жесты, мимика; 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения. Изменение каждого из параметров ведет к изменению К.с. 2. Синхронное состояние коммуникации в той или иной национально-территориальной общности. К.с. характеризуется: 1) общим объемом коммуникативного пространства; 2) количеством и типом составляющих это пространство коммуникативных сфер; 3) особенностями коммуникативных процессов в них» [Михальченко 2006: 92].

Важно понимать, что языковая ситуация соотносится с самим языком как системой коммуникации и его структурой независимо от конкретного контекста и ситуации. Это общие правила, нормы, грамматика и лексика языка, которые могут использоваться в различных речевых ситуациях.

Речевая ситуация, в свою очередь, является конкретным контекстом, в котором используется язык для передачи информации и взаимодействия между людьми. Это может быть общение в рамках семьи, на работе, учебе или в других ситуациях, где требуется использование языка для передачи конкретного сообщения, выражения мыслей и эмоций.

Таким образом, языковая ситуация является более абстрактным понятием, описывающим язык в целом, независимо от контекста его использования. Речевая ситуация, напротив, фокусируется на конкретном контексте и обстоятельствах использования языка.

Разграничение абстрактного (уровень теории) и конкретного (уровень наблюдения) в ситуации использования языка соответствует общим принципам современной лингвистики. Также это соотносится с разграничением языковых и речевых коллективов и общностей, выделяемых на основе чрезвычайно важной для социолингвистики и для лингвистики в целом, дихотомии «языка – речи». [Швейцер 1976: 32–33]. Понятие и разграничение языкового и речевого коллектива также является важным теоретическим и методологическим основанием для нашей работы.

«Прежде всего, следует различать коллектив и общности. Под коллективом обычно понимается некая совокупность людей, объединённых теми или иными формами социального взаимодействия, в том числе взаимодействия коммуникативного. В отличие от коллективов, общности следует понимать, как результат статистической абстракции, как любую социальную или социально демографическую категорию индивидов, выделяемые исследователям на основании единства того или иного признака. (...) Исходя из сказанного выше, языковой коллектив может быть определен как совокупность социально взаимодействующих индивидов, обнаруживающих определённое единство языковых признаков, а речевой коллектив – как коллектив, отличающийся от других не инвентарем языковых единиц, а их употреблением в речи. Точно таким же образом под речевой общностью следует понимать социальную или социально демографическую категорию людей, обнаруживающих единый комплекс речевых признаков, а под языковой общностью – категорию людей, имеющих сходные языковые признаки, то есть сходный инвентарь языковых единиц» [Швейцер 1976: 32].

1.1.3. Этапы концептуализации понятия языковой ситуации

Приведенные словарные дефиниции языковой и речевой ситуаций стали итогом более чем полувекового развития социолингвистики. В 1960-х годах советские и американские социолингвисты в известной степени

независимо друг от друга предприняли попытку эксплицировать понятие языковой ситуации, дав ему социолингвистическое определение. Американский ученый Чарльз Фергюсон предпринял попытку концептуализировать понятие языковой ситуации в связи с функционированием языков. Согласно приведенному выше определению Ч. Фергюсона, термин языковая ситуация описывает общую конфигурацию использования языка в конкретное время и конкретном месте. Как было показано выше, это включает данные о том, сколько и какие языки используются на данной территории, сколько людей говорят на каждом из них, в каких обстоятельствах, какие установки и мнения в отношении этих языков имеют члены данного сообщества [Ferguson 1971]. Исследуя функциональное распределение языков в азербайджанской общине, мы придерживаемся позиций близких к данному.

В работах советских лингвистов получившее всеобщее признание определение языковой ситуации было предложено А.Д. Швейцером. Это определение объединяет западные и российские (советские) подходы, рассматривает ЯС в более широкой плоскости, как модель «социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношениях системы подсистем члены соответствующих языковых речевых коллективов» [Швейцер 1977: 133–134]. В определении А.Д. Швейцера учитывается и разграничивается объективный и субъективный аспекты языковой ситуации или, по-другому, две стороны ЯС – «объективная, к которой относится объективные данные социальной дифференциации языка, и субъективная, включающая ценностные ориентации членов данного языкового коллектива» [Там же: 133].

В советском и российском языкознании вопросы определения языковой ситуации неоднократно привлекали внимание лингвистов. Одна из наиболее разработанных социолингвистических концепций языковой ситуации была предложена В. А. Аврориным в начале 70-х годов прошлого века. В своих работах В.А. Аврорин определяет языковую ситуацию как «специфическое взаимодействие языков и их различных форм в общественной жизни каждого народа на данном этапе исторического развития» [Аврорин 1975: 119]. Он выделяет три обязательных параметра языковой ситуации: социальные условия функционирования языка, сферы и среды употребления языка и формы существования языка [там же]. Таким образом, языковая ситуация может быть одноязычной или многоязычной, в зависимости от функционирования одного или нескольких языков в определенной общественной среде. Она также может варьироваться в различных административно-территориальных объединениях и этнических общностях.

Определение языковой ситуации, данное Л. Б. Никольским, также включает совокупность языков, подязыков и функциональных стилей языка, «которые обслуживают общение в определенном административно-территориальном объединении или этнической общности» [Никольский 1976: 79].

В работах В. И. Беликова и Л. П. Крысина отмечается, что функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на разных этапах ее существования формируют конкретную языковую ситуацию. «Понятие языковая ситуация применяется обычно к большим языковым сообществам – странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация – это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования» [Беликов, Крысин 2001:15].

«В обществе с одним языком языковая ситуация представляет собой функционально распределенную систему форм существования языка, которые соотнесены с континуумом языковой коммуникации. В обществе с несколькими языками языковая ситуация также является функционально распределенной системой, но в этом случае разные языки подвергаются функциональному распределению и имеют различные функциональные «ранги», такие как языки межнационального, регионального, местного общения, а также могут быть языками элиты или широких народных масс» [Швейцер, Никольский 1975: 86].

А. Д. Петренко определяет языковую ситуацию как «взаимодействие различных языковых форм и языков в процессе обслуживания ими всех сфер жизнедеятельности народа на определенном этапе его социально-экономического развития» [Петренко 2016: 10].

Толковый переводоведческий словарь определяет языковую ситуацию как «иерархически организованную и функционально взаимосвязанную совокупность языков или форм существования языка, обслуживающую этническую общность или политико-территориальное объединение (государство, область)» [Нелюбин 2011: 267].

Н.Б. Мечковская понимает под языковой ситуацией «совокупность языковых образований, т.е. языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства» [Мечковская 2000: 33–36].

Г. В. Степанов внес большой вклад в разработку теоретических аспектов проблемы языковой ситуации, основываясь на функциональном подходе и предложив различать языковые ситуации и языковые состояния. «Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи», которая охватывает все виды дифференциации языка, возникающие под

воздействием внешних факторов и имеющие функцию в социуме. Языковое состояние и языковая ситуация являются общей основой организации функциональной системы языка. В определении языковой ситуации Г. В. Степанов учитывает отношение языка или его части к другим языкам и частям языка, проявляющееся в различного рода пространственных и социальных взаимодействиях» [Степанов 1976: 30–31]. Идеи Г.В. Степанова были развиты в трудах Н.М. Фирсовой [Фирсова 2000].

В определении языковой ситуации В.А. Виноградова учитывается «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Виноградов 1990: 616–617].

Т.Б. Крючкова учитывает в детерминации языковой ситуации различные языковые и внелингвистические факторы: экономические, культурно-исторические, демографические, географические, социально-исторические и политические. Она также отмечает важность языковой политики, включающей в себя систему мер, направленных на регулирование функциональных аспектов языка и, в определенной степени, на его структуру [Крючкова 1999: 36–37].

В работе «Социоллингвистика и социология языка» Н.Б. Вахтин и Головки Е.В. отмечают, что языковая ситуация привязана к определенной территории и представляет собой «совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований» [Вахтин, Головки 2003: 46–47].

В свою очередь, Е.В. Пиневиц определяет языковую ситуацию как «совокупность форм существования языка (языков, региональных койне,

территориальных и социальных диалектов), обслуживающих пространство общения в определенной этнической общности или административно-территориальном образовании» [Пиневиц 2011: 6].

Общий набор параметров языковой ситуации был предложен В.А. Виноградовым [ЛЭС 1990: 616–617]. Он выделял количественные и качественные параметры. К первым относятся число идиом, используемых в данной ситуации, число говорящих на каждом идиоме, число коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, число функционально доминирующих идиомов. К качественным параметрам В.А. Виноградов отнес лингвистический характер идиом (разные языки или варианты одного языка), структурно-генетические отношения между идиомами, функциональную равнозначность/неравнозначность идиомов, их эндоглотный/экзоглотный характер [там же].

Описанию и анализу различных языковых ситуаций Российской Федерации посвящен целый ряд диссертаций. Принципы общей типологии языковых ситуаций в России разработаны в диссертации М.А. Горячевой «Типология языковых ситуаций: Российская Федерация» [Горячева 2003]. Отдельные языковые ситуации рассматриваются в работах Аюпова 1998, Биткеева 2006, Богояркова 2002, Галимьянова 2003, Головки 2009, Искужина 2006.

Вместе с тем языковая ситуация языков миграции представляет собой сложное явление, охватывающее различные аспекты языковой действительности, связанные с социолингвистическими, психоллингвистическими, прагматическими, и лингвокультурологическими параметрами. Формы языка актуализируются в речевой практике людей и взаимодействуют со множеством различных факторов, таких как уровень владения языком, цели общения, контекст и т. д. Наконец, субъективное, или иначе – символическое измерение языковой ситуации позволяет говорить о

иерархии ценностных представлений в отношении как собственно форм языка, так и их использования.

В своей работе мы опираемся на «комплексное понимание языковой ситуации, как совокупности лингвистического, инструментального и символического изменений» [Москвичева, Вио, Замалетдинов 2023: 696], которое схематически представлено на рисунке 1.



Рисунок 1. Компоненты языковой ситуации и их связи [Москвичева, Гасанов 2021: 611]

«Центральным компонентом языковой ситуации являются языковые практики, связанные с использованием языка в инструментальной функции. Лингвистическое измерение языковой ситуации включает как существующие в той или иной языковой ситуации формы идиомов, так и языковые компетенции носителей языка» [Москвичева, Вио, Замалетдинов: 697].

Безусловно, ситуация среди азербайджанцев, проживающих в Москве, разнообразна, но можно говорить об определённых закономерностях: большинство свободно владеет азербайджанским и русским языками, при общении на азербайджанском языке часто используется диалектная форма, а при общении на русском – в основном литературная форма и просторечие. Функциональное распределение данных форм мы подробно рассмотрим в третьей главе диссертации.

1.2. Формы языка: определение, классификация и связь с языковой ситуацией

Определению форм языка посвящено большое количество трудов: В.А. Аврорин, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, М.М. Гухман, А.В. Десницкая, Ю.Д. Дешериев, В.М. Жирмунский, Е.А. Земская, А.А. Леонтьев, Д.С. Лихачев, В.Ю. Михальченко, Б.Л. Никольский, Е.Д. Поливанов, Б.А. Серебренников, Ч. Фергюсон, Ф.П. Филин, В.Н. Ярцева.

Такое положение дел не случайно, поскольку вопрос о формах языка соприкасается с важнейшим и основным свойством языковой системы – её вариативностью. Понимание языка как вариативной системы, «берущее начало в трудах В. фон Гумбольдта и получившее развитие на почве отечественного языкознания в трудах А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, рассматривает язык в конкретно-исторических формах, что позволяет говорить о принципиальной изменчивости, вариативности на всех уровнях его структуры, и, главное, рассматривать язык в единстве с человеком и обществом. Вероятностный характер языковой системы, а также ее связь с конкретным коллективом в конкретной исторической обстановке позволяет стратифицировать языковой континуум. (...) На пересечении лингвистического и социального, исторического и культурных векторов актуализируются такие понятия как язык, диалект, койне (городское, народно-поэтическое, литературное), кодифицированный язык, кодифицированный вариант, стандартный язык, стандартный вариант и др.» [Москвичева 2015].

В словаре лингвистических терминов форма языка определяется как «Форма свойственная разным периодам в развитии языка; 1) устная форма (существует на всех этапах развития языка); 2) письменная форма (характерна для языка народности); 3) литературно-письменная форма (присуща национальному языку)» [Жеребило 2010: 436]

В Словаре социолингвистических терминов под редакцией В.Ю. Михальченко формы языка представляется как «Обобщенные типы самостоятельных языковых образований, естественно объединяющихся в группы различной иерархии по признакам общности исходного языкового материала и по этому принципу рассматриваемых в пределах социально-этнической общности. При конкретизации Ф.с.я. одни ученые выделяют три основные Ф.с.я.: территориальный диалект, литературный язык и занимающая промежуточное положение между ними форма, которая не имеет, в отличие от первых двух, ни устоявшихся параллельных обозначений в разных языках, ни более или менее универсальных характеристик (в русском языке – это городское просторечие, в немецком – *Umgangssprache*, во французском – *langue populaire*); другие ученые относят к Ф.с.я. идиолекты, говоры, диалекты и литературный язык; третьи считают Ф.с.я. все идиомы, образующие языковое состояние» [Михальченко 2006: 234].

В работе В.А. Аврорина «Проблемы изучения функциональной стороны языка» предлагается разграничивать четыре типа форм языка: литературную форму, диалектную форму, народно-разговорную (обиходно-разговорную) форму и общенародную форму. Под формой языка понимаются «самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с различной иерархией по признаку общности исходного материала и потому в принципе доступные пониманию в пределах одного народа, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным сферам использования» [Аврорин 1975: 53].

Литературной форме (литературный язык) свойственна «нормативная обработанность в смысле отбора, регламентации и усовершенствования норм, (...) относительная универсальность (полифункциональность, поливалентность) в смысле максимального охвата сфер человеческой жизнедеятельности, (...) относительная монополия в смысле охвата различных подразделений данного народа (возможно обслуживание одного

народа двумя и большим количеством литературных языков)» [Аврорин 1975: 53]. Литературная форма противопоставляется народно-разговорной по признакам обработанности (нормативности), стилистической дифференцированности, существования в письменной и устной формах [Там же: 54]. Народно-разговорная форма/обиходно-разговорная форма — это любая альтернатива литературной форме (кроме тайных языков как средств ситуативного общения). Под общенародной формой В.А. Аврорин понимает любую альтернативу регионально или социально ограниченных форм, включая тайные языки. Общенародным может быть и народно-разговорный и литературный язык на высшем этапе своего развития» [Аврорин 1975: с 53].

Более подробно остановимся на определениях диалектных и литературных форм языка, как наиболее важных для нашего исследования.

1.2.1. Литературный язык

Литературный язык — это «основная наддиалектная форма существования языка, характеризующаяся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации. Л.я., как правило, играет важную роль в процессе становления и консолидации наций (этносов)» [Михальченко 206: 108].

Термин «литературный язык» — наиболее привычный и распространённый в российской науке, применяется для обозначения стандартной обработанной формы языка. Однако он не является единственным возможным термином для этого понятия [Серебрянников 1970: 502].

О неопределенности понятия «литературный язык» писал В.В. Виноградов: «Прежде всего, следует подчеркнуть отсутствие точности и определенности в употреблении самого термина «литературный язык». При обращении к термину «литературный язык» чаще всего не учитываются

исторические различия в содержании и объеме этого понятия. ... По отношению к древнерусской эпохе он нередко употребляется как синоним выражений «письменный язык», «язык письменного памятника», «язык письменности» [Виноградов, 1958: 25].

Несмотря на то, что вопрос определения литературного языка «неоднократно поднимался в трудах Н.С. Трубецкого, В.В. Виноградова, Л.П. Якубинского, Тезисах Пражского лингвистического кружка, работах Н.И. Толстого и многих других, понятийная неопределенность не просто остается, но возрастает. В качестве синонимов «литературного языка» употребляются «письменный язык», «стандартный язык», «кодифицированный язык», «нормативный вариант языка», «стандартный вариант» и др. Столь внушительный синонимический ряд обусловлен смешением, как мы пытались показать, различных подходов, а также экстраполяцией терминов, выработанных в ходе анализа определенных языков ситуаций на другие, удаленные как во времени, так и в пространстве» [Москвичева 2015: 10].

В целом, «можно говорить о нескольких подходах к определению литературного языка, основанных на структурных критериях (собственно лингвистический, преимущественно синхронический), на культурно-исторических (преимущественно диахронический подход) и на социальных критериях. По всем группам критериев характеристики стандартного варианта (литературного языка) будут различными у разных языков. Традиционный термин российской науки «литературный язык» имеет определенные культурные, исторические, политические и социальные коннотации, сложившиеся в основном в ходе изучения русского литературного языка, которые автоматически переносятся на принципиально иные языковые ситуации» [там же].

Относительно использования и места литературного языка в актах коммуникации существуют разные точки зрения. Н. Б. Мечковская

подчеркивает, что «литературный язык не является единственной языковой нормой социума, так как рядом с ним существуют другие формы общенародного языка, включая территориальные и социальные диалекты, просторечие, профессиональную речь, молодежное аргю и другие. При этом природа языковых норм одинакова во всех формах общенародного языка, поскольку они опираются на языковой идеал говорящих» [Мечковская 2000: 30–33].

С.М. Эрвин-Трипп утверждает, что для стандартного языка альтернативными кодами могут быть местные диалекты и другие нестандартные варианты языка, социально обусловленные варианты речи, которые рассматриваются лингвистами как факультативные в пределах кода. Литературный язык не является самой распространенной формой общенародного языка в реальной жизни [Эрвин-Трипп 1975: 344].

По мнению Л.А. Введенской, Л. Г. Павловой, Е. Ю. Кашаевой литературный язык — это «форма существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую; система общеупотребительных элементов языка, речевых средств, обработанных авторитетными мастерами слова, образованными носителями языка» [Введенская, Павлова, Кашаева 2014: 83–84].

Литературный язык полифункционален и используется в абсолютно подавляющем большинстве сфер жизни: политике, науке, культуре, словесном искусстве, образовании, законодательстве, официальном и неофициальном общении и т.д.

Основными признаками литературного языка являются нормированность, кодифицированность, устойчивость и полифункциональность.

Нормированность литературного языка, «подтверждается как словарным составом, так и грамматическим строем. (...) Сам литературный язык не может обойтись без исторически сложившейся литературной нормы,

которая регулирует правильное употребление слов, значений и средств художественной изобразительности, а также грамматических и стилистических норм. Орфоэпические нормы и единообразие произношения также являются неотъемлемой частью литературной нормы, принятой для каждого языка в определенный период его развития» [Серебренникова 1970: 573].

«Литературный язык представляет собой обработанный, культивированный и творчески обогащенный общенародный язык. Однако языковая норма не является неукоснительным правилом, претендующим на обязательное выполнение. В зависимости от задач и целей коммуникации, а также особенностей функционирования языковых средств в определенном стиле, можно сознательно и мотивированно отступать от норм» [Введенская, Павлова, Кашаева 2014: 83–84].

Русский и азербайджанский литературные языки имеют богатую историю и долгие традиции. Однако генезис, история развития и структура понятия «литературный язык» различны в русском и азербайджанском культурно-языковом ареале. Различие между литературными русским и азербайджанским языками станет очевидным, если обратиться к дифференциальным характеристикам литературного языка, разработанным Н.И. Толстым [Толстой 1988: 17]: наличие/отсутствие выраженной диалектной базы, степень диалектной дробности, формирование письменного языка на базе первичных диалектов, непрерывность развития литературной традиции, сохранение литературной традиции, сохранение/смена диалектной базы при формировании литературного языка, наличие гетерогенной диглоссии, полифункциональность литературного языка. Фактически по всем критериям русский и азербайджанский литературные языки будут иметь определенные различия.

Однако следует отметить, что сам по себе литературный язык не является застывшей формой. Разговорный литературный язык, а также целый

ряд письменных форм близких к разговорным (личная переписка, смс, чаты и др.) работают по принципу нормы-модели, а не нормы-эталона.

Форма используемого языка также может зависеть от многих факторов, таких как место жительства, образование и социальный статус. Некоторые азербайджанцы могут использовать в повседневном общении формы близкие к устной речи или местную форму языка, в то время как другие могут предпочесть использовать более формальную форму языка в формальных ситуациях.

1.2.2. Диалект

В настоящее время азербайджанский язык сохраняет разнообразие диалектов, которые широко употребляются в повседневной, обыденной коммуникации. Несмотря на существование стандартного (литературного) языка, диалекты продолжают свое бытие и оказывают влияние на лексику, грамматику и произношение общего азербайджанского языка. Как следствие, использование в коммуникации азербайджанских диалектов остается актуальным и является важным аспектом языковой практики в современном обществе. Особую роль в сохранении и использовании азербайджанских диалектов играет азербайджанская диаспора, проживающая в различных странах, включая Россию. Азербайджанская община в Москве также сохраняет свои языковые традиции, а ее представители используют в общении между собой различные диалекты азербайджанского языка. Это является свидетельством того, что диалекты остаются важным фактором языковой и коммуникативной ситуации в азербайджанской общине.

Для более глубокого понимания диалектов необходимо обратиться к соответствующей лингвистической теории, которая поможет разобраться в их структуре, происхождении, эволюции и влиянии на языковую среду.

Т.В. Жеребило определяет диалект как «местное или социальное наречие, говор, являющиеся разновидностью общенародного языка» [Жеребило 2010: 91].

В.Ю. Михальченко определяет диалект как «разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Различают территориальные и социальные диалекты» [Михальченко 2006: с. 56].

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение диалекту: диалект – это «разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Различают территориальные и социальные диалекты» [ЛЭС 2010: 91].

Хотя в современном языкознании проводится множество диалектологических исследований, создаются диалектные словари и атласы, термины диалект, говор, наречие до сих пор не имеют точного и однозначного определения. [Goossens 1977: 147].

В лингвистике часто за термином «диалект» закрепляют «обозначение территориальных разновидностей языка и чаще применяют к разновидностям речи, которыми пользуются сельские жители, хотя в специальной литературе можно встретить словосочетания «социальные диалекты», «городские диалекты», «профессиональные диалекты»» [Беликов, Крысин 2001: 46]. При этом уточняется, что, хотя «территориальный, или местный, диалект по своему названию свидетельствует скорее о географическом, нежели социальном делении языка», однако «одновременно это и социальная разновидность» [там же]. Далее авторы приводят отличительные признаки, характеризующие эту форму языка, к «ним относятся:

- 1) социальная, возрастная и отчасти половая ограниченность круга носителей диалекта;
- 2) ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями;

3) образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектных систем;

4) нивелирование своеобразия диалектной речи под влиянием литературного языка» [там же: 46–47].

В.И. Беликов и Л.П. Крысин определяют социолект как «совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т.п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка» [там же: 47].

В статье А.Я. Минора «Стандартный язык и диалекты как формы существования немецкого языка» [Минор 2021] рассматриваются различия между стандартной формой и диалектами немецкого языка, но анализ взаимоотношений этих двух теоретических конструктов релевантен для многих языковых ситуаций. А.Я. Минор приводит целый ряд мнений по вопросу сущности диалекта. Так, Э. Шварц замечает, что вместо определения понятия «диалект» часто приводятся примеры диалектов и говоров, а также примеры переходных форм от диалекта к разговорному языку, когда структура диалекта становится менее ярко выраженной [Shwarz 1950: 17–19]. Оставляется на усмотрение читателя определить, является ли речь диалектом или же говором, или, возможно, оба явления неотличимы. Чаще всего диалект называют языком простых слоев населения [Martin 1926: 5] и формой языка, характерной и привязанной к определенной местности [Минор 2021: 86–87].

Несмотря на то, что данные определения часто не учитывают такие явления, как полудиалект, настоящий (чистый) диалект, базовый диалект, крестьянский диалект, диасистема, субкод, детский диалект, исторический диалект и т.д., затруднения в определении предмета исследования характерны и для таких явлений, как язык, слово и предложение. Обычно находится множество определений, которые не отражают сущности

предмета, который должен быть определен [там же]. А.Я. Минор предлагает следующие критерии различия стандартного языка и диалекта: лингвистический (оптимальное/неоптимальное оснащение всех уровней языка), функциональный (интимно-фамильярная сфера/общественная сфера), социолингвистический (низшие/средние и высшие социальные страты), этимологический (исторический) (первичная/вторичная форма), лингвогеографический (привязанность к определенной местности), коммуникативный (ограниченный/неограниченный радиус общения и понимания).

Пять существенных различий между нормой литературного языка и нормами нелитературных вариантов языка были отмечены Н. Б. Мечковской:

«1. Несмотря на свою генетическую связь с локальной диалектной базой, литературный язык возникает как принципиально наддиалектная форма существования языка, и, с течением времени, литературные языки становятся основной формой существования общенародных языков – как по разнообразию своих социальных функций, так и по месту в языковом общении всех говорящих.

2. В силу наибольшей социальной значимости литературного языка (в сравнении с другими формами существования общенародного языка) нормы литературного языка обладают наивысшим престижем в обществе.

3. Кодификация нормы возможна только применительно к литературному языку, и это отличает литературный язык от других форм существования языка: во-первых, она воплощена, практически реализована в определенном корпусе классических (образцовых) текстов; во-вторых, норма записана в виде перечней правильных слов, форм и конструкций, а также в виде правил и характеристик в нормативных грамматиках и словарях.

4. Норма литературного языка, в отличие от норм нелитературных разновидностей языка, наиболее устойчива перед воздействием конкурирующих норм (диалектов, просторечия, арго). При этом

непроницаемость литературной нормы для диалектизмов с течением времени возрастает.

5. Норма литературного языка более определена, дифференцирована, чем нормы территориальных и социальных диалектов» [Мечковская 2000: 30–33] (цит. по [Мелжик К.А.2011: 476–477]).

Концепция языковой нормы в отношении диалекта и других форм языка В. П. Коровушкина [Коровушкин 2005: 20] сходна с тезисами Н. Б. Мечковской, согласно В.П. Коровушкину «нормативность литературного языка, диалектов и просторечия различается прежде всего в том, что первая имеет письменно зафиксированные нормы, стабильность. Их обязательность и осознанность закрепляется кодификацией – регистрацией совокупности правил, обеспечивающих регулярное воспроизведение в речи образцового варианта языка. Нормы «нелитературные» создаются вариативным узусом, письменно не зафиксированы и не кодифицированы. Он называет кодифицированную норму литературного стандарта социально-стилистической нормой первого уровня, а узусную норму диалектов и просторечия – социально-стилистической нормой второго уровня. Нормы обоих уровней сосуществуют в трех основных видах своего взаимодействия: а) преобладание нормы первого уровня, б) паритетное варьирование норм, в) преобладание нормы второго уровня» [Коровушкин 2005: 21] (цит. [Мележик 2011: 477]).

В ситуации языков миграции, в частности, в ситуации азербайджанского языка в Москве, классическое соотношение языка и диалекта претерпевает серьезные изменения. Поскольку основной сферой использования языка становится семейное и дружеское общение, причем превалируют устные формы речи, снижается значимость лингвистического критерия различия языка и диалекта, нерелевантным становится функциональный критерий или его релевантность значительно снижается,

по-иному структурируются социолингвистический и лингвогеографический критерии. Более подробно об этом говорится во второй главе.

1.3. Билингвизм как ключевое понятие социолингвистики: подходы и классификации

Феномен билингвизма имеет долгую историю, и «под влиянием таких факторов, как глобализация, повышение мобильности и миграция, билингвизм будет продолжать расти и развиваться в разных частях мира [Deweale, Housen и Wei 2003: 1]. Однако объектом пристального научного интереса билингвизм стал относительно недавно.

С конца 50-х начала 60-х годов XX века исследование феномена билингвизма стало актуальным направлением социолингвистических и психолингвистических исследований как в советской, так и в зарубежной науке. В западной лингвистике это было связано с целым рядом политических, социальных и культурных процессов, таких как, например, процессы деколонизации, демократизация западных обществ и интерес к низшим социальным стратам, языковые практики, которые прежде не принимались во внимание, интерес к языковым и этническим меньшинствам. Также большую роль сыграл рост миграционных потоков в Северную Америку, Европу и ряд других регионов. Большинство иммигрантов говорили на родном языке, но также вынуждены были изучать язык страны, в которую приехали. Вопросы билингвизма в западной науке 60-70-х гг. XX в. рассматривались с разных ракурсов и на примере различных языковых ситуаций. Много работ было посвящено психологическим и социальным аспектам билингвизма.

В Советском Союзе вопросам билингвизма, для которого чаще использовался термин «двуязычие», были посвящены труды таких ученых как Н.А. Баскаков, Ю.Д. Дешериев, М.И. Исаев, У.М. Бахтикиреева, И. К. Белодеда, М. М. Михайлова.

Специфика языковых ситуаций и языковых идеологий СССР обусловила особый интерес советских лингвистов 60–70 годов XX в. к актуальной для того времени проблеме национально-русского или русско-национального двуязычия. Приоритетным направлением исследования двуязычия в СССР было функционирование языков в обществе с очень детальной проработкой сфер и сред использования того или иного языка.

В настоящее время продолжает появляться значительное количество исследований, посвященных билингвизму, что свидетельствует о большом и постоянном интересе к этой теме лингвистов, психологов, социологов, культурологов и представителей других направлений. Однако, несмотря на внушительную литературу по вопросу, следует отметить, что единого определения билингвизма до сих пор не существует. Это во многом связано со сложностью феномена билингвизма.

Целый ряд ученых, включая Л.Л. Нелюбина [Нелюбин 2003: 320] и Р.К. Миньяр-Белоручева [Миньяр-Белоручев 1999: 176], склонны определять билингвизм как владение двумя языками, которые используются в коммуникации. А.Д. Швейцер считает, что первый язык чаще всего является родным, а второй – неродственным, но широко используемым в рамках конкретной этнической общности [Швейцер 1990: 481–482]. У. Вайнрайх [Вайнрайх 1972], в свою очередь, определяет понятие «билингвизма» как практику переключения между двумя языками. В.Ю. Розенцвейг уточняет, что «двуязычие обычно понимается как владение двумя языками и регулярное переключение между ними в зависимости от ситуации общения» [Розенцвейг 1972: 80].

Билингвизм – «взаимодействие двух или трех языков в одном и том же языковом коллективе, языковом социуме. Различается билингвизм как социальное явление и билингвизм как факт речевой деятельности говорящего или пишущего. Социальный билингвизм – это языковые контакты в истории

народов и их языков, это современное функционирование языков в одной стране» [Жеребило 2010: 49].

Л. Узун определил билингвизма как «явление, которое наделяется ценностью как для индивидуума, так и для общества. Это различает понятия индивидуального и социального билингвизма» [Uzun 2006].

При рассмотрении билингвизма как индивидуального качества мы сталкиваемся с индивидуумами, которые используют два различных идиома для своих коммуникативных целей и осознают это. При рассмотрении билингвизма в социальном аспекте речь идет об обществе, где в пределах одной территории используются два языка [Uzun 2006]. Индивидуальное двуязычие означает, что человек овладевает двумя или более языками в зависимости от своего окружения и личных потребностей. Социальный билингвизм предполагает использование двух разных языков разными группами. Здесь могут быть различные конфигурации. Например, каждая группа говорит только на своем языке. Это наиболее распространенная форма социального билингвизма в бывших колониальных странах. Во втором случае люди в сообществе в массе двуязычные. В третьем случае, в рамках третьей формы социального билингвизма, одна группа является одноязычной, а другая группа – двуязычной. Эта форма является наиболее распространенной среди языковых/этнических/национальных меньшинств [Appel, Muysken 2005].

В словаре под редакцией В.Ю. Михальченко находим следующее определение билингвизма:

«Билингвизм (двуязычие) это – владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе. Б. предполагает употребление разных языков, в отличие от диглоссии, под которой в большинстве случаев понимается употребление различных

подсистем (субкодов) одного и того же языка. Б. может быть присущ как индивиду, так и коллективу. Б. возникает в условиях полиэтнического общества и в условиях языковых контактов» (...) Различаются следующие виды Б.: координативный, субординативный, смешанный Б. (исходя из психолингвистического аспекта взаимодействия двух языковых систем в сознании и языковой компетенции билингва); групповой и индивидуальный Б. (по количеству билингвов); массовый (как по числу билингвов, так и по социальной значимости в обществе); ранний, подростковый, юношеский Б. (по признаку возраста, в котором индивидом был усвоен второй язык); сбалансированный и несбалансированный Б. (по уровню языковой компетенции билингва) – то же, что и равноценный, доминантный билингвизм; индивидуальный и массовый Б.; симметричный и асимметричный Б. (по характеристике социально-ролевой и функциональной равноправности двух языков); пассивный и активный Б. (по преобладающим речевым навыкам и видам речевой деятельности билингва); естественный и искусственный Б. (по способу освоения второго языка); односторонний и двусторонний Б. (виды коллективного билингвизма, выделяющиеся по признаку владения двумя языками обоими контактирующими коллективами или только одним из них); внутригрупповой и межгрупповой Б. (по характеристике внешних и внутренних связей социальной группы); контактный и неконтактный Б.; культурный Б. (по преобладающим ситуациям общения билингва); национальный Б. (по этноязыковому признаку билингвов); функциональный Б. (по характеристике преобладающих сфер общения, в которых билингв употребляет второй язык); начальный – остаточный, прогрессивный – регрессивный Б. (как характеристика этапов смены языка)» [Михальченко 2006: 31].

Американский лингвист У. Вайнрайх, в основе идей которого лежит функциональный подход, даёт определение билингвизма как практического использования двух языков взаимозаменяемым образом, и человека, который

их практикует, можно назвать билингвальным [Winereich 1953]. Эта точка зрения близка к позиции Е. М. Верещагина, считавшего, что двуязычие — это способность использовать два языка для общения. Двуязычие — это ментальный механизм, позволяющий постоянно воспроизводить и проводить речевые исследования, принадлежащие к двум языковым системам [Верещагин 1969: 170]

В западной социолингвистической традиции сложились различные подходы к билингвизму: в зависимости от уровня владения языками, от компетенции, от когнитивных структур, от возраста усвоения, от статуса языков, от типов культурной идентичности, от типов языкового сообщества (монолингвальное или билингвальное).

Вопрос об уровне владения языком, который можно признать достаточным для определения человека как билингва, остается открытым. Ряд ученых считает, что человек может быть назван билингвом только в том случае, если он превосходно владеет обоими языками. Таких взглядов придерживался выдающийся американский лингвист Л. Блумфилд. Он определял билингвизм следующим образом: «билингвизм заключается в одинаковом владении двумя языками и способности выражаться на родном и изученном языке» [Bloomfield 1933: 56]. Близкую позицию имеет В. А. Аврорин, который считает, что двуязычным можно назвать только такого человека, который обладает одинаковой свободой выражения на обоих языках [Аврорин 1972]. Напротив, Дж. Макнамара под билингвизмом понимал любое даже самое минимальное владение вторым языком [Macnamara 1967].

По параметру социокультурного статуса языка различают позитивный (аддитивный, дополнительный) тип билингвизма (если оба языка социально престижны), и негативный (сустрактивный) типы билингвизма, если один из языков социально непрестижен. [Johnson 2006]. Негативный билингвизм характерен для ситуаций, когда родной язык не ценится по сравнению с

доминирующим языком [Alpay 2010: 87]. При анализе миноритарных языковых ситуаций этот вид двуязычия представляется особенно важным, поскольку именно негативный тип билингвизма приводит к языковому сдвигу и к утрате родного языка.

В последние годы лингвисты уделяют большое внимание вопросу различия искусственного и естественного билингвизма. Естественный билингвизм подразумевает овладение языком в процессе социальной адаптации, то есть инкультурации, а искусственный – в результате специального обучения. В научной литературе понимание искусственного билингвизма различно, так как объектом исследования может быть формирующийся или сформированный искусственный билингвизм как результат целенаправленного обучения. При этом знание языка может достигаться в достаточно широких временных рамках. Другими словами, цель искусственного билингвизма заключается в потенциальной возможности использования языка в контексте профессиональной и личностной самореализации, в то время как параллельное изучение языка в рамках естественного билингвизма является средством адаптации к социальной среде. Для успешного формирования естественного билингвизма необходимо наличие языковой среды, неограниченное время для общения, естественные ситуации общения и многочисленная речевая практика в разнообразных контекстах [Булгарова, Брагина, Новоселова, Золотых 2017: 389].

Существует также классификация билингвизма, которая основывается на способе усвоения неродного языка. А. А. Залевская и И. Л. Медведева выделяют две категории: естественный (бытовой) и искусственный (учебный) билингвизм. При естественном билингвизме происходит непосредственное погружение в иную языковую среду, что ведет к приобретению богатого речевого опыта и полному погружению в иноязычную культуру. Отмечается, что этот процесс происходит интуитивно.

Искусственный билингвизм, напротив, связан с использованием специальных методов и средств при обучении и требует волевых усилий [Залевская 2002: 7].

В Таблице 1 приведены различные подходы и соответствующие им типы билингвизма.

Параметры анализа		Комментарии
А. По соотношению языка и мышления (когнитивный ракурс)	1. Смешанный 2. Координативный	Единица L1 один концепт Эквивалент на L2 Единица L1 = концепт 1 Эквивалент L2 = концепт 2
Б. По уровню компетенций в двух языках	1. Сбалансированный 2. Доминирующий (несбалансированный)	Компетенции L1 = Компетенции L2 Компетенции L1 > Компетенций L2
В. В зависимости от возраста усвоения	1. Ранний – одновременный, – последовательный 2. Подростковый 3. Взрослый	L2 приобретен в детстве (до 10/11 лет); L1 и L2 = родной язык L1 = родной язык L2 приобретен в возрасте от 4–5 до 10–11 лет L2 приобретен от 10/11 до 16/17 лет L2 приобретен после 16/17 лет
Г. В зависимости от социокультурного статуса языка	1. Дополняющий (аддитивный, позитивный) 2. Сустративный (негативный)	L1 и L2 социально престижны, функции дополнительные, развитие гармоничное L2 престижен за счет L1, соперничество, L2 приобретается за счет L1.
Д. В зависимости от социокультурной принадлежности и структуры идентичности	1. Билингвизм/бикультурализм 2. Билингвизм/монокультурализм L1 3. Билингвизм/аккультурация L2 4. Билингвизм/аккультурация+аномия	Бикультурная идентичность Монокультурная идентичность (выбор) Выбор и переход на культуру L2 Неопределенная культурная идентичность (колебания)

Таблица 1. Типы билингвизма [Hamers, Blanc 1983: 27]

Помимо приведенной выше типологии билингвизма, существуют и иные. Получила известность классификация Е.М. Верещагина, который выделил следующие типы билингвизма:

1. Воспринимающее двуязычие, при котором человек понимает второстепенную речь. Этот тип характерен для изучения так называемых мертвых языков.

2. Репродуктивное двуязычие, при котором человек обладает способностью воспроизводить прочитанное и/или услышанное. Примером может служить изучение неродного языка самостоятельно для получения знаний.

3. Продуктивное двуязычие, основанное на понимании и создании текстов на обоих языках. Оно позволяет повысить уровень использования приобретенного языка.

4. Чистое двуязычие, при котором использование двух разных языков происходит дома и в общественных местах.

5. Смешанное двуязычие, характеризующееся постоянной связью между двумя речевыми механизмами, при котором языки сильно влияют друг на друга и взаимопроникают в речевой практике [Верещагин 2014].

1.4. Транслингвизм как текучая форма билингвизма в условиях интенсивных языковых контактов

Термины транслингвизм и транскulturность возникли относительно недавно и являются удобными и адекватными инструментами анализа особых языковых ситуаций с высоким уровнем проницаемости языков и возникновением «нового качества обогащенной лингвокультуры» [Прошина 2016: 6]. Вопросы транслингвизма затрагиваются в работах Т.П. Млечко [Млечко 2013], З.Г. Прошиной [Прошина 2011, 2012, 2016] У.М. Бахтикиреевой [Бахтикиреева 2015, 2016], и др. «Под транслингвальностью понимают плавный переход от одной лингвокультуры к другой, результатом чего становится в какой-то степени их слияния при отсутствии полной ассимиляции и сохранении лингвокультурной идентичности пользователей языков и в тоже время создания смешанных дискурсов» [Canagarajah 2013] (цит. по [Прошина 2016: 6]). Сам феномен транслингвизма и транслингвальности обусловлен высоким уровнем всех типов мобильности в современном мире, в том числе миграционными потоками разной природы. «В интенсивных взаимодействии и взаимовлияниях народов, языков и

культур создается и развивается новое состояние человечества, новая логика и процесс смыслообразования, – то, что современный исследователь не может не подвергать изучению. Рождения новых смыслов неизбежно ведёт к переосмыслению понятий «границы, миграции, полилингвальности, транслингвизма, транскультурации» [Бахтикиреева 2016: 76].

«Вытекающий из транслингвальности термин трансязычие означает языковую практику биллингов [Celic 2011], под которыми понимаются люди, успешно общающиеся на двух и более языках. Транслингвальный подход делает акцент не на языке как системе, а на языке как практике, т.е. деятельности [Pennycook 2008: 305]. Определение транслингвизма Клары Молиной связывает транслингвизм с современным пониманием лингва франка: транслингвизм – это сбор информации минимум на двух языках и передача её посредством третьего языка [Molina 2011: 1246]. В самом деле, именно ради понимания и передачи информации коммуниканты с разными родными языками и различными культурными багажами прибегают к самым разным коммуникативным стратегиям в транслингвальной ситуации общения: смешение и переключение языковых кодов, заимствования, гибридизация языков, пиджинизация, упрощение, обращение к интернациональным словам, переспрос, перифраза, использование невербальных средств (жесты, мимика, звукоподражания и т.п.), активизация металингвистических знаний» [Прошина 2016: 6].

1.5. Особенности диглоссии в ситуации языков миграции

Ситуация языков миграции по определению является миноритарной и, как правило, диглоссной, поскольку языки миграции не являются языками коренных народов Российской Федерации, не обладают каким-либо статусом, а следовательно, их функционал существенно ограничен по сравнению с государственным, официальным языком или автохтонными (историческими) языками Российской Федерации. В действительности, такое положение характерно фактически для всех стран.

Впервые термин «диглоссия» использован в трудах французского дипломата и ученого греческого происхождения Я. Психариса. Фактически до конца 50-х годов XX века понятия «билингвизма» и «диглоссии» не разводились и часто употреблялись синонимически. Первой работой, в которой была предпринята попытка концептуализировать понятие «диглоссия», была статья «Diglossia» Ч. Фергюсона, написанная в 1959 году. В этой статье Ч. Фергюсон обосновывает закрепление использования термина «диглоссия» за социальным измерением языковой ситуации, а термин «билингвизм» – за индивидуальным. Безусловно, билингвизм может быть и социальным, но речь все равно идет о носителях билингвизма – владеющих/говорящих на двух языках людях. Большой вклад в уточнение понятия «диглоссия» внесли такие исследователи как Дж. Фишман, У. Стюарт, Э. Хауген, Х. Клосс.

В диссертации диглоссия поднимется в «соответствие с общепринятым и, ставшем классическим, определением Дж. Фишмана 1967 года. Дж. Фишман пересмотрел и дополнил известное определение диглоссии, данное Ч. Фергюсоном в 1959 году. Ч. Фергюсон обратил внимание на существование особых социолингвистических ситуаций, в которых сосуществуют варианты одного языка, но лингвистически достаточно удаленные и четко осознаваемые как отдельные варианты, с ясно распределенным функциями внутри языкового сообщества. Один вариант получил название высокого (High), второй – низкого (Low). К таким ситуациям относилось использование арабского классического и диалектов арабского языка, стандартный немецкий и диалекты немецкого языка в Швейцарии, французский и креольский на базе французского на Гаити и высокий вариант греческого (кафаревуса) и димотика. Анализируя ряд языковых ситуаций в связи с билингвальными практиками, Дж. Фишман предложил распространить понятие диглоссии на ситуации языковых контактов любых языков, а не только вариантов одного языка. Там же было

предложено закрепить за термином «диглоссия» социальное измерение языковых ситуаций, в которых отмечается дополнительное функциональное распределение используемых идиомов, а за термином «билингвизм» – индивидуальное» [Москвичева, Вио, Замалетдинов 2023: 602]. Близкое определение диглоссии дает Лингвистический энциклопедический словарь [ЛЭС 1990: 136].

Оппозиция высокого и низкого варианта с неизбежностью приводит к трактовке контактирующих вариантов языка (Ч. Фергюсон) или языков (Дж. Фишман) как разностатусовых и функционально находящихся в дополнительном распределении. В работе Ч. Фергюсона высокий и низкий варианты противопоставляются по трем параметрам. В области использования высокий вариант связан с публичным устным и письменным общением на супралокальном уровне, с литературой, искусством, наукой, образованием, администрацией и др. Низкий вариант используется в семейном общении, общении на местном уровне, иногда в устной профессиональной коммуникации и др. По параметру принадлежности носителей варианта к социальным слоям, высокий вариант используют хорошо образованные высшие классы, низкий вариант характерен для низших классов с минимальным уровнем образования. Наконец, низкий вариант обладает ограниченной коммуникативной силой, а высокий полным набором коммуникативных функций.

Подход к типологии языковых ситуаций в терминах диглоссии, на наш взгляд, продуктивен при описании языков миграции. Он является релевантным и для анализа ситуации азербайджанского языка в Москве. Хотя, конечно, обладает спецификой в сравнении с диглоссными ситуациями автохтонных языков на своих территориях. Исследуя языковые контакты в условиях миграции, необходимо в иной перспективе учитывать такие факторы, как, например, уровень и типы диастратического и диафазического

варьирования, репрезентации языка, связанные с фактором престижа, типы лояльности по отношению к идиому.

В ситуации миграции все формы азербайджанского языка оказываются вне своих территорий и, как следствие, в миноритарной ситуации, идет ли речь и литературном языке или о его диалектах. Диалект азербайджанского языка, с одной стороны, оказывается дважды минорируемым – и по отношению к литературной форме и по отношению к русскому языку. С другой же стороны, без давления со стороны престижа литературной формы, поскольку она становится не востребованной в ситуациях анонимного формального и официального общения, где полностью замещается русским языком, диалект приобретает особую значимость и свободу в семейном общении, где становится маркером близости говорящих. Форма же литературного языка становится востребованной не столько в престижных сферах анонимной формальной коммуникации, сколько в дружеской коммуникации выходцев из разных регионов Азербайджана, символическим маркером которой он становится. За литературным языком закрепляется символическая функция обладания «другой» высокой культурой и принадлежность к ней.

1.6. Особенности символического поля языковой ситуации языков миграции

Функциональное распределение языков в языковой ситуации миграции также зависит от конфигурации символического измерения языковой ситуации, которое включает языковые идеологии [Silverstein 1979], языковое воображаемое [Houdebine 1982, 1985], языковые декларации [Maurer 2013: 18], языковые репрезентации, языковые аттитюды [Abric 1994, Lafontaine, 1997; Lambert, 1972; Maurer 2013, Moscovici 1989, 1992; Леонтьев 2002]. Описание и анализ языковой ситуации не может быть полным и адекватным без учета этих параметров. Именно они задают векторы динамики языковой ситуации, обуславливают выбор языков и форм языка.

«Термин «репрезентация» был заимствован социолингвистикой из социологии и социальной психологии, куда, в свою очередь он пришел из философии. В этих дисциплинах «репрезентации» означают формы обыденного, ненаучного, социально разделяемого знания, которое служит основой понимания и концептуализации окружающей действительности для всех членов социального, культурного или языкового сообщества. (...) В социолингвистике интерес к исследованию репрезентаций языка (language representations/représentations linguistiques) связан с интересом к языковым идеологиям и языковому воображаемому в целом [Houbedine 2015]. Репрезентации языка оказываются одним из центральных концептов в когнитивных антропоцентричных парадигмах социолингвистики и в исследованиях, связанных с изучением лингвистической идентичности. Анализ структуры репрезентаций языка продуктивен при исследовании как монолингвизма, так и мультилингвизма. В ситуациях монолингвизма исследователя могут интересовать репрезентации, возникающие у носителей идиома относительно стандартной формы языка и его диалектов, различных стилистических регистров, устных и письменных форм языка. В фокусе анализа могут быть и репрезентации, связанные с восприятием и оценкой вариативных единиц на разных уровнях языковой структуры. Не менее продуктивен подход с точки зрения репрезентаций и в ситуациях мультилингвизма, при изучении ситуаций языковых контактов. Здесь могут представлять интерес репрезентации, связанные со структурными и иными особенностями контактирующих языков, с переключением кода, с восприятием миноритарного и мажоритарного языка и/или их форм в целом» [Москвичева 2014, Москвичева, Вио, Замалетдинов 2023: 605–606].

С.А. Москвичева при анализе социолингвистических ситуаций предлагает выделять пять основных кластеров репрезентаций: «Идентичность» (Кто мы?), «Инструментальная функция» (Какой язык мы используем?), «Регуляторная функция» (Что делать, чтобы языковые

потребности были удовлетворены), «Символическая функция (Что значит для нас использовать этот язык), «Должное» (Какой язык мы должны использовать?) [там же: 608].

Языковые аттитюды основываются на репрезентациях языка, но их природа связана с активным, волевым началом. Языковые аттитюды — это осознанные активные или пассивные акты, направленные на те или иные языковые практики [Moskvitcheva, Viaut 2021]. Наиболее известным примером языкового аттитюда является языковая лояльность. «Под языковой лояльностью понимается сознательная поддержка и использование родного языка в ситуации языковых контактов, прежде всего в билингвальных и диглоссных ситуациях. В большинстве работ, посвящённых языковой лояльности, речь идет о миноритарных языках и языках в миноритарной ситуации, но языковая лояльность может быть характерна и для мажоритарных языков и ситуаций монолингвизма. В последнем случае речь, как правило, идет о лояльностях, связанных с языковым пуризмом. Языковая лояльность тесно связана с параметрами этнической и социальной идентичности: историческая память, осознанные коллективные практики, религия, культура относятся к факторам благоприятным для появления языковой лояльности» [Niculescu 1996: 715–720] (цит. по [Москвичева, Вио, Замалетдинов 2023]). Языковая лояльность важный, но не единственный тип аттитюда. У. Лабову принадлежит понятие языковой неуверенности и гиперкоррекции, которые по своей природе также являются аттитюдами.

В диссертации мы используем типологию лояльностей, предложенную С.А. Москвичевой. В основе данной типологии лежат переработанные идеи Лорены Сискар, Давилда Гонсалеса и Пау Переса [Ciscar, González, Pérez 2002]. Структура языковой лояльности включает лояльность по формам языка, лояльность по компетенциям, инструментальную лояльность, символическую лояльность и прескриптивную лояльность [Москвичева, Вио, Замалетдинов 2023].

В ситуации миграции типы лояльности также претерпевают изменения в связи с изначально различной конфигурацией параметров языковой ситуации миноритарного языка на своей территории и языка миграции, особенно если речь идет о функционально развитом языке с долгой письменной традицией. Для автохтонных миноритарных языков на своих территориях, как правило, характерна инструментальная спонтанная лояльность по разговорным компетенциям. Носители языка продолжают использовать свой язык в семейной коммуникации и в анонимном общении в пределах сельских населенных пунктов. Письменные формы таких языков, даже если они существуют, как правило, не вызывают большого интереса у естественных носителей языка, что приводит к отсутствию инструментальной спонтанной письменной лояльности и часто – к низкому уровню символической письменной лояльности. Активная волевая лояльность преимущественно характерна для языковых активистов. Безусловно, каждую языковую ситуацию нужно рассматривать индивидуально, но общие закономерности таковы. В случае азербайджанского языка также сохраняется активная спонтанная инструментальная лояльность к разговорным формам языка в бытовом семейном общении. Вместе с тем возникают и активно создаются особые ситуации и сферы общения, где происходит сознательное использование языка, причем не только языковыми активистами, но и рядовыми носителями языка. Инструментальная письменная лояльность значительно ниже разговорной, но присутствует. Главное же отличие состоит в том, что показатели символической письменной лояльности очень высоки. Даже если письменный язык не используется или используется незначительно, он обладает высокой ценностью и символической значимостью для представителей азербайджанской общины.

1.7. Категории «этнос», «народ» и «нация» применительно к диаспоральным меньшинствам

Для решения задач, поставленных в работе, необходимо дать ответ на вопрос: кем, с точки зрения теории этноса, являются азербайджанцы России: этносом, народом или нацией/национальным меньшинством. Дело том, что среди представителей общины, среди которых мы проводили исследование, были талыши, лезгины, а также выходцы из смешанных семей. Все они владеют азербайджанским языком, инкультурированы или аккультурированы в азербайджанскую культуру. Тем не менее возникает вопрос, насколько правомерно включать их в исследование. Для ответа следует посмотреть, как теоретически и методологически разводятся три понятия: этнос, народ и нация.

Демографический энциклопедический словарь определяет этнос как «устойчивую общность людей, сформировавшуюся на основе общности территории и языка, и выступающую как племя, народность или нация. Общность языка и территории являются основными условиями возникновения этноса и его основными признаками. По мере развития общества и влияния внешних факторов, внутри этноса формируются материальная и духовная культура, групповые психологические характеристики, этническое самосознание и общее самоназвание – этноним. Важным фактором формирования этноса может стать общность религии и близость в расовом отношении» [ДЭС 1985: 608].

В России С.М. Широкогоров, и позже Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, Г.С. Кара-Мурза, В.А. Тишков обращались в своих работах к проблеме определения этноса. Осмысление этничности стало неотъемлемой частью любой науки, связанной с исследованием человека и общества.

Согласно концепции Ю.В. Бромлея, этнос – это социально-культурное явление. Согласно его представлениям, «этноты характеризуются

определенными этническими свойствами, это культура, язык, этнические самосознание, закрепленное в самоназвании» [Бромлей 1983: 150].

В «этносе» актуализируется сема «этнической принадлежности», однако данная единица безразлична к институту гражданства, особенно это относится к форме прилагательного «этнический». Безразличие к институту гражданства приводит к тому, что для многих исследователей употребление данной лексемы, преимущественно в форме прилагательного, оказывается предпочтительнее, чем использование коннотированных и полисемических единиц «нация» или «народ» [Moskvitcheva 2014: 32].

Понятие «народ» используется в различных контекстах. Его могут использовать для обозначения этнических субъектов, надэтнических общностей (например, многонациональный российский народ), как синоним слова «население» и т.д. [Семенов 2013: 21]. В этносоциологии «этнос» и «народ» рассматриваются как различные термины и принципиально отделены друг от друга.

Слово «народ» имеет давнюю историю своего использования в русском литературном языке. Вместе со словом «племя» (в значении, относящемся к родовой характеристике, например, славянское или финское племя) оно использовалось при составлении первого списка народов Российской Империи перед переписью 1897 года. «В настоящее время слово «народ» имеет как минимум четыре значения. В первом значении оно относится к населению страны, но не обязательно связывается с принадлежностью к государству. Второе значение — это совокупность людей по этнической принадлежности, такие как русский или украинский народ. Третье значение — это трудящаяся масса, а четвертое — группа людей. Третье и четвертое значение не входит в сферу наших интересов. Второе значение условно синонимично понятию «этнос». Первое же значение слова «народ» (население страны) с трудом может быть использовано в нейтральном контексте, как обозначение граждан страны» [Москвичева 2014: 57]. Таким

образом, семантика слова «народ» размыта и использовать его как термин не всегда удобно.

Рядом исследователей «народ» рассматривается как целенаправленная и мобилизованная общность, созданная для достижения определенной исторической цели. Структура общества в народе качественно усложняется, появляются социальные стратификации, классы и профессиональные градации, что нарушает целостность этноса, участвующего в формировании народа [Семенов 2013: 25]. В целом же категория «народ» сохраняет черты романтической парадигмы эпохи, когда она была наиболее востребована в науке. Оперировать ей в настоящее время достаточно проблематично.

Термин «нация» получил смысл благодаря французской концепции государства, разработанной в трудах Ж-Ж. Руссо, Е. Сьейеса и др. и реализовался в ходе Французской революции. Здесь концепт нации понимался как союз свободных и равных людей, являлся продуктом демократической идеологии и результатом гражданской сформированности общества.

В советской науке долгое время было распространено определение нации, предложенное И. В. Сталиным, согласно которому «нация – это исторически устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Сталин 1934: 8]. Эта концепция нации в многом опирается на немецкую философскую традицию, где понимание нации близко к понятию народ или этнос. В мировой и российской науке в целом доминирует французский подход, наиболее последовательным проводником которого выступает В.А. Тишков. Вместе с тем многие авторы постсоветского периода сохраняют традиционное для СССР понимание нации как определенного этнического сообщества. Так, например, Р. Г. Абдулатипов определяет нацию как этническое объединение и выступает против подхода В. А. Тишкова,

который придерживается идеи нации как сообщества граждан государства [Тишков 2013: 36].

Таким образом, термин «этнос» в литературе по преимуществу используется безотносительно к институту гражданства и государственности. Термин «народ» амбивалентен и может трактоваться как в рамках института государственности, так и вне его. А вот нация чаще всего твердо связана с государством и гражданскими институтами.

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, что представители азербайджанской общины, которые приняли участие в нашем опросе, могут быть определены или как граждане России – этнические азербайджанцы в случае, если это хорошо интегрированное не первое поколение, или как представители неавтохтонного национального меньшинства, где под нацией понимаются все граждане Азербайджана. При этом все они являются представителями азербайджанской общины Москвы, если сами считают себя таковыми. Безусловно, мы понимаем всю условность данного подхода, но для исследования вопроса о функциональном распределении языков в азербайджанской общине считаем, что он вполне удовлетворителен.

ГЛАВА II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ОБЩИНЫ В МОСКВЕ

Азербайджанская община в России «появилась еще в средние века, когда на территорию России приезжали немногочисленные торговцы. В начале XIX века, после покорения Кавказа, появился новый виток этого процесса. В послевоенный период, в конце 1950-х – начале 1960-х годов, многие азербайджанские студенты-нефтяники стремились в Россию из-за открытия нефтегазовых месторождений в Сибири. Они стали костяком современной азербайджанской диаспоры и возглавили азербайджанские общины в России в начале 1990-х годов» [Юнусов 2006: 81].

2.1. Число азербайджанцев в Российской Федерации и Москве и их владение азербайджанским языком по данным переписей населения

По данным Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 годов [Всесоюзная перепись 1989, Всероссийская перепись 2002, Всероссийская перепись 2010, Всероссийская перепись 2020] численность азербайджанцев в России существенно колебалась за последние 30 лет. В 1989 их число составляло 335 889 человек, максимум пришелся на 2002 год – (621 840 человек), а в 2020 их число снизилось до 474 576 человек.

Также произошло снижение числа людей, владеющих азербайджанским языком, как в абсолютных цифрах, так и в процентах: в 2020 году таковых было 291 484 человека, что на 38% меньше, чем в 2010 году и на 43% меньше, чем в 2002 году. Уменьшилась доля владеющих азербайджанским языком и в процентном отношении от общего числа азербайджанцев в России. В 2002 году 81% азербайджанцев заявили о владении азербайджанским языком (505 042 из 621 840 человек), в 2010 эта цифра составила 78% (472 044 из 603 070), в 2020 была равна 61% (291 484 из 475 576 человек).

Динамика демографической ситуации азербайджанцев, проживающих в Москве также отражена в материалах Всероссийских переписей населения

2002, 2010 и 2020 годов. В 2002 году количество азербайджанцев в Москве достигало 95 563 человека, в 2010 году, их число сократилось до 57 123. По последней переписи населения 2020 года в Москве проживало 37 259 азербайджанцев, что также является снижением численности по сравнению с 2010 годом.

Данные о знании азербайджанцами Москвы своего родного языка доступны только в материалах переписи населения в 2010 и 2020 годах. В абсолютном значении 2010 году их число равнялось 56 637, что составило 99% от общего числа азербайджанцев Москвы, а в 2020 году оно сократилось до 19 640, что равно 52% от общего числа. Причины такого значительного снижения года требуют дополнительно изучения и уточнения, но в целом очевидно, что азербайджанский язык постепенно теряет популярность среди азербайджанской общины в России и Москвы, но, тем не менее, он остается значимым в лингвистическом разнообразии Москвы и Российской Федерации.

2.2. Определение московских азербайджанцев как диаспоры или общины

В этом параграфе приведем аргументы в пользу решения определить азербайджанцев Москвы как общину, а не как диаспору.

В современном мире происходят массовые миграции населения. Эти процессы могут усиливаться из-за глобализации, создания новых государств, локальных конфликтов и войн, а также экономического неравенства между странами и регионами. Как следствие, число людей, живущих за пределами своих традиционных мест обитания, может увеличиваться в будущем. В различных обществах переселенцы могут создавать новые сообщества, которые влияют на этнический макет соответствующих стран и регионов. Многие из этих сообществ могут создать собственные культурные среды, которые способны продолжительно существовать. Такие новые процессы вызывают общий интерес исследователей и социума в целом, и необходимо

должным образом отразить их в понятийном аппарате науки [Курносова 2006: 235]. Вопрос о значении и трансформации понятия «диаспора» изложен в работах Т.С. Кондратьевой [Кондратьева 2010], Ю.С. Обидиной [Обидина 2012].

В английской Британской энциклопедии термин «диаспора» определяется как «расселение евреев среди нееврейских народов после Вавилонского изгнания». Однако отмечается, что этот термин включает в себя не только физическое разделение евреев, но и религиозный, философский, политический и эсхатологический смысл, так как евреи испытывают особую связь со своей родиной – Израилем. В этом издании представлено понимание «диаспоры» через призму еврейской истории и относится только к жизни этого народа [Encyclopedia Britannica 2006].

В «Политологическом словаре» термин «диаспора» определяется следующим образом: «пребывание значительной части нации за пределами основного исторического региона ее происхождения (места развития). Диаспора обычно возникает в результате насильственного выселения, угрозы геноцида и других факторов» [Электронный ресурс 153]. Здесь речь идет уже не только о евреях, а основным признаком диаспоры считается травматический исход из прежней родины.

Авторы «Социологического словаря» вносят новый элемент в понимание термина «диаспора» и определяют его как «пребывание части народа (этнической общности) за пределами страны своего происхождения при сохранении чувства идентичности со своей родиной» [Электронный ресурс 154].

Культурологический и философский словари дают почти одинаковое определение термина «диаспора». В первом определяется «диаспора» как «религиозные и этнические группы, которые живут в новом месте, среди коренного населения».

А во втором отмечается, что термин «диаспора» (греч. рассеяние) впервые относился к еврейским колониям вне Палестины, возникшим в VI в. до н.э. во время Вавилонского плена. В настоящее время термин «диаспора» также применяется к другим религиозным и этническим группам, которые живут в новых районах и находятся в положении национально-культурного меньшинства [Электронный ресурс 166].

Как отмечает Кевин Кенни, одним из важных аспектов диаспоры является идея возвращения, присутствующая практически у каждой диаспоры. [Kenny 2013]. Иногда желание вернуться имеет конкретное физическое проявление, как в случае сионистского движения или переселения африканцев из Северной и Южной Америки в свою родную Африку. В большинстве случаев, однако, осознание невозможности реализации этого желания только усиливает его значение и приводит к появлению сильных политических, культурных и духовных движений. Например, большинство африканцев в Северной и Южной Америке не имели реальной возможности физически вернуться на свою родину, но это не помешало возникновению движений типа «Back-to-Africa».

Нет однозначного определения термина «диаспора» в социологии. Его использование варьируется от очень узкого понимания, ограниченного еврейскими диаспорами, до очень широкого, который применяется к любым этническим и религиозным меньшинствам, живущим вне своих территорий. Узкое определение не имеет особого практического применения, так как крайне ограничено. Безусловно, еврейская диаспора обладает специфическими чертами и условиями возникновения, однако уникальность этого явления искусственно преувеличивается. Существуют и другие этнические группы, имеющие схожие признаки существования. Если акцентировать внимание на этой похожести, а не на различиях, понятием «диаспора» можно будет обозначать достаточно широкий круг явлений.

Одновременно необходимо избежать слишком широкого определения, чтобы сохранить специфику описываемых явлений и избежать пересечения с уже устоявшимися терминами в науке [Кондратьева 2009].

В научной литературе понятие диаспоры чаще всего относилось к переселенным народам или людям, которые были рассеяны по всему миру насильственно. Некоторые исследователи упоминают только еврейское рассеяние, в то время как другие говорят также о переселении африканских рабов, о торговых группах, например греках в Западной Азии и Африке, об арабских торговцах, которые привнесли ислам в Юго-Восточную Азию [Юдина 2006: 9].

З.И. Левин утверждает, что «этническая диаспора существует так же давно, как и сами этносы» [Левин 2001: 5]. Тем не менее, внимание исследователей к этому социокультурному явлению обратилось лишь с конца 1970-х годов. Ранние работы, опубликованные до этого времени, фокусировались главным образом на еврейском рассеянии, а термин «диаспора» применялся до 1980-х годов лишь в контексте переселенцев еврейского, палестинского происхождения [Ручкин 2007].

В 1980-е годы ряд западных ученых, главным образом американских, начали публиковать работы, которые послужили отправной точкой для дальнейшего исследования широкого спектра проблем, связанных с диаспоризацией. Тем не менее, диаспоры как транснациональные сообщества стали широко изучаться только в 1990-е годы. Значительный вклад в теоретическое понимание диаспорального явления внесли ряд видных западных ученых, таких как D. Armstrong, R. Brubaker, M. Dabag, J. Clifford, W. Conner, R. Cohen, W. Safran, G. Sheffer, M. Esman и другие.

В России интерес к изучению диаспор, как отмечает демограф А.Г. Вишневский возник только во второй половине 1990-х годов. «В прошлом понятие «диаспора» было не слишком популярно в СССР, и сама тема диаспор почти не привлекала внимания исследователей. Это можно

объяснить тем, что как для Российской, так и для Советской империй было характерно территориальное рассеяние народов, и это не способствовало формированию диаспор» [Вишневский 2000: 114].

После распада СССР в 1991 году и создания новых государственных границ многие этнические группы (в основном русские) оказались автоматически отрезанными от территорий, на которых они ранее жили компактно со своими соплеменниками, и в этом смысле стали диаспорами. Одновременно, появились условия для свободного передвижения людей в постсоветском пространстве, что привело к образованию мощных миграционных потоков, прежде всего из бывших республик Средней Азии и Закавказья. В результате начался процесс диаспоризации России, скорость которого наверняка одна из самых быстрых в мире. Именно поэтому в настоящее время диаспоральная тематика обретает всё большую практическую и теоретическую значимость [Вишневский 2000: 115].

За последнее десятилетие ряд российских ученых, среди которых М.А. Аствацатурова, В.И. Дятлов, Т.С. Илларионова, З.И. Левин, А.В. Милитарев, Т.В. Полоскова, В.Д. Попков, В.А. Тишков, Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова и другие, изложили свое видение широкого круга проблем, связанных с диаспорой, в различных публикациях, включая монографии, и активно участвуют в живой дискуссии между собой.

Интересной представляется идея представлять диаспору как модель сообщества, обладающую целостностью и длительным существованием в принимающем обществе [Попков 2003: 26].

Таким образом, диаспора требует наличия определенной структуры, исключает людей, ориентированных на ассимиляцию или не участвующих в этнических сетях и структурах. Мигранты, скорее всего, являются номинальной группой в отличие от диаспоры, которая обязательно предполагает внутреннее взаимодействие. Отсутствие такого взаимодействия

и определенной структуры также может указывать на то, что диаспора либо еще не сформировалась, либо находится в стадии распада.

Специфическими структурами диаспоры являются ее особые организмы, которые составляют основу этнических сетей. Организации, информационные сети и средства массовой информации также функционируют в ее пределах. Прежде чем применять понятие «диаспора» к какой-либо этнической группе, необходимо убедиться в ее структурированности, наличии общин и устойчивого взаимодействия между ними [там же]. Это требует специального исследования и снижает возможность широкого употребления данного понятия.

Сомнительно, что многие из мигрантских сообществ будут отвечать требованию целостности. Возможно, некоторые группы будут относительно целостны внутри принимающего общества, но не будут образовывать целостности вместе с другими группами в других странах.

Кроме того, все социальные структуры подвижны, и диаспору можно рассматривать как процесс. Четыре стадии существования диаспоры, предложенные З.И. Левиным [Левин 2001: 5] начинаются с аморфной совокупности людей, у которых случайные контакты определяются обстоятельствами. На этой стадии еще не сформировались специфические организации, но начинают формироваться личные сети с этнической коммуникацией, используя информацию от переехавших ранее родственников, соседей и знакомых.

На второй стадии происходит формирование общины. После воссоединения семей и накопления иммигрантской массы начинается структурирование и появление специфических институтов, возможно образование анклавов компактного проживания. Внутри общины складываются земляческие, клановые, благотворительные и конфессиональные ассоциации. Переселение на этой стадии уже массовое из

разных мест исхода, что может привести к появлению нескольких общин в принимающей стране. Появляется бизнес для обслуживания нужд общины.

Третья стадия – стадия зрелой диаспоры, на которой развитая инфраструктура делает ее самодостаточной. В пределах общины можно найти работу и все необходимое для жизни. Между общинами существуют постоянные контакты, возможны общие организации и информационные средства. Появляется менталитет, отличный от менталитета исходной группы, и чем крупнее диаспора, тем стабильнее она воспроизводится.

На четвертой стадии происходит упадок диаспоры. Многие структуры, обслуживавшие общины, расширяют круг клиентов и теряют свою специфику. Культурная дистанция между основным населением и диаспорой сокращается, а иммигранты все менее нуждаются в защите общины. Национальные школы теряют перспективы, так как учреждения образовательной системы принимающего общества дают лучшие шансы для продолжения образования и трудоустройства. Увеличивается число межэтнических браков [Левин 2001: 176].

Таким образом, классическая диаспора в узком смысле предполагает целый ряд признаков, которым азербайджанцы Москвы соответствуют далеко не в полной мере. Во-первых, их приезд в Россию, в большинстве случаев, не связан с насильственным изгнанием с мест исконного обитания, в массе это экономическая или образовательная миграция, во-вторых, нет эсхатологического видения своей судьбы, в-третьих, нет принципиально неосуществимой мечты вернуться на историческую родину. В то же время московские азербайджанцы в массе обладают развитой национальной идентичностью, верны ряду культурных традиций и частично объединены в различные ассоциации. Если понимать диаспору исключительно как группу, проживающую на иной/чужой территории и сохраняющую культурные практики и стереотипы поведения, то понятие диаспора может быть применимо к азербайджанцам Москвы. Но такое расширенное определение

диаспоры, на наш взгляд, не только не помогает понять сущность явления, но, наоборот, затемняет его.

Остановимся на маркерах, различающих понятия «этническая община» и «диаспора». Иногда они употребляются их как синонимы, и понятие «община» также не имеет четкого определения в социологии [Социологический словарь 1999: 197].

В целом, понятие «община» должно отвечать требованию целостности. Н.Т. Кремлев определяет ее как «автономную социальную подструктуру, объединенную перманентной общей деятельностью» [ЭСС 1995: 477]. Представители общины ощущают свою принадлежность к ней и община самодостаточна в определенной социальной структуре [Социологический словарь 1999: 197].

Общины могут сформировать не только представители миграции, но и автохтонные меньшинства. Это может происходить в сельских областях, где этнические группы вступают в контакт друг с другом. Например, в Нижегородской области существуют территории, где проживают татары, марийцы, мордва и чуваша. Возможны также общины, созданные в крупных городах. Например: азербайджанцы, проживающие в Москве.

По сравнению с титульным населением, диаспорные общины обычно являются относительно малочисленными. Их основу составляют общая этническая идентичность и сфера общих интересов и деятельности. Для формального определения условий, необходимых для возникновения диаспорной общины, мы можем прибегнуть к подходу Х. Эссера, основанному на концепции «этнических ресурсов». Моральное единство, культурный и социальный капитал являются наиболее важными этническими ресурсами, необходимыми для создания и поддержания диаспорной общины [Найданов 2016].

Существуют разные взгляды и аргументы относительно определения закавказских обществ и азербайджанского народа в России. Как было

показано выше, в российском научном и тем более – околонучном популистском дискурсе слово «диаспора» имеет настолько неопределенное значение, что фактически любые этнические группы, проживающие вне «своих» территорий, называют диаспорами.

Большинство населения России и даже некоторые представители научного сообщества даже временных рабочих-эмигрантов с Кавказа и Средней Азии называют диаспорами. Также термин «диаспора» широко используется для обозначения представителей народов России вне «их» территорий: говорят о мордовской, марийской, чувашской и иных диаспорах в Москве. Диаспорой называют иммигрантов одной этнической принадлежности, независимо от их гражданства или продолжительности пребывания в России. Кроме того, термин «диаспора» также относится как к этническим русским, которые остались за пределами России после 1991 года, так и к иммигрантским сообществам, которые осели на территории Российской Федерации после распада Советского Союза. Следовательно, понятия диаспоры и иммигрантов в российском дискурсе не ясны [Braux 2013: 5-8].

В обыденном дискурсе российских азербайджанцев часто называют мигрантами, и в основном они рассматриваются как диаспора в России. Однако, согласно Аделине Бро, азербайджанцев в России скорее следует рассматривать как воображаемую диаспору [Электронный ресурс **Error! Reference source not found.**0], из-за их ограниченного представительства и молодости их национального государства. Вместе с тем азербайджанцы в России значительно более интегрированы в самые разные сферы жизни принимающего сообщества. Они более активны и социально гетерогенны, чем выходцы из Центральной Азии, которые преимущественно работают в сфере обслуживания как временные мигранты.

Благодаря ряду успешных бизнесменов, таких как Араз Агаларов или Вагит Алекперов, азербайджанцы в России имеют высокий социальный

статус. В России существуют многочисленные азербайджанские объединения, которые являются основой для общинных связей [Braux 2013: 169].

Согласно Робину Коэну, для того чтобы присвоить сообществу мигрантов статус диаспоры, должно пройти достаточно времени, чтобы это сообщество не приспособилось к новой среде и имело сильную связь с прошлым [Cohen, 1997]. Азербайджанское сообщество в России достаточно молодо, но обладает выраженной национальной идентичностью. Ее поддержанию способствуют браки внутри своей культуры и поддержание связей с Азербайджаном. Представители сообщества часто ездят в Азербайджан, следят за новостями и событиями на своей бывшей родине. Это приводит к укреплению коллективной идентичности среди российских азербайджанцев. Однако социальное, в том числе профессиональное разнообразие, его представителей делают это сообщество открытым.

В.А. Тишков указывает, что миллион азербайджанцев, пересекающих границу между Россией и Азербайджаном, сложно назвать диаспорой, но в их культуре и общественной практике есть элементы диаспоры [цит. по: Romyantsev 2013–2014: 236].

Исходя из вышесказанного, применительно к выходцам из Азербайджана в Российской Федерации в целом и в Москве в частности, как представляется, наиболее точным категорирующим термином будет община. Это в целом соответствует второй стадии формирования диаспоры по З.И. Левину [Левин 2001]. Московские азербайджанцы отвечают основным характеристикам данной общности: присутствие фактора этничности, наличие установленных внутригрупповых связей, наличие групповой идентичности, в том числе четкого представления о себе, своих корнях и связей с Родиной. Признать исследуемую группу диаспорой в строгом классическом терминологическом значении этого слова мешает отсутствие «травматичного исхода с исконных земель», который обязательно должен

быть для формирования диаспоры и который является одним из основополагающих представлений в структуре идентичности ее членов. Именно он приводит к формированию эсхатологичности мышления и несбыточной мечте об утраченной родине, которые также являются признаками классических диаспор. Тем не менее, мы ни в коем случае не оспариваем возможность классифицировать азербайджанскую общину в Москве и шире – в России как диаспору. В большей степени это вопрос социологии и этнологии, чем лингвистики.

2.3. Развитие и становление азербайджанской общины в России и Москве: основные этапы

Азербайджанская община в России зародилась еще в средние века, когда на территорию России приезжали немногочисленные торговцы. В начале XIX века, после покорения Кавказа, появился новый виток этого процесса. В послевоенный период, в конце 1950-х – начале 1960-х годов, многие азербайджанские студенты-нефтяники стремились в Россию из-за открытия нефтегазовых месторождений в Сибири. Они стали костяком современной азербайджанской диаспоры и возглавили азербайджанские общины в России в начале 1990-х годов.

Хотя сведения о пребывании азербайджанцев на территории России можно найти в источниках с VII по XII век, о документально зафиксированных случаях упоминают во второй половине XV века, когда Москва установила дипломатические отношения с государством Ширваншахов, являющимся одним из феодальных государств Северного Азербайджана [Юнусов 2006: 80].

С того времени азербайджанские послы и купцы стали частыми гостями при Московском дворе, а также в Астрахани, где многие торговали с мусульманскими странами [Альтман 1947: 164]. В 1563 году Иван Грозный позволил азербайджанским купцам жить и торговать в Москве, Казани и других городах России [Гусейнов 1963: 117].

Торговые отношения были настолько выгодны, что русские цари старались обеспечивать наилучшие условия для жизни азербайджанских купцов в России. Их часто называли «кызылбашами» по головным уборам.

В источниках упоминания об азербайджанцах резко возрастают в начале XIX века, когда Россия присоединила Кавказ. На присоединённых территориях проживал почти миллион азербайджанцев, к концу XIX века их численность достигла полутора миллионов, к началу 1914 года – уже двух миллионов. На «старых» территориях Российской Империи азербайджанцы в основном проживали в Санкт-Петербурге и Казани, которые были для них культурными центрами, а также в Москве, Астрахани и других городах с хорошими возможностями торговли [Юнусов 2006: 80]. В России азербайджанцев называли «татарами», хотя это было неудачной заменой их настоящего названия. В то время азербайджанская община была меньше по численности, чем сейчас, но уже тогда выделялись ее характерные черты, в основном это была связь с торговлей, открытость и в целом успешная интеграция в российское общество. Некоторые азербайджанцы смогли даже стать частью азербайджанской интеллигенции. Их можно назвать «обрусевшими азербайджанцами» [Шахтагинский 1891].

С образованием СССР количество азербайджанцев в России увеличилось, главным образом благодаря приезжающим на учебу студентам и молодым людям, проходящим военную службу. В 50-60-х годы XX века с открытием нефтяных месторождений в Западной Сибири возникла потребность в специалистах этой области, и как результат – возросло количество азербайджанцев в России. Многие из них остались проживать на местах работы.

В начале 1970-х годов значительно увеличился поток студентов из Баку и АзССР в целом. Гейдар Алиев, занимавший в тот период пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, призвал отправлять азербайджанскую молодежь за пределы родной страны для обучения. Алиев

договорился о внеконкурсном приеме азербайджанских студентов в вузы Советского Союза, что привело к существенному увеличению числа азербайджанских студентов, прибывающих в Россию.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов азербайджанцы приезжали в Россию в связи с массовыми оргнаборами и специальными приглашениями для работы или учебы после прохождения военной службы [Снисаренко 1999: 148].

В период с 1992 по 1994 годы, после распада СССР, многие вынужденные переселенцы, в том числе азербайджанцы, переехали в российские города из Армении. Произошла массовая миграция и тех, кто не смог найти работу на Родине.

В 1980-1990-х годах появились первые диаспоральные организации азербайджанцев в России, но они были малочисленными и не выходили за пределы обсуждения вопросов культуры.

2.4. «Диаспоральные» организации Азербайджана в России: вклад в поддержание языка и культуры соотечественников

Вопрос о наличии организаций, объединяющих азербайджанцев в Москве и, шире, в России, имеет первостепенное значение для темы нашего исследования. Помимо пусть гибкого, но структурированного сообщества, наличие организаций создает коммуникативную среду, поддерживает языковые практики, позволяет встречаться, знакомиться, проводить время. Культурные проекты объединяют молодежь и старшее поколение. В целом, наличие организаций является важнейшим фактором сохранения и использования языка.

Создание диаспоральных организаций возможно в рамках Федерального закона от 17 июня 1996 года №74-ФЗ [Федеральный закон 1996] «О национально-культурной автономии». Именно он регулирует правовое поле общественных организаций представителей этнических, религиозных и культурных меньшинств.

Федеральный закон от 17 июня 1996 года N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» устанавливает порядок создания, регистрации и функционирования национально-культурных автономий (НКА) на территории Российской Федерации.

В соответствии с этим законом, НКА — это организации, созданные на основе общности языка, культуры и исторического прошлого народа. Члены НКА могут объединяться в качестве добровольцев для сохранения и развития своей культуры, традиций, языка и идентичности. НКА также могут заниматься представительством интересов своего сообщества и проводить культурные мероприятия [Федеральный закон 1996].

Закон также устанавливает порядок создания НКА, включая требования к учредительным документам, процедуры регистрации и использование национальных диаспор[там же]. Однако первые диаспоральные организации были созданы задолго до принятия закона.

В 1988 году в Санкт-Петербурге было основано общество «Азери», а в 1990 году была создана организация азербайджанской культуры под названием «Даяг». Они стали шагами в направлении укрепления сотрудничества между российскими властями и азербайджанской этнической группой [Электронный ресурс 167].

Позднее, в рамках принятого закона о Национально-культурных автономиях, организации «Азери» и «Даяг» стали основными учредителями Азербайджанской национально-культурной автономии Санкт-Петербурга (АНКА). Активисты АНКА были преимущественно людьми с высшим образованием, занятыми интеллектуальным трудом.

В Москве одним из первых общественных объединений азербайджанцев стало общество «Оджаг», также основанное в 1988 году по инициативе ведущих представителей азербайджанской интеллигенции, проживавших в столице. Первое руководство общества состояло из высококвалифицированных специалистов: профессора, доктора

исторических наук Салеха Алиева, профессора, доктора технических наук Али Насибова, режиссера Рашида Атамалыбекова, поэта Ильхама Бадалбейли, журналиста Фархада Агамалыева, инженера Физули Фараджева, востоковеда Рены Алиевой [Азербайджанский очаг в Москве 2004: 8]. Доктор филологических наук, профессор Тофик Меликли был избран председателем общества «Оджаг».

Оджаг стал первым азербайджанским общественным объединением в Москве, активно популяризирующим культурное наследие Азербайджана и знакомящим россиян с достижениями в различных областях жизни. Члены организации регулярно отмечали национальный праздник Новруз Байрамы и проводили мероприятия, посвященные выдающимся азербайджанским личностям. За все годы существования Оджаг провел более 200 разных мероприятий. Кроме того, члены организации создали сайт www.azeri.ru, посвященный культуре и диаспоре Азербайджана, и глава Оджага возглавил московское отделение Союза писателей Азербайджана в 2003 году. Целью этой организации является объединение всех азербайджанских писателей, живущих в России, и поддержка их творческой деятельности. Даже краткое перечисление мероприятий организации показывает, насколько значима была ее роль в поддержании связей между представителями общины, в том числе в вопросе создания языковой среды с использованием высоких регистров азербайджанского языка.

Еще одной из организаций азербайджанской диаспоры в России была Федеральная национально-культурная автономия АзерРос, созданная 1 октября 1999 года [Электронный ресурс 166].

В обязанности организации входило: коммуникация с постоянно и временно проживающими в России азербайджанцами и объединение их как общины, обеспечение сохранения национальной культуры и традиций вдали от родины, обеспечение адаптации азербайджанцев, проживающих в

регионах, защиту их законных прав и развитие двусторонних отношений между Россией и Азербайджаном.

В рамках этой организации также действует множество связанных с ней ассоциаций. Например, большое значение для организации имели общества «Оджак» и «Бакылы». С 2001 года издается газета организации «Азербайджанцы России». При активной поддержке организации действовали издательство «Азермедиа» и литературно-общественное собрание «Шахрияр» [Электронный ресурс 155]. Кроме того, ФНКА АзерРос является членом Консультативного совета при правительстве России и Государственной Думе. В Госдуме, ФНКА АзерРос активно участвовал при обсуждении и решении национальных вопросов. При их рассмотрении она имела право голоса для внесения дополнений и изменений.

В 2000 году в Москве начала выходить газета «АзерРос». В газете давались сведения об общественно-политических и историко-культурных событиях, развернувшихся в Азербайджане и России, а также общественных учреждениях азербайджанцев в России, функционировавших с отделениями в городах Калининграде, Костроме.

Хотя газета выходит на русском языке, было заметно, что ФНКА «АзерРос» всегда проявлял особый интерес к культурным и литературным вопросам. Это подтверждается деятельностью меджлиса «Шахрияр», который был частью ФНКА. Кроме того, благодаря поддержке ФНКА были выпущены книги Г. Трофимчука «Азы. Изучая Азербайджан», С. Чернявского «Азербайджан. Выбор курса», А. Кикнадзе «Бакинская подкова», А. Севостьянов и А. Горянина «Русскому об Азербайджане и азербайджанцах».

Крупнейшей организацией азербайджанцев в стране является Всероссийский Азербайджанский Конгресс, созданный в 2001 году по инициативе Гейдара Алиева, президента Азербайджанской Республики.

Всероссийский азербайджанский конгресс был создан в Москве 5 марта 2001 года при поддержке Президентов России и Азербайджана — Владимира Путина и Гейдара Алиева [Электронный ресурс **Error! Reference source not found.**]. С момента своего создания ВАК предпринял важные шаги в направлении развития двусторонней дружбы и социально-экономических и культурных отношений между Россией и Азербайджаном. В этом контексте сохранение культуры, языка и традиций было одним из вопросов, находящихся в центре внимания организации.

Один из важных аспектов диаспоры/общины заключается в ее влиянии на вопросы сохранения языка культурного сообщества. Как правило, язык является ключевым элементом национальной идентичности и одним из факторов, способствующих сохранению культурных традиций.

При переезде в другую страну члены этнической группы оказываются в новых условиях, где язык культурного сообщества может оказаться в меньшинстве. Однако зачастую мигранты продолжают использовать свой родной язык в семье и в общении с другими членами своей этнической группы.

Кроме того, диаспоральные общественные организации способствуют сохранению языка культурного сообщества путем организации языковых курсов и освещения языка и культуры в местных медиа, распространении литературы и других культурных продуктов.

В Москве есть несколько мест, где можно учить азербайджанский язык:

1. Азербайджанский центр — это образовательное учреждение, созданное по инициативе Посольства Азербайджанской Республики в Москве. В центре преподаватели из Азербайджана проводят курсы азербайджанского языка для начинающих и продолжающих. Кроме того, в центре проводятся мастер-классы по изучению азербайджанской культуры,

истории и литературы [Электронный ресурс **Error! Reference source not found.**].

2. Московский государственный лингвистический университет – данный университет предлагает курсы азербайджанского языка в рамках факультета востоковедения. На курсах можно изучать язык как для общего развития, так и для профессиональной деятельности [Электронный ресурс 162].

3. Центр восточных языков и культур – данный центр проводит курсы азербайджанского языка для начинающих, продолжающих и профессионалов. Преподаватели – носители языка – используют авторские методики и интерактивные технологии обучения [Электронный ресурс **Error! Reference source not found.**].

4. Азербайджанский культурный центр – данный центр является местом, где можно познакомиться с азербайджанской культурой и языком. В рамках работы центра проводятся курсы азербайджанского языка для всех уровней сложности [Электронный ресурс 155].

5. Федеральная национально-культурная автономия и Азербайджанский культурно-образовательный Центр – бесплатные курсы азербайджанского языка [Электронный ресурс 166].

Кроме указанных центров и учреждений, также можно найти преподавателей азербайджанского языка на учебных площадках, таких как SuperProf, Preply, Italki, где носители языка предлагают онлайн-курсы. В целом в Москве существуют достаточно центров, где можно выучить азербайджанский язык. Как видно из вышеприведенных примеров, в Москве популяризацией азербайджанского языка занимаются не только азербайджанские общественные организации, но и посольство, языковые центры и университеты, а также активисты-носители языка.

Мы приведем несколько примеров того, как обучаются студенты азербайджанскому языку в данных курсах. Подчеркнем, что курсы открыты

абсолютно для всех желающих изучать азербайджанский язык вне зависимости от этнической самоидентификации.

1. Азербайджанское молодежное объединение России (АМОР) проводит регулярно курсы азербайджанского языка в различных городах России. Эти курсы организовываются для того, чтобы помочь молодежи научиться говорить и понимать азербайджанский язык, увеличить свой словарный запас и укрепить связь с азербайджанской культурой и традициями [Электронный ресурс 156].

В рамках курсов азербайджанского языка квалифицированные преподаватели ведут занятия, включающие изучение азербайджанской грамматики, лексики и фразеологии. Преподаватели стараются создать комфортные условия для общения среди слушателей курсов и помочь им научиться пользоваться азербайджанским языком в обычной жизни. Они дают конкретные задания и используют методики, которые помогают не только подготовиться к экзамену, но и понять, как использовать язык в повседневной жизни.

Курсы азербайджанского языка также ориентированы на помощь молодежи, ведущей активный образ жизни, так как изучение азербайджанского языка дает возможность понять национальную культуру, узнать о традициях и т.д. Существующий материал включает видео- и аудиозаписи, литературные произведения, самостоятельные учебные ресурсы.

Курсы азербайджанского языка, организованные АМОР, являются местом взаимодействия азербайджанской культуры и интересов молодежи, включенной в общественную жизнь России. Они представляют собой уникальную возможность для молодых людей, желающих выучить азербайджанский язык и глубже узнать культуру и традиции народа.

Следовательно, курсы азербайджанского языка, организованные АМОР, играют важную роль в поддержке знания азербайджанского языка,

межкультурного и межэтнического взаимодействия и способствуют укреплению связей между различными культурами. Также в рамках своей деятельности Ассоциация молодежи Азербайджана России регулярно проводит мероприятия, посвященные образованию, культуре и взаимодействию международных сообществ.

Одним из таких проектов является «Диктант на знание азербайджанского языка», направленный на повышение уровня владения языком как культурным показателем и средством межнационального общения.

Цель проекта – создать интерес к азербайджанскому языку и культуре, а также рассказать молодежи об этой части многонациональной России. В рамках проекта для всех желающих проводятся мастер-классы по обучению азербайджанскому языку, где их знакомят с основами азербайджанского алфавита и ударения, лексикой, фразеологизмами и идиомами.

«Диктант на знание азербайджанского языка» проводится в формате написания диктанта, созданного на основе авторских материалов, и направлен на проверку знаний участников по различным разделам языка, в том числе – грамматике, орфографии и словарного запаса. Участники диктанта могут проверить свои знания и сравнить свой уровень владения языком с другими участниками, что повышает их мотивацию к изучению языка и вовлечению в культуру происхождения. Мероприятие проводится в разных уголках России, благодаря чему количество участников проекта растет с каждым годом. Кроме того, мероприятия не являются соревновательными, что позволяет любому желающему принять в нем участие и получить новые знания и навыки [Электронный ресурс 162].

Таким образом, проект «Диктант на знание азербайджанского языка» имеет большое общественное значение, способствуя совершенствованию языковых и культурологических знаний в интересах межнационального сотрудничества.

2. Азербайджанский культурный центр в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино – один из самых активных и динамичных центров Москвы. Он пропагандирует культуру и искусство Азербайджана, организует культурные мероприятия и образовательные программы.

В деятельности центра принимают участие как местные жители, так и гости Москвы, интересующиеся культурой и искусством Азербайджана. В Центре регулярно проводятся лекции, мастер-классы, культурно-образовательные программы, фестивали, концерты и выставки [Электронный ресурс 164].

Одной из основных задач центра является сохранение и распространение культурного наследия Азербайджана. В рамках этой задачи проводятся лекции и презентации по музыке, литературе, истории и искусству Азербайджана. Также организуются выставки, демонстрирующие работы местных художников и ремесленников.

Кроме того, центр сотрудничает с другими культурными организациями в Москве и за ее пределами, организуя совместные проекты и мероприятия. Например, в центре проводятся концерты и мастер-классы с приглашенными музыкантами и танцорами из Азербайджана [Электронный ресурс 155].

В целом деятельность Азербайджанского культурного центра в библиотеке иностранной литературы имеет большое значение для популяризации культуры Азербайджана в России и укрепления дружеских связей между народами.

Азербайджанская община, помимо сохранения родного языка, также занимается сохранением культуры Азербайджана. Например, павильон Азербайджана на ВДНХ — это уникальное место, где можно познакомиться со всеми аспектами культуры, истории, науки и экономики Азербайджана. В павильоне проходят различные мероприятия и шоу, которые дают азербайджанцам и гостям возможность больше узнать о стране

[Электронный ресурс 160]. Во время проведения праздников и других мероприятий широко используется азербайджанский язык. Надписи на нем можно увидеть на афишах, плакатах, он звучит в приветствиях, на нем с удовольствием общаются гости мероприятия.

Одним из значительных направлений деятельности азербайджанского павильона является проведение выставок, посвященных искусству и культуре Азербайджана. Каждую неделю здесь проходят традиционные ярмарки, на которых можно приобрести национальные сувениры, натуральные продукты, изделия ручной работы, ковры и многое другое.

Кроме того, в павильоне регулярно организуются конференции, презентации и семинары по экономике и инновациям в Азербайджане. Интересными мероприятиями являются кулинарные мастер-классы, где можно не только отведать блюда азербайджанской кухни и даже научиться их готовить самостоятельно, но и узнать, как то или иное блюдо или ингредиент для его приготовления звучит по-азербайджански. Все это создает, пусть символическую, но важную азербайджаноязычную среду.

Музыкальная программа также играет важную роль. В павильоне регулярно проходят выступления азербайджанских музыкантов, народных артистов и музыкальных коллективов [Электронный ресурс 162].

2.5. Формы азербайджанского языка в азербайджанской общине в городе Москве

Азербайджанский язык является родным языком азербайджанских тюрков, а также языком общения всех граждан Азербайджана. Он принадлежит к юго-западной группе (огузской) группе тюркских языков и входит в урало-алтайскую языковую семью. Азербайджанский язык – это официальный и государственный язык Азербайджанской Республики и один из языков Республики Дагестан Российской Федерации [Википедия азербайджанский язык].

Азербайджанский язык широко используется в Азербайджане, а также в Иране, Ираке, Грузии, России, Турции, Украине [Электронный ресурс 162].

По генеалогической классификации азербайджанский язык относится к группе тюркских языков. Языки, входящие в эту группу, близки друг другу лексически, морфологически и синтаксически. Диалекты отличаются друг от друга по своим фонетическим особенностям. Наряду с турецким, туркменским и гагаузским языками азербайджанский язык входит в подгруппу огузских языков тюркской языковой группы.

Формирование азербайджанского языка и народа происходило в III-VII веках и завершилось в VII-VIII веках нашей эры. В XI веке азербайджанский язык широко распространился на Кавказе и на сопредельных территориях. Литературный азербайджанский язык существует с XII века. Н. Джафаров в своей работе «История национализации азербайджанского тюркского языка» говорит, что «тюркский язык использовался в качестве официального языка в великих тюркских государствах, возникших в Азербайджане в XI-XII веках, наряду с арабским и персидским языками» [Сәфərov 2012: 135]. Под тюркским или турецким языком здесь имеется в виду азербайджанский. Вообще же до начала XX в. в русскоязычной традиции азербайджанский язык называли татарским или турецким.

В государстве Сефевидов (1501-1722) азербайджанский (турецкий/тюркский) язык был доминирующим языком при дворе и армии и был первым официальным государственным языком. Русский ученый В. В. Бартольд писал в 1912 году: «...там, где образовалась династия, население Азербайджана говорило по-турецки, и в результате турецкий язык остался языком дворца и армии в государстве Сефевидов» [Dağabakan 2019: 32].

Литературный язык Азербайджана охватывает два основных периода своего почти 800-летнего развития. Первый период, который называется старым периодом, охватывает период с XIII века по XVIII век, а второй

период, который можно назвать новым периодом, охватывает период с XVIII века до наших дней [Aslanov 2002: 37].

Литературный язык обоих периодов включает в себя разные этапы. В первый период азербайджанский язык прошел в своем развитии два этапа: этап формирования литературного языка (XIII-XIV вв.) и этап классического поэтического языка (XV-XVII вв.). Второй период азербайджанского языка охватывает три этапа: этап превращения литературного языка в национальный язык (XVIII век), этап создания и развития национального языка (начало 19-20 вв.), современный этап (после 1-ой четверти 20 в.).

Азербайджанский литературный язык относится к развитым мировым языкам, обладающим кодифицированными нормами, которые являются продуктом исторического развития. Азербайджанский литературный язык имеет систему функциональных стилей, включающую следующие типы:

1. Художественный стиль – язык литературных произведений (поэзия, проза, драматургия), отличающийся образностью и эмоциональностью. Благодаря языку поэзии художественный стиль выделяется своей древностью и совершенством [там же].

2. Публицистический стиль – язык газет, журналов, радио и телевидения, митингов и различных собраний, который отличается ясностью языка и массовым пониманием [там же].

3. Научный стиль – язык научных трудов, учебников, монографий, который характеризуется логичностью, последовательностью и наличием терминов. Несмотря на то, что научный стиль не получил такого широкого распространения, как художественный и публицистический, он используется учеными для написания своих работ на азербайджанском языке [там же].

4. Официально-деловой стиль – язык официальных и деловых документов, который основывается на стандартных формах и зависит от традиций государственности. Развитие официально-делового стиля отставало

в прошлом, однако, создание независимого Азербайджанского государства способствовало укреплению данного стиля [там же].

5. Бытовой стиль – язык повседневного общения, который характеризуется свободой и естественностью речи. В литературном языке бытовой язык выступает как разговорный язык, а в древности – язык общения народа [там же].

Диалекты являются ценным культурным и лингвистическим наследием и хранят древние свойства языка. Многие диалекты азербайджанского языка были хорошо исследованы, им посвящена большая научная литература. Благодаря Мухаммеду Али Мирзе Казым-беку (1802-1870) изучение тюркских языков, в том числе азербайджанского языка, который называли в то время кавказский татарский или язык кавказских мусульман, получило особый импульс. Мирза Казым-бек выбрал вопросы азербайджанского наречия в качестве своей научной специализации и создал первую сравнительную грамматику тюркского языка с грамматикой азербайджанского наречия. Его труд «Общая грамматика турецко-татарского языка», опубликованный в 1839 году, сыграл ключевую роль в изучении истории тюркских языков вообще и азербайджанского в частности. Правда, Мирза Казым-бек в своих работах большее внимание обращал на язык казанских татар, но также его исследование рассматривало и вопросы азербайджанского тюркского языка и стало первым сравнительным исследованием тюркских наречий [Джафероглы 2008: 314–316].

На территории Азербайджанской Республики существует четыре диалекта: восточный, западный, северный и южный. В восточную группу М. Ширалиев отнес кубинские, бакинские, шемахинские диалекты, муганские и ленкоранские наречия. Западную группу составляют казахские, карабахские, гянджинские диалекты, а также говоры айрымов (этническая группа). Шекинский диалект и закатало-кахский говор отнесены к северной группе, а к южной группе были отнесены нахичеванский, ордубадский, тебюрисский

диалекты и иреванский говор, с указанием на их фонетические, грамматические и лексические особенности [Ширалиев 1967: 56]. На рисунке 2 представлено диалектное членение азербайджанского языка.

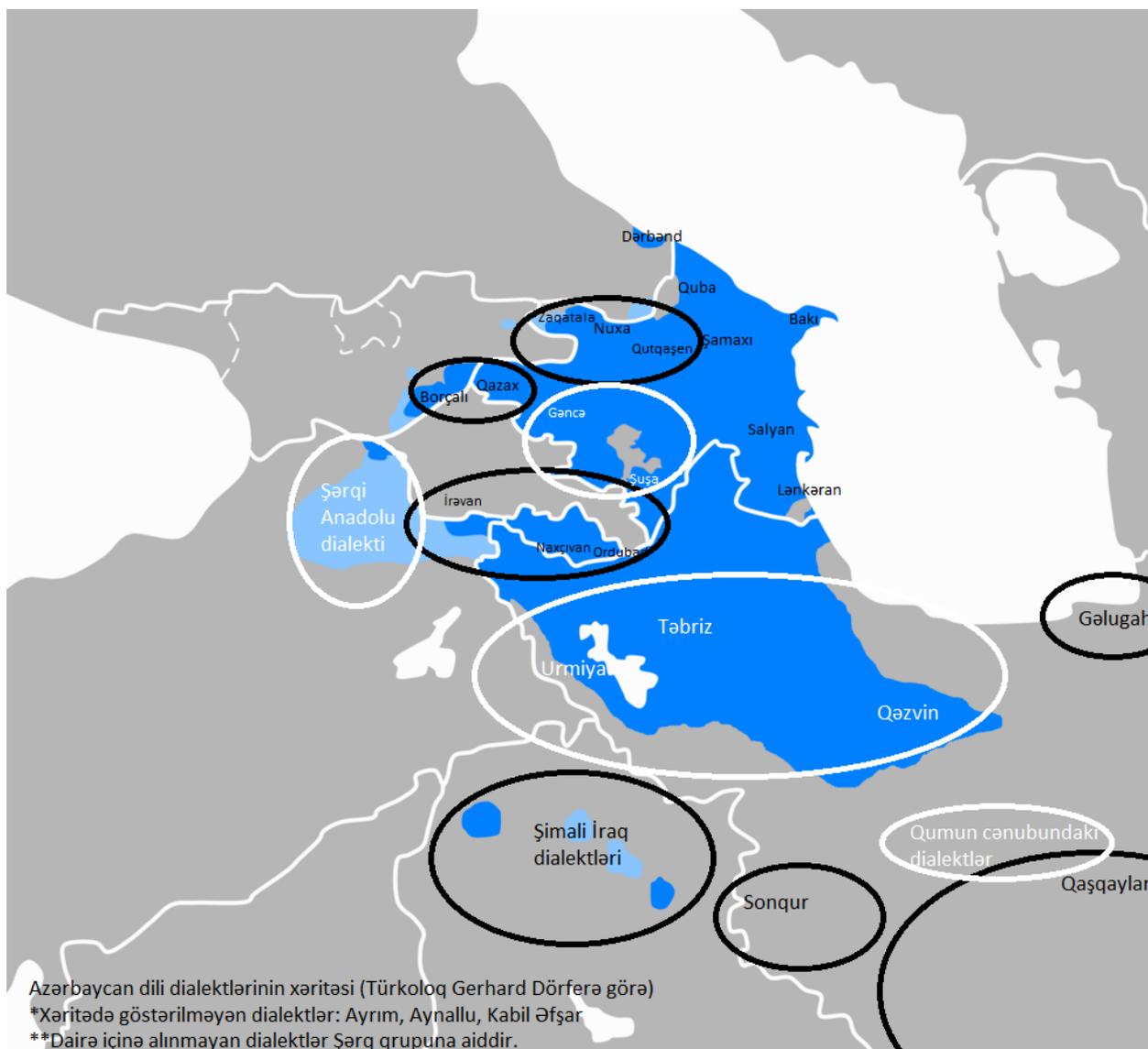


Рисунок 2. Азербайджанские диалекты [Электронный ресурс 171]

Классификация М. Ширалиева охватывает большую часть диалектов на территории Азербайджанской Республики, хотя диалекты на других территориях остаются за ее рамками. К южной группе диалектов азербайджанского языка был отнесен иреванский диалект, но говоры на территории современной Армении, где исторически проживали азербайджанцы, были исключены из этой классификации. В предыдущей

версии классификации М. Ширалиева дербентский говор был включен, однако он был исключен позднее [Ширалиев 2008: 314].

Существуют также смешанные типы диалектов. Из-за историко-географических особенностей, «*şivələr*», представляющие смешанный тип азербайджанского языка, сформировались в основном на северо-западе, в шекизакатальском регионе, на левом берегу рек Кура и Аракс и в муганьской зоне. Формированию основных диалектов и говоров способствовали физико-географические преграды, административные деления, центры населения, субстратное воздействие, миграция населения и историческая изолированность [Исламов 1968: 273].

Другая классификация диалектов принадлежит Э. Азизову. Азизов делит диалекты азербайджанского языка на три типа: северо-восточный, западный или средний и южный диалекты.

Э. Азизов классифицирует азербайджанский язык по диалектам, согласно которой северо-восточный диалект включает говоры Дербента, Кубы, Баку, Шемахи и Сальяна. В этом диалекте выделяются три группы говоров: шемахинско-бакинская, кубинская и дербентская. Западный (средний) диалект охватывает говоры Карабаха, Гянджи, Казаха, Дашкесана, Кедабека, Кельбаджара, Лачина и некоторых районов Грузии (Борчалы, Марнеули, Болниси, Дманиси). Западный диалект подразделяется на три группы: карабахскую, казах-борчалинскую и говор айрымов (распространенный в Дашкесанском, Кедабекском, Кельбаджарском). Южный диалект включает говоры регионов Южного Азербайджана, Нахчывани и Ленкорани, и разделяется на несколько групп говоров: тебризская, ардебильская, ленкораньская, урмийская, нахчыванская и т.д. [Исламов 1968: 273].

Исходя из данной классификации диалектов и литературного азербайджанского языка, можно сделать вывод о целом ряде региональных вариантов этого языка, используемых выходцами из Азербайджана,

обосновавшимися в Москве. Важно, что диалекты азербайджанского языка остаются престижными и востребованными в актах коммуникации. Этот факт необходимо учитывать при анализе функционального распределения форм азербайджанского языка представителями азербайджанской общины в Москве.

Азербайджанская община в Москве дает представление о разнообразии языковых диалектов из-за различных этнических групп и региональных различий Азербайджана. Языковая ситуация характеризуется использованием диалектов при общении между собой различными членами общины. Этот феномен объясняется тем, что в Азербайджане диалекты продолжают играть важную роль наряду с литературным языком. Азербайджанцы в Москве легко переходят от диалекта к литературному языку в зависимости от ситуации общения. В целом, они демонстрируют высокий уровень владения литературным языком, что свидетельствует о их высоких языковых компетенциях, но также владеют и используют диалекты. Таким образом, языковая ситуация в азербайджанской общине в Москве отражает сохранение языковых традиционных практик, включая диалекты и диалектные особенности носителей азербайджанского языка.

2.6. Русский язык в азербайджанской общине города Москвы

Азербайджанская община в Москве также характеризуется высоким уровнем языковой компетенции русского языка среди своих членов. Образованные представители азербайджанской общины в Москве практически все хорошо владеют русским языком и могут считаться билингвами. При проведении исследования мы констатировали высокий уровень владения как литературной, так и разговорной формами русского языка. Это объясняется хорошей сохранностью русского языка в Азербайджане, наличием возможности получить полное среднее образование на русском языке (так называемый «русский сектор» в средних школах).

Тем не менее, у азербайджанцев, переехавших из Азербайджана, могут возникать сложности с разговорным русским языком. Например, выпускники школ с русским языковым сектором могут обладать хорошим уровнем подготовки и владения литературным русским, но в силу нехватки русскоязычной среды или в силу ее большой специфики в Азербайджане, испытывать затруднения с разговорными формами и особенно со сленговой речью. Об этом неоднократно упоминали наши респонденты в ходе интервью. Однако, наблюдается быстрое освоение разговорной речи этими группами, что свидетельствует о их высокой языковой адаптивности. Подробный анализ использования различных форм языка применительно к ситуациям и сферам общения дан в 3 главе настоящей диссертации.

2.7. Билингвизм азербайджанской общины в Москве

Языковая ситуация азербайджанцев Москвы характеризуется как билингвальная, иными словами, представители общины могут достаточно свободно говорить на русском и азербайджанском языках. Иногда к этим языкам добавляются другие, которые являются или языками меньшинств на территории Азербайджана, или языками большинства в сопредельных странах, где исторически проживают азербайджанцы. К первому типу языков, в первую очередь, относятся лезгинский и талышский, ко второму – грузинский и армянский. Азербайджанцы, живущие в Москве, часто используют оба языка (русский и азербайджанский) в повседневной жизни, общаясь со своими семьями, друзьями и коллегами. Русский язык является общепринятым и используется в общении с носителями других языков, а азербайджанский язык сохраняется для общения внутри этноса, для сохранения культурных и традиционных ценностей. Такая ситуация позволяет азербайджанцам в Москве комфортно чувствовать себя в различных социальных сферах, сохраняя при этом свою культурную и языковую идентичность. Ситуации, сферы применения языка и его выбор в

зависимости от собеседника подробно описаны в третьей главе нашего исследования.

С исторической и геополитической точек зрения билингвизм является важным языковым и культурным явлением в большинстве государств, которые ранее входили в состав СССР. Азербайджан не является исключением. В эпоху СССР, но в целом и в настоящее время, русский язык остается одним из наиболее распространенных языков в этой стране. Также Азербайджан – одна из немногих стран, где предоставляется возможность обучения на русском языке наряду с азербайджанским не только в общеобразовательных, но и в высших учебных заведениях. Любой желающий может поступить и учиться на том языке, который он предпочитает. Как следствие, во многих школах и вузах страны обучение ведется полностью на русском языке [Электронный ресурс 163].

Кроме того, многие семьи в Азербайджане являются билингвальными, что является наследием культуры Советского Союза, а общение на двух языках – русском и азербайджанском – обычная практика. Межнациональные браки, в которых один из родителей – русский, а другой – азербайджанец, также являются фактором развития билингвизма. Наконец, русский язык считается языком высокой культуры и науки, поэтому многие родители выбирают его в качестве основного языка обучения. В случае внутрисемейного билингвизма ребенок овладевает двумя языковыми системами с самого детства, что является проявлением раннего или синхронного билингвизма. В случае изучения языка в школе – происходит последовательное овладение вторым языком. Искусственный билингвизм широко распространен среди азербайджанцев. Интерес к изучению русского языка в Азербайджане связан с карьерными возможностями, в том числе с возможностью работы в России. В целом, языковая политика Азербайджана способствует динамичному развитию билингвизма в стране.

Кратко охарактеризуем тип билингвизма, наиболее характерный для исследуемой ситуации. Для этого вернемся к типам билингвизма, предложенным в работе [Хамерс и Бланк 1983]. Эти типы в нашей работе представлены в Таблице 1 на странице 49. Подчеркнем, что типы билингвизма определяются нами на основании проведенного анкетирования, интервью и собственных наблюдений, методов недостаточных для полноценной валидной классификации азербайджано-русского билингвизма. Мы не претендуем на полноценное исследование билингвизма и его исчерпывающее описание, но в первом приближении даем общие характеристики, достаточные для поставленной нами задачи.

Относительно типа азербайджано-русского билингвизма по соотношению языка и мышления (когнитивный ракурс), без проведения серии специальных инструментальных исследований, трудно сказать что-либо определенное. Поэтому вопрос о смешанном или координативном билингвизме мы оставим на перспективу дальнейших исследований.

Тип билингвизма в зависимости от компетенций обоих языков также не так прост. Наши исследования показали, что в устных компетенциях (понимание и говорение) преобладает сбалансированный билингвизм. Однако, чтобы получить окончательный ответ на этот вопрос, требуются дополнительные исследования компетенций, например, при использовании языка в специальных целях. Ответ на этот вопрос также в большой степени зависит от языковой биографии респондентов, от типа учебного заведения, в котором они обучались. С достаточной долей уверенности можно утверждать, что только в рамках обыденного семейного и дружеского общения респонденты являются сбалансированными билингвами. В письменных компетенциях у большинства респондентов преобладает несбалансированный тип билингвизма с доминирующим русским языком. Это обусловлено целым рядом причин разного характера. Молодое поколение респондентов (18–29 лет), как правило, обучалось в Москве на

русском языке, поэтому письменные компетенции на азербайджанском остались не развиты. Старшее поколение (от 50 и старше), наоборот, обучалось в Азербайджане, но многие – в русскоязычных школах. В любом случае, все они осваивали письменность на кириллице, которая в настоящее время заменена на латиницу, что для них осложняет использование письменных форм в современной коммуникации.

В зависимости от возраста усвоения языка различаются ранний (одновременный или последовательный), подростковый и взрослый билингвизм. Абсолютное большинство наших респондентов, особенно молодое поколение, принадлежат к раннему последовательному, реже одновременному, билингвизму. Подробно это показано в параграфах 3.1 и 3.2 III главы настоящей диссертации.

В зависимости от социокультурного статуса языков мы считаем, что в нашей ситуации мы имеем дело с дополняющим (аддитивным типом билингвизма). Аргументы для этого следующие: и азербайджанский, и русский языки обладают полным набором функций, оба языка являются государственными языками на своих территориях, статус обоих языков высок, к обоим языкам респонденты демонстрируют высокую лояльность и положительный набор репрезентаций. Безусловно, азербайджанский язык в России, как любой язык миграции, находится в миноритарной ситуации, а сферы его применения ограничены семейным и дружеским общением. Однако, как было показано выше, в Москве существует развитая инфраструктура по его изучению, а также масса возможностей его использования в рамках мероприятий, организованных землячествами, ассоциациями и иными организациями в рамках НКА.

В зависимости от социокультурной принадлежности и структуры идентичности респондентов, на наш взгляд, стоит говорить и о билингвизме, и о бикультурализме респондентов.

2.8. Тип диглоссии в азербайджанской общине в Москве

Языковая ситуация азербайджанской общины Москвы должна быть охарактеризована как ситуация диглоссии, которая проявляется в параллельном существовании внутри общины двух разных языков в дополнительном функциональном распределении. Русский язык является доминирующим языком, используемым во всех престижных сферах и ситуациях, а также во всех ситуациях анонимного общения. Вторым языком является азербайджанский, который в основном используется в семейном и дружеском общении, а также является языком этнокультурной идентичности. Вместе с тем, поскольку азербайджанский язык является языком миграции, его носители принимают ситуацию доминирования русского языка как нормальную, а ситуацию диглоссии могут охарактеризовать как относительно стабильную и не несущую угрозы кризиса идентичности и языкового кризиса как следствия первого.

ГЛАВА III. АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ОБЩИНЕ МОСКВЫ: ФОРМЫ, ФУНКЦИИ, КОММУНИКАЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

В данной главе представлены результаты анализа материала, собранного в ходе проведения эмпирической части исследования, включавшей анкетирование и серию исследовательских интервью среди представителей азербайджанской общины, проживающих в Москве. Как было отмечено выше, основной целью эмпирического этапа исследования был сбор данных и материала по функциональному распределению языков в азербайджанской общине в городе Москве.

3.1. Инструментарий эмпирической части исследования

Анкетирование и интервьюирование были основными методами сбора данных в настоящем исследовании, поскольку вместе, они позволяют выявить количественные и качественные параметры ситуации. Анкетирование – это преимущественно количественный метод, а интервью – качественный.

«Количественные методы анализа – это совокупность приемов и процедур направленных на получение цифровых данных, допускающих математическую обработку как статистическую, так и не статистическую. С помощью количественных методов могут обрабатываться как экспериментальные данные, так и сведений, получаемые прежде всего в результате заполнения вопросников» [Вахтин, Головкин: 2004: 89]. В нашем исследовании были использованы преимущественно закрытые вопросники, с возможностью выбора конкретного варианта ответа. Этот тип вопросников облегчает обработку данных и сравнение результатов, но ограничивает респондентов в выражении своих мыслей, в силу предопределенности ответов. Тем не менее, ряд вопросов социолингвистической анкеты предполагал и открытые ответы, например вопрос о языках детства, языках обучения и др. Вместе это позволило вывить наиболее значимые аспекты

азербайджанской языковой ситуации в Москве, в том числе, уточнить вопросы, касающиеся языковой биографии респондентов, предпочтительных языков в разных коммуникативных ситуациях, межъязыкового взаимодействия.

«Количественные методы анализа, распространённые в социолингвистике 1960–1970 годы, сегодня уступают место качественным. Здесь акцент делается не на цифровых данных, а на анализе содержания высказывания респондентов, индивидуальном опыте исследователя, наблюдениях» [Вахтин, Головкин: 2004: 89].

Ведущим в современной социолингвистике качественным методом является исследовательское интервью. По своей природе, интервью – это «то же, что открытый вопросник, но без письменных вопросов и письменных ответов. Исследователь задает вопросы и записывает ответы, ведёт разговор направляет его, не давая респонденту отклоняться от темы. Основной недостаток – одно интервью занимает столько же времени, сколько заполнение вопросника 50–100 информантами. Основное достоинство – живой разговор, сочетающий плюсы открытых и закрытых вопросников: очень часто в ходе интервью всплывают новые темы, термины, идеи, интересные формулировки, которые не приходили следователю в голову. Интервью дает наибольший простор интуиции» [Вахтин, Головкин 2004: 92].

Интервью позволяют углубиться в индивидуальные истории, опыт и переживания респондентов, уточнить некоторые конкретные аспекты, связанные с восприятием языка и отношением к нему, с потребностью в языке и, в целом, с деонтическим измерением языковой ситуации (Москвичева, Вио, Замалетдинов 2023), то есть с тем что представители азербайджанской общины г. Москвы считают должным и правильным при использовании языков. В целом, метод интервью нацелен на получение дополнительных качественных знаний о ситуации, которые принципиально не могут быть получены в ходе анкетирования.

Н.Б. Вахтин и Е.И. Головки также отмечают, что оптимальным вариантом дизайна эмпирической части исследования является сочетание различных методов количественного и качественного типов.

О необходимости сочетания количественных и качественных методов при планировании и проведении исследования говорится в работе С.А. Москвичевой и А. Вио, посвященной методологии полевых исследований, нацеленной на изучение символического измерения языковой ситуации, в частности понятия «потребность в языке» [Moskvitcheva, Viaut 2021]. Недостаточность количественных методов обосновывается следующим образом:

«Во-первых, анкета представляет собой готовый шаблон с заранее заданными параметрами. Даже если ответ не предполагает выбор из закрытого списка, все равно формулировка вопроса подталкивает к размышлениям в определенном направлении. Во-вторых, интервью позволяет точнее выявить структуру потребностей: их иерархию, связь с различными группами акторов, а также место в структуре таких социолингвистических категорий как репрезентации языка, престиж, лояльность, фрустрация и самонеприятие и др. Это дает возможность ответить на вопросы не только *где* и *кем*, но и *зачем* и *почему* используется язык» [Moskvitcheva, Viaut 2021: 70–71]¹.

Кратко обозначим еще два вопроса, связанных с методологическими ограничениями, связанными с анкетированием и интервью. Во-первых, возможное искажение данных, связанных с «фактором социальной желательности, проявляющейся в ответах респондентов, стремящихся

¹ 1). A questionnaire is a ready-made template with predefined parameters. Even if the answer does not imply a choice from a closed list, the wording of the question still encourages reflection in a certain direction. 2) An interview makes it possible to identify the structure of needs more accurately: their hierarchy, connection with various groups of actors, as well as a place in the structure of such sociolinguistic categories as language representations, prestige, loyalty, frustration and self-rejection, etc. This helps find out not only *where* and *by whom*, but also *why* and *for what purpose* the language is used. (Перевод – наш М.Г.).

представить в себя в наиболее выгодном свете» [Москвичева, Сафина 2018: 279]. Комплексное использование метода анкетирования и метода интервью, как представляется, позволяет, если не полностью, то во многом решить эту проблему. «Стремление респондентов представить себя в более выгодном свете и связанный с этим фактор социальной желательности (social desirability bias (SDB)), который неизбежно присущ интервью, компенсируется социальным ракурсом исследования²» [Там же: 71], что и позволяет, насколько это возможно, нивелировать фактор социальной желательности.

Второй вопрос методологического порядка, вытекает из первого, и связан с разграничением терминов «декларация» и «репрезентация», общие определения которых были даны в первой главе настоящей работы. Непосредственно в ответах анкеты и интервью мы имеем дело с декларациями, то есть с заявлениями индивида по тому или иному вопросу. «Декларации принадлежат к эпидиогвистическому дискурсу и соотносятся с уровнем индивида. Это высказывания конкретного человека о языке (красивый/некрасивый, нужный/ненужный), о его функционировании («я всегда использую азербайджанский язык»), о желательном или должном («я хочу, чтобы мои дети знали язык»). Фактически, декларации связаны с «сырым» исходным эмпирическим материалом, полученным в анкетировании или в интервью. Репрезентации же имеют социальное измерение и являются результатом количественного и качественного анализа первичных деклараций» [Москвичева, Гасанов: 2021:61]. Процедуры количественного и качественного анализа сырых данных позволяют перейти от уровня деклараций к социально значимым данным.

Таким образом, анкетирование предоставляет информацию о количественных параметрах языковой ситуации, а интервью дает более глубокое и качественное понимание определенных вопросов.

² The desire of respondents to present themselves in a better light and the related factor of social desirability bias (SDB), which is inevitably inherent in the interview, were compensated by the social perspective of the research. (Перевод наш – М.Г.).

Комбинированный подход позволяет получить более полное представление исследуемой языковой ситуации, включая общие тенденции и уникальные индивидуальные особенности.

3.1.1. Описание инструментария исследования:

социолингвистическая анкета

Эмпирическая часть исследования была проведена в Москве в 2020–2021 годах среди представителей азербайджанской общины. Она состояла из серии пилотных анкетирований и основного эмпирического этапа исследования. Основное анкетирование было проведено осенью-зимой 2021 в городе Москве. Ему, как было сказано, предшествовала серия пилотных анкетирований, целью которых была проверка валидности анкеты, а также понятности, приемлемости и простоты вопросов для респондентов. Всего в основном опросе приняло участие 150 респондентов. Выбор респондентов осуществлялся среди знакомых, членов азербайджанских организаций и ассоциаций, на курсах азербайджанского языка, и далее по цепочке. Наша выборка сбалансирована по полу и возрасту респондентов. В этом смысле она репрезентативна. Представители выборки работают в самых разных сферах, но преимущественно это люди с высшим или средним специальным образованием, занятые квалифицированной профессиональной деятельностью. Число корректно заполненных анкет колеблется от 138 до 150 в зависимости от вопроса. Анкетирование проводилось при помощи инструмента *Google forms*. Специально разработанная анкета включала пять блоков вопросов. Полностью анкета приведена в Приложении 1 к данной диссертации. Кратко охарактеризуем каждый блок вопросов.

Первый блок. В этом блоке собирались основные данные о респондентах (возраст, пол, место рождения и проживания респондентов и его родителей, уровень образования). Эти данные могут быть значимыми и оказывать самое непосредственное влияние на языковые практики

представителей азербайджанской общины в Москве, а, следовательно, на функциональное распределение языков в общине.

Второй блок. Данный блок включал вопросы, касающиеся языковой биографии респондентов, в том числе о первом выученном языке, о времени освоения азербайджанского и русского языков, о языках, используемых в детстве и др.

Третий блок – это вопросы, связанные с оценкой респондентами своих языковых компетенций. В этом блоке анкеты респондентам предлагались вопросы о их знании азербайджанского языка, русского языка, а также и других языков. Например, кроме родного азербайджанского языка, некоторые из участников исследования, как мы и предполагали, могли иметь другой родной язык (грузинский, талышский, лезгинский, удинский и т.д.). В первую очередь это связано с фактом проживания на территории Азербайджана представители этнических меньшинств.

Четвертый блок включил вопросы об использовании азербайджанского литературного языка, диалекта азербайджанского языка и русского языка в различных доменах. Мы приняли решение сформулировать вопрос об используемом языке или форме языка в зависимости от того, *с кем* (адресат) говорит респондент, *где* (ситуация) он говорит и *в каких целях* (сфера приложения) он использует язык. Мы понимаем всю условность такого разграничения. Если вопрос с адресатом решается достаточно просто, то вопрос разграничения сферы приложения и ситуации коммуникации неоднозначен. Не случайно в социолингвистике существует целый ряд понятий, связанных с «местом» коммуникации: среды, сферы, домены, ситуации общения, о которых мы писали выше. Однако, чтобы анкета была доступна и понятна респондентам, после серии пилотных анкетирований, мы приняли решение распределить вопросы, связанные с языковыми практиками респондентов, в три группы: *на каком языке вы общаетесь с бабушкой и дедушкой, родителями и др., как часто вы используете язык*

(азербайджанский, русский, диалект азербайджанского) дома, на работе и др., как часто вы используете язык (азербайджанский, русский, диалект азербайджанского, когда [читаете книги, слушаете радио и др.]. Именно такая формулировка вопроса в анкете, как показали пилотные исследования, стала наиболее ясной для респондентов и позволила получить лучшие результаты по функциональному распределению языков. Наиболее частотные и значимые для представителей общины адресаты, «место» общения и «сфера приложения» были получены в результате анализа текстом интервью. Таким образом, они не являются «навязанными» исследователем.

Пятый блок связан с символическим измерением языковой ситуации. В нем респондентам были предложены вопросы, касающиеся их представлений о разнице русского и азербайджанского языка в России и Азербайджане, их отношения к языку, в частности нужности/ненужности владения азербайджанским языком в России, важности передачи языка младшим поколениям и др.

При анализе результатов анкетирования была использована программа статистического анализа JAMOVI.

3.1.2. Интервью

Другим инструментом, использованным в данном исследовании, стало полуструктурированное исследовательское интервью. Всего было проведено 12 интервью общей продолжительностью 19 часов. Целью интервью было уточнение и выявление особенностей функционирования языка в исследуемой ситуации. Если анкета дает ответ на вопрос кто, где и сколько использует тот или иной вариант языка, то интервью дает ответ на вопрос почему и как носители продолжают использовать язык. «Метод интервью мы считаем одним из наиболее продуктивных в исследовании феномена, имеющих социально-психическое измерение, поскольку в этом случае люди выступают не как объект науки, но они активно включены в порождение смысла, конструирование и упорядочения идей и событий, определение

своей позиции. Работа, насколько это было возможно, осуществлялась не столько над людьми, сколько с людьми³» [Moskvitcheva, Viaut 2021: 70].

Для проведения интервью были подготовлены вопросы, с целью выявить опыт и особенности изучения азербайджанского языка, возможности использования азербайджанского языка и языковую инфраструктуру в Москве, наличие школ и курсов азербайджанского языка и отношение к ним представителей общины. Отдельно обсуждался вопрос о восприятии носителями азербайджанского языка отличий между азербайджанским языком в Москве и России и в Азербайджане. Нас также интересовали вопросы, связанный с ролью азербайджанского языка в структуре языковой и этнической идентичности. Транскрибированные тексты интервью составили исследовательский корпус, который анализировался методами, близкими к методам обоснованной теории [Straus, Corbin 1998].

При выборе респондентов мы ориентировались на общую структуру общины. Интервью проводились с обычными носителями языка, работающими в самых разных сферах, а также с руководителями региональных национально-культурных автономий, центров азербайджанской культуры, активистами молодежных культурных организаций, преподавателями азербайджанского языка на курсах и в школах, а также лицами, изучающими азербайджанский язык в Москве. Однако в диссертации преимущественно обсуждаются результаты анализа анкеты. Результаты анализа интервью упоминаются там, где это необходимо для понимания логики анализа анкеты. Решение сосредоточиться на материалах анкеты связано с большим количеством полученного материала, который трудно полноценно изложить в рамках данной работы.

³ We consider the interview method one of the most productive methods in the study of phenomena that have a socio-psychological dimension, as in this case people do not act as an object of science. Rather, they are actively involved in generating meanings, constructing and organizing ideas and events, defining a position. To the best of our ability, we worked *with* people, and not *on* people (Перевод наш – С.М.)

Далее мы переходим к, собственно, к представлению результатов анализа нашего материала.

3.2. Анализ данных анкетирования

3.2.1. Социо-демографический профиль респондентов

Социо-демографические данные включают основные характеристики участников азербайджанской общины, проживающих в Москве. Анализируется их пол, возраст, место рождения, длительность проживания в Москве и прежние места проживания. Понимание этих социо-демографических данных помогает получить более полное представление о структуре общины и степени её интеграции в местную среду и, следовательно, о стратегиях и тактиках в отношении использования азербайджанского и русского языков в общине.

Итак, представим основные социо-демографические параметры респондентов: распределение по полу, возрасту, месту рождения и проведения большей части жизни, продолжительности жизни в России, уровню образования и видам профессиональной деятельности. Отдельно будет рассмотрен вопрос, касающийся жизненных планов респондентов относительно их намерений и желаний остаться в России или же вернуться в Азербайджан.

3.2.1.1. Распределение респондентов по полу

Распределение по полу является классической демографической категорией, присутствующей в большинстве социолингвистических анкет. В нашем исследовании 140 респондентов распределились по полу следующим образом: 62 (44,9%) мужчинами, а 76 (55,1%) – женщины. Данные представлены на Рис. 3.

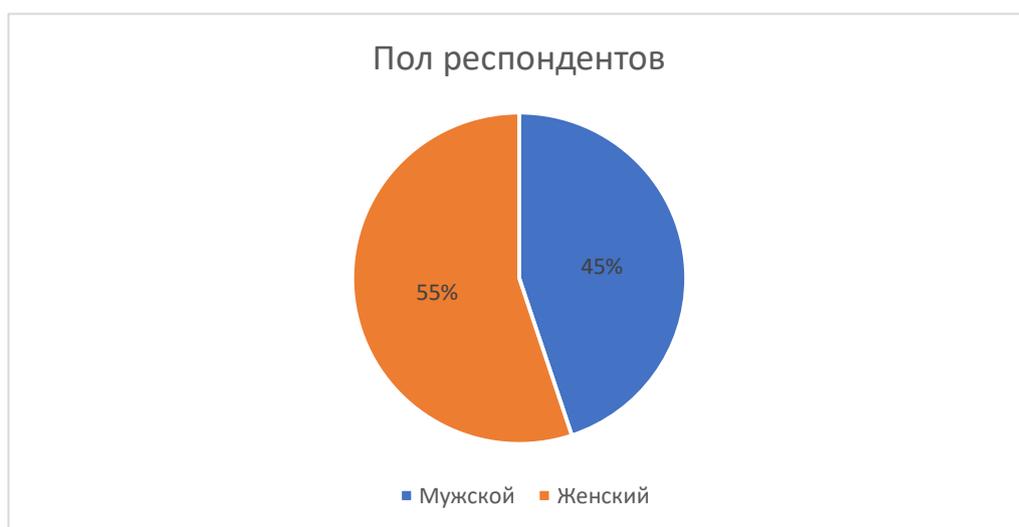


Рисунок 3. Пол респондентов

Мы видим, что женщин на 10% больше по сравнению с мужчинами. Однако, как показало наше исследование, пол респондентов не оказывает существенного влияния на языковые практики респондентов в исследуемой ситуации. Для того, чтобы убедиться в этом, в программе JAMOVI мы посмотрели сопряжение по двум независимым категориальным переменная, одна из которых была пол респондентов, а вторая представляла различные аспекты языковых практик (использование языка в коммуникации с разными собеседниками в разных ситуациях и др.). Нигде не было выявлено значимых различий (p при χ^2 -кватрате везде значительно превышал показатель в 0,05). Общий вывод: пол респондентов не оказывает существенного влияния на языковые практики в азербайджанской общине, а, следовательно, и на функционирование языка в целом.

3.2.1.2. Возрастной состав среди респондентов

138 респондентов, участвовавших в исследовании и корректно ответивших на вопрос о возрасте, были поделены на 2 основные когорты. Первую когорту (далее K1) составили респонденты в возрасте от 18 до 29 лет. Преимущественно в нее вошли студенты, аспиранты и молодые люди, только закончившие обучение. Все они выросли и получили образование уже после распада СССР. Большинство из них родилось непосредственно в Москве или в Российской Федерации. Вторая когорта (K2) – это респонденты в возрасте от 30 лет и старше. Условно первая когорта может

считаться молодым поколением, а вторая – старшим. В целях более точного анализа языковых стратегий и практик респондентов, а также их репрезентаций и аттитюдов по отношению к азербайджанскому и русскому языкам, вторая когорта делилась (там где это представлялось необходимым) на две дополнительные: возраст от 30 до 50 лет (К2а) и возраст от 50 лет и выше (К2б). Когорта К2а – это экономически активное, работающее население, чья молодость пришлась на 90-е годы, то есть прошла уже в независимом Азербайджане. Когорта К2б – это респонденты, чья молодость прошла в СССР. Такой подход позволил получить более точные данные для проведения социолингвистического анализа языковой ситуации в азербайджанской общине.

Возрастная когорта К1 включила 76 человек или 55,1% от общего числа респондентов, возрастная когорта К2 включила 62 человек или 45% от общего числа респондентов. Данные представлены на рис. 4. На рис. 5 представлено распределение по двум дополнительным когортам (старшая когорта). Респонденты в возрасте от 30 до 49 лет (К2а) составили 36 человек



Рисунок 4. Возрастной состав по двум когортам



Рисунок 5. Возрастной состав по 3 когортам

или 26% от общей выборки респонденты в возрасте 50 лет и более – 26 человек или 19% от общей выборки.

Возраст респондентов, в отличие от пола, оказывается основной категориальной переменной, определяющей структуру языковой ситуации и функциональное распределение языков в азербайджанской общине в Москве. Сопряжение категориальной переменной возраста и других независимых

переменных во многих случаях (все они будут рассмотрены ниже) дает значимые различия ($p < 0,05$).

3.2.1.3. Место рождения и проживания

В данном разделе проанализируем данные респондентов по месту рождения (§ 2.1.3.1), по месту, где они провели большую часть жизни (§ 2.1.3.2) и по тому, как давно они проживают в Москве или Российской Федерации (§ 2.1.3.3). Для нас одинаково релевантной характеристикой является место рождения респондентов как Москве, так и в любом другом русскоязычном регионе Российской Федерации (за исключением территорий национальных Республик, где наряду с русским может быть широко представлен другой язык). Однако подчеркнем, что на момент проведения исследования все респонденты проживали в Москве.

3.2.1.3.1. Место рождения

Место рождения респондентов является важным параметром в исследовании, поскольку, по понятным причинам, оно может оказывать непосредственное и большое влияние на языковые компетенции и практики респондентов. Например, необходимо учитывать, что респонденты, рожденные в Азербайджане и прошедшие там социализацию, могут обладать более высоким знанием азербайджанского языка и более развитыми языковыми компетенциями, например, в полной мере владеть письменной формой языка. И, наоборот, азербайджанцы, родившиеся в России, могут обладать более развитыми компетенциями в русском языке.

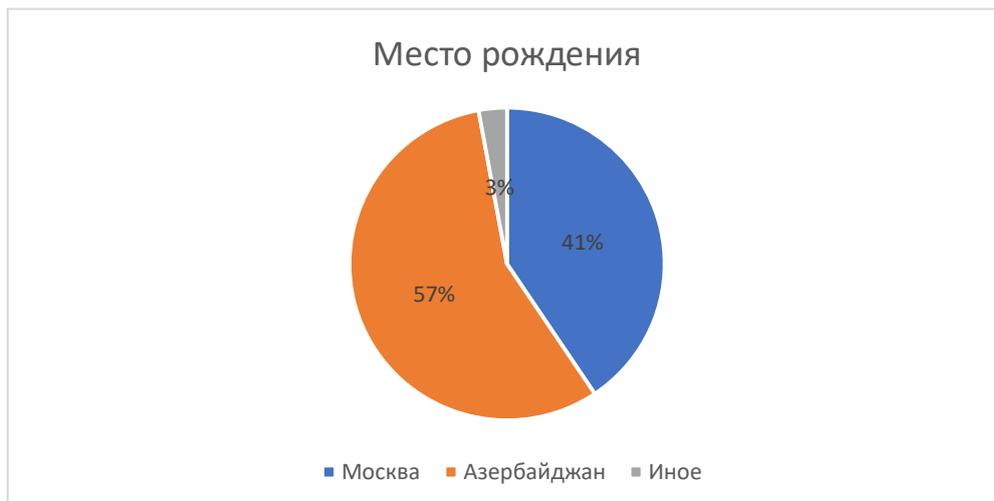


Рисунок 6. Место рождения респондентов по всей выборке

На рис. 6 представлены данные по месту рождения респондентов, проживающих в Москве и являющихся членами азербайджанской общины, по всей выборке. Они распределяются следующим образом: 56 человек (40,6%) были рождены в Москве, 78 человек (56,5%) - в Азербайджане, и 6 человек (2,9%) - в других странах. Другими странами являются Грузия и Армения. Однако в этих странах речь идет о местах традиционного и компактного проживания азербайджанцев (Борчалинский район в Грузии и Нагорный Карабах АССР). Итак, 60% наших респондентов родились не в России, что может иметь само непосредственное влияние и создавать асимметрию в использовании языков.

Если мы обратимся к данным по месту рождения респондентов в сопряжении с двумя возрастными когортами, то увидим значимые различия. На рис. 7 приведены данные по младшей когорте (К1), на рис. 8 – для старшей когорты (К2).

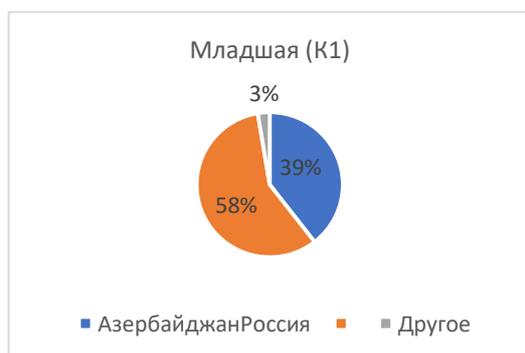


Рисунок 7. Место рождения К1

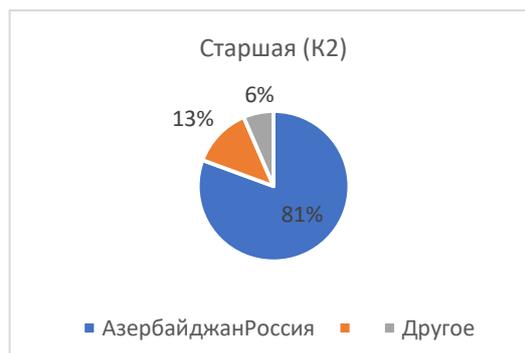


Рисунок 8. Место рождения К2

В младшей когорте 58% респондентов родились в Москве или России, в старшей когорте таковых только 13%. Это очень значимое различие. Фактически, молодое поколение является первым поколением, родившемся в России (Москве), а это заставляет предположить высокую степень сохранности азербайджанского языка в общине. 87% старшего поколения (81% родившихся в Азербайджане и 6% родившихся в Грузии и Армении) приехали в Россию.

3.2.1.3.2. Место, где прошла большая часть жизни

Это также важный показатель для анализа языковых компетенций и языковых практик представителей азербайджанской общины. На рис. 9 представлены данные по всей выборке респондентов.

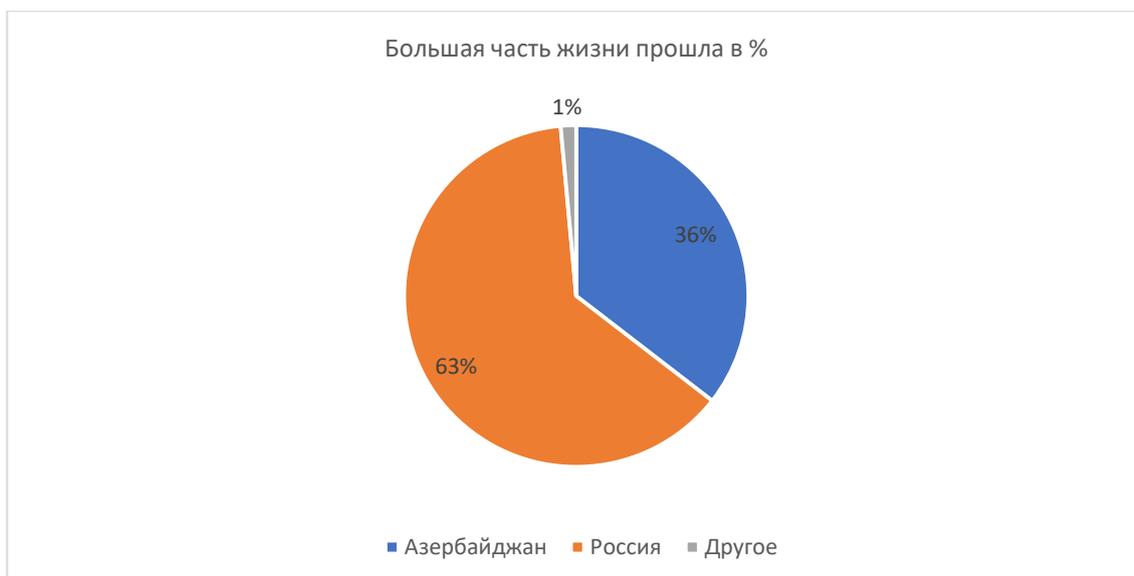


Рисунок 9. Страна, где прошла большая часть жизни респондентов

В диаграмме дано распределение респондентов азербайджанской общины, проживающих в Москве, в зависимости от того, где они провели большую часть своей жизни. Общее число корректных ответов равно 138:

- 82 человека (63%) провели большую часть своей жизни в России или Москве.
- 52 человека (36%) большую часть жизни прожили в Азербайджане.
- 4 человека (1%) провели большую часть времени в другой стране (Грузия и Армения).

Анализ распределения респондентов в зависимости от места, где они провели большую часть своей жизни, может дать значимую информацию о взаимосвязях между языковыми и культурными аспектами в азербайджанской общине в Москве.

Распределение по стране наибольшего проживания в сопряжении с возрастной когортой также дает значимые различия и показаны на рис. 10 и 11.



Рисунок 10. Страна, где прошла большая часть



Рисунок 11. Страна, где прошла большая часть

Две трети представителей младшей когорты (71%) большую часть жизни прожили в России или Москве. Для представителей старшего поколения это показатель чуть больше половины (53%).

3.2.1.3.3. Время проживания в Москве (России)

Последний показатель в данном разделе – это время проживания в Москве (России). По времени проживания в Москве (России) все респонденты были разделены на три группы: проживание более 10 лет, 5–10 лет и 1–4 года. На рис. 12 представлены данные по всем респондентам.

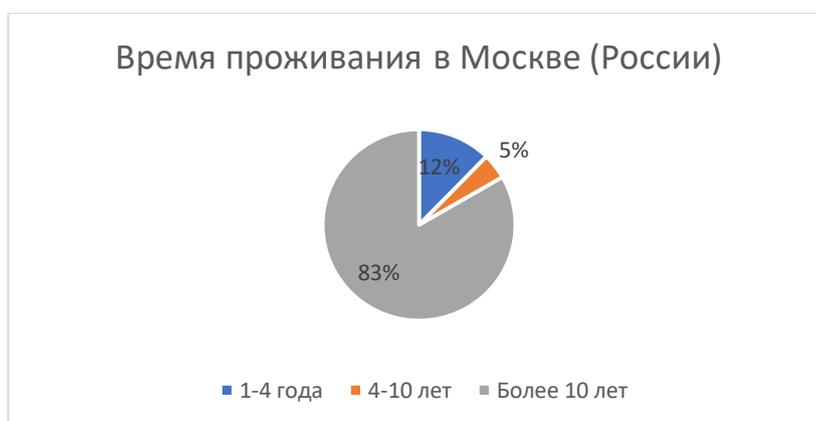


Рисунок 12. Время проживания в Москве (России)

Данные диаграммы показывают, что абсолютное большинство респондентов (83%) проживают в Москве (России) более 10 лет. Это достаточный срок для процесса аккультурации и освоения русского языка. В данной ситуации, возможно, больший интерес может представлять как раз вопрос сохранности азербайджанского языка и его место в коммуникации выходцев из Азербайджанской Республики.

3.2.1.4. Уровень образования. Основной вид деятельности

Уровень образования, как и основной вид деятельности, также являются важной и релевантной характеристикой при описании функционального распределения языков. Эти два фактора связаны со структурой общины и определяют ее языковые практики. Высокий процент людей с высшим и средним специальным образованием делает общину гетерогенной в плане социальной и экономической структуры, ведет к ее большей открытости и интегрированности, в том числе и в лингвистическом аспекте, так как работа вне дома и в различных, в том числе высоко статусных сферах, *a priori* предполагает хорошее владение всеми регистрами русского языка. В этом случае интересно выяснить отношение к родному языку респондентов и его месту в структурах этнической и языковой идентичности. Этому аспекту посвящен параграф 3.7.

Наоборот, низкий уровень образования, особенно если он является наиболее распространённым среди членов общины, резко сокращает возможности социально-экономического продвижения и мобильности, ведет к замыканию общины, появлению черт, характерных для классических диаспор. В этом случае, по нашим наблюдениям, возрастает роль родного языка во всех доступных членам общины сферах коммуникации.



Рисунок 13. Распределение респондентов по уровню образования

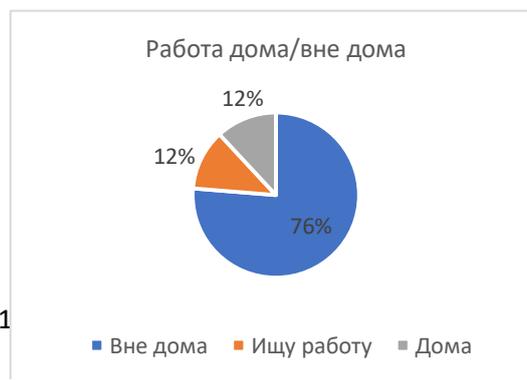


Рисунок 14. Распределение респондентов по работе дома/вне дома

На рис. 13 приведены данные по уровню образования по всей выборке респондентов, принявших участие в нашем исследовании. Из диаграммы видно, что все респонденты обладают высоким уровнем профессиональной подготовки. 63% от всей выборки имеют высшее образование, 19% учатся в вузах и 18% имеют среднее специальное образование. На рис. 14 приведены данные по распределению респондентов в зависимости от того, работают ли они дома или вне дома. Этот показатель также является важным для понимания структуры языковой ситуации в азербайджанской общине. Подавляющее большинство ее представителей (76%) работает вне дома, а значит вынуждены интегрироваться в принимающее общество и общаться на доминирующем языке. Из 12% работающих дома – 6% составляют люди пенсионного возраста, которые, по понятным причинам, большую часть времени проводят дома. И только 6% приходится на неработающих людей активного возраста.

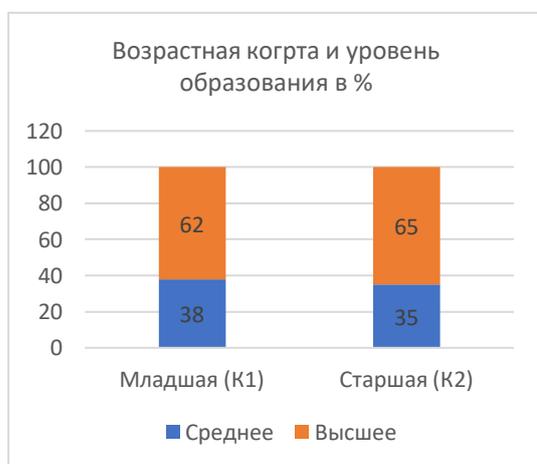


Рисунок 15. Сопряжение возраста респондентов и уровня образования

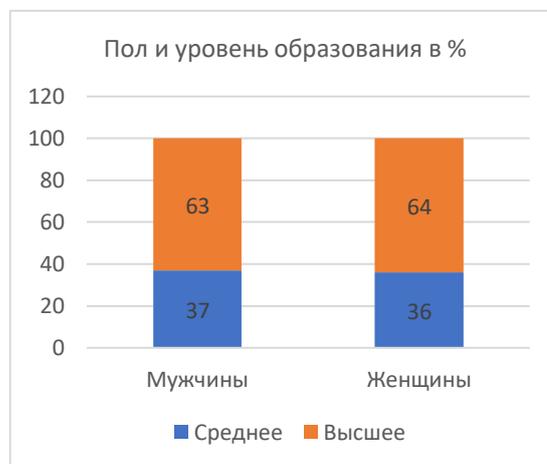


Рисунок 16. Сопряжение пола и уровня образования

Значимых различий по возрасту (рис. 15) или полу (рис. 16) в сопряжении с уровнем образования не обнаружено.

Основная профессиональная деятельность респондентов связана с самыми разными сферами. Среди респондентов есть архитекторы, банщики, бухгалтеры, визажисты, водители, врачи, журналисты, косметологи, переводчики, менеджеры, повара, политологи, продавцы, психологи,

строители, экономисты, юристы и др. Широкий спектр профессий косвенно свидетельствует о хорошей интегрированности респондентов, их активных контактах в различных сферах и с различными представителями российского общества, что приводит к необходимости использовать разные регистры русского язык в разных ситуациях.

3.2.1.5. Место рождения и проживания родителей

Данный параметр оказывает самое непосредственное влияние на структурные параметры языковой ситуации, поскольку наличие близких родственников в Азербайджане предполагает постоянную коммуникацию с ними, что приводит к необходимости и желательности поддерживать достаточный уровень владения азербайджанским языком представителями азербайджанской общины в Москве. На рис. 17 (данные по отцу) и рис. 18 (данные по матери) представлены место рождения и место проживания в настоящее время родителей респондентов.



Рисунок 17. Место рождения и проживания в настоящее время отца



Рис. 18. Место рождения и проживания в настоящее время матери

Обратимся к данным, представленном на рис. 17. Из общего числа респондентов (138 ответов анкеты) только 12 человек (8.7%) отметили, что их отцы родились в России, 122 человека (88.4%) – в Азербайджане, и 4

человека (2.9%) – в иных странах (Грузия и Армения). Эти данные говорят, что абсолютное большинство респондентов принадлежат к первому поколению миграции. Также можно предположить, что связь с родиной и сохранение идентичности азербайджанской общины в Москве остаются высокими.

Что же касается настоящего места проживания отцов, то оно имеет существенные отличия от места рождения. Так, у 65 человек (приблизительно 47.10%) отцы проживают в России, 68 человек (приблизительно 49.28%) указали, что их отцы проживают в Азербайджане, а 5 человек (приблизительно 3.62%) указали другие места проживания своих отцов (Грузия, Армения).

Структура данных по месту рождения и проживания матери, представленная на рис. 16, сходна со структурой по отцам. Большинство матерей респондентов (81.9%) были рождены в Азербайджане. Очень незначителен процент (1.4%) матерей, родившихся в России. Что касается места проживания матерей в настоящее время, то 49.3% матерей проживают в России, а 50.7% проживают в Азербайджане.

Проживание родителей в Азербайджане или в России (Москве), как показало наше исследование, является одним из важнейших факторов, влияющих на языковые практики респондентов, на функциональное распределение языков в общине, на представления респондентов о важности и ценности азербайджанского языка в различных сферах коммуникации. Влияние данного фактора подробно показано в параграфе 7.

3.2.1.6. Жизненные планы

Это последний показатель, который мы рассмотрим в разделе социодемографических данных и который мы считаем исключительно важным для понимания функционального распределения языков в общине, стратегий их использования, сохранения и межпоколенной передачи. На рис. 19

представлено распределение респондентов в зависимости от их планов остаться в Москве (России) или вернуться в Азербайджан.

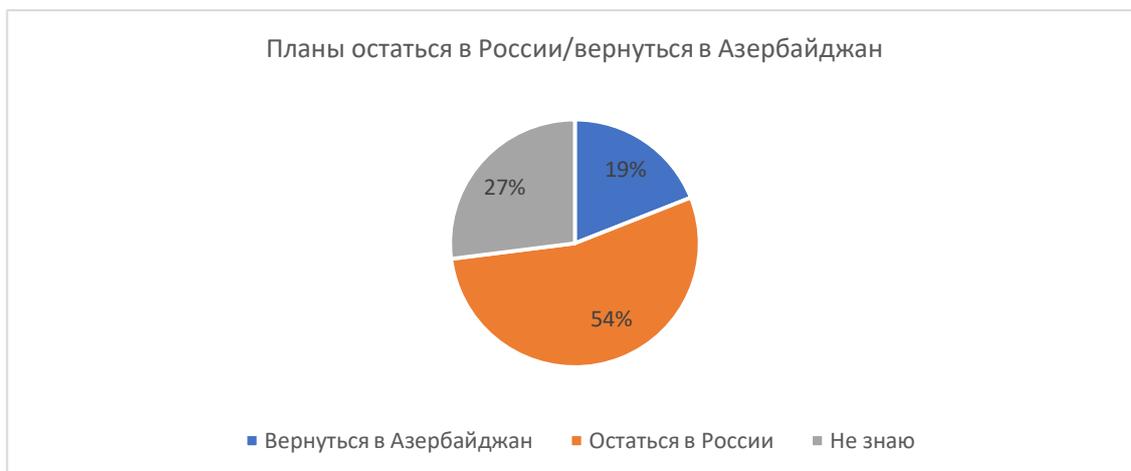


Рисунок 19. Планы остаться в России/вернуться в Азербайджан (по всей выборке)

Из 138 респондентов, корректно ответивших на этот вопрос, 26 человек (19%) хотели бы вернуться в Азербайджан, 74 человека (54%) планируют остаться в России, и 38 человек (27%) не определились с будущими планами. Наиболее интересна с точки зрения анализа третья группа, планы которой неопределённые. Именно она определяет разнообразие структуры и динамики в функциональном и символическом полях языковой ситуации. Подробно влияние этого фактора на языковые практики и функциональное распределение языков в азербайджанской общине также описано в параграфе 7.

Отметим, что важность данного показателя возрастает, если мы обратимся к его значениям в разных возрастных когортах. На рис. 20 представлены это распределение.

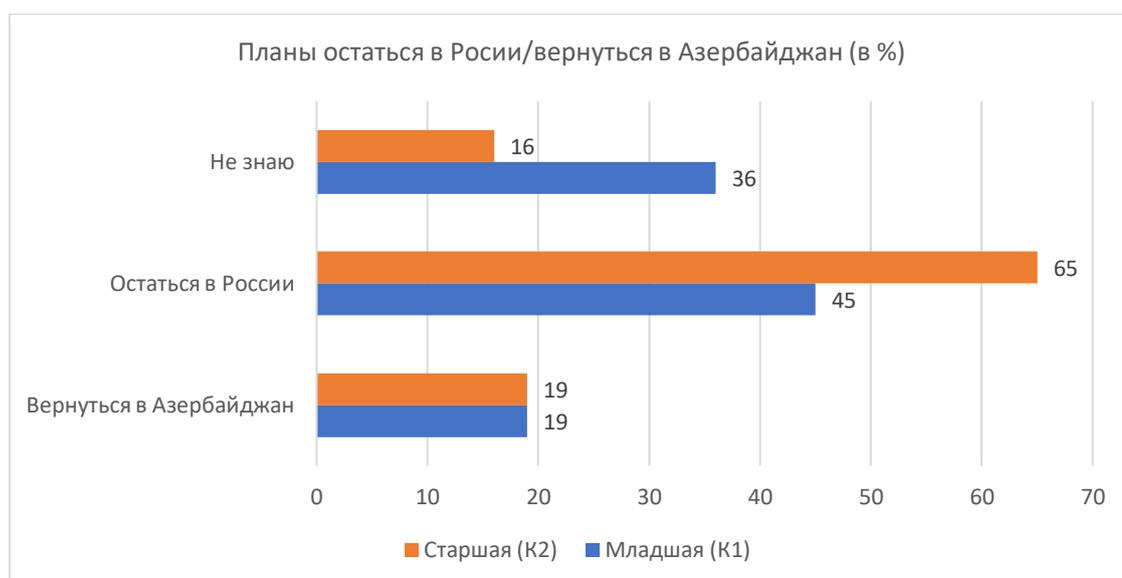


Рис. 20. Планы вернуться в Азербайджан/остаться в России (по двум когортам)

Если процент тех, кто планирует вернуться в Азербайджан одинаковый в двух когортах, то в младшей когорте в два раза выше показатель тех, кто не определился с выбором жизненных планов. И, наоборот, число тех, кто хотел бы остаться в России в младшей когорте ниже, чем в старшей. Этот фактор безусловно влияет на поддержание языковых компетенций и определенного уровня коммуникации на азербайджанском языке, и, что особенно важно у молодежи, поскольку именно ее позиция наиболее важна при определении векторов динамики языка, уровня его витальности языка и востребованности носителями.

В целом, на основе анализа социо-демографических данных респондентов можно сделать следующие предварительные выводы.

1. В выборке преобладают представители первого и, реже, второго поколения иммигрантов. В старшей возрастной когорте процент родившихся в Азербайджане чуть более 80%, в младшей – чуть более половины. Это означает, что респонденты в той или иной степени знают азербайджанский язык и использовали его в коммуникации. Поскольку это первое/второе поколение миграции, и это, преимущественно, экономическая миграция, то связи со страной исхода остаются тесными, в том числе поддерживается общение с

родственниками и друзьями в Азербайджане. Это также самым непосредственным образом влияет на сохранение и использование азербайджанского языка.

2. Структура азербайджанской общины в Москве гетерогенна с точки зрения социального и экономического положения ее членов. Среди ее представителей преобладают люди с высшим или средним специальным образованием, что дает широкие возможности интеграции в принимающее сообщество и возможность работать в статусных областях. Это требует хорошего знания русского языка, причем владение разными регистрами (литературным языком и его функциональными стилями, разговорными формами).
3. Больше половины респондентов по двум когортам (54%) хотели бы остаться в России, однако довольно значительный процент респондентов (36%) в первой возрастной когорте не определились с местом будущего проживания. Этот факт также способствует наличию потребности в азербайджанском языке и поддержанию компетенцию и коммуникации на азербайджанском.

3.3. Общие социолингвистические данные: языковая биография

В данном разделе изучается социолингвистическая информация, связанная с языковой биографией респондентов. В первую очередь нас интересовали вопросы, связанные с языками, на которых респонденты говорили в детстве, какой язык они выучили первым, использовался ли в семье или в близком окружении какой-либо язык кроме азербайджанского или русского. Последний вопрос связан с проживанием на территории Азербайджана различных меньшинств, например, среди наших респондентов были лезгины и талыши. Наконец, в данном разделе будут рассмотрены вопросы, связанные с возрастом и местом изучения азербайджанского и русского языков. Что касается азербайджанского, здесь же мы рассмотрим вопрос о владении его литературной формой и/или диалектом. Вопрос о

формах азербайджанского языка представляется значимым в виду той важной роли, которую играют диалекты азербайджанского языка в структуре этнической и языковой идентичности азербайджанцев как в самом Азербайджане и на сопредельных территориях традиционного проживания азербайджанцев (например, Борчалинский (Квемо-Картли) район Грузии), так и в ситуации миграции.

3.3.1. Языки, используемые в детстве

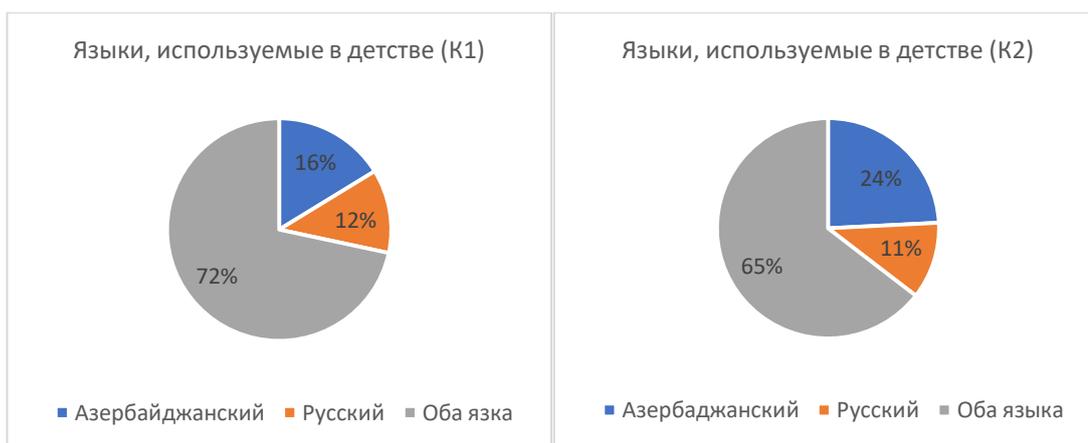


Рисунок 21. Языки, используемые в детстве

Рис. 22. Языки, используемые в детстве

В рисунках 21 и 22 представлено распределение использования языков в детстве среди респондентов азербайджанской общины в Москве по двум возрастным когортам. Значимых различий в использовании языков в двух когортах не отмечается. Большинство респондентов (72% в младшей когорте и 65% в старшей когорте) преимущественно использовали и русский, и азербайджанский языки. В старшей когорте выше процент тех, кто использовал только азербайджанский язык (24% против 16% в младшей когорте). Это коррелирует с данными по месту рождения и преимущественного проживания респондентов (представители старшего поколения в подавляющем большинстве родились в Азербайджане). Процент тех, кто использовал только русский язык практически одинаков в обеих когортах.

Из этого следует, что можно говорить о межпоколенной динамике функционального распределения языков в сторону увеличения

билингвальных практик за счет монолингвальных практик на азербайджанском языке, но не о вытеснении азербайджанского языка русским языком. Также, что, в выборке значительно преобладают билингвы.

Помимо азербайджанского и русского языков дома в детстве и позже респонденты употребляли ряд других языков: 12 человек – лезгинский язык, 6 – турецкий, 4 – талышский, 4 – грузинский, 2 – армянский. Использование данных языков (кроме турецкого, который появляется в смешанных азербайджано-турецких браках) связано с факторами границ и этнических меньшинств, проживающих на территории Азербайджана, или, наоборот, азербайджанских меньшинств на территории сопредельных государств. На севере Республики проживают лезгины, которые как правило, лезгино-азербайджанские, лезгино-русские билингвы или же лезгино-азербайджано-русские трилингвы. На юге Республики проживают талыши. В данном исследовании специально мы не касаемся вопросов соотношения азербайджанского языка и языков меньшинств Азербайджана. Эта тема отдельного исследования. Скажем только, что, по материалам интервью и анкеты, эти языки используются их носителями, проживающими в Москве, наряду с русским и азербайджанским, хотя и находятся в ситуации двойной диглоссии в отношении как русского, так и азербайджанского. Вопросам преподавания и использования этих языков в Азербайджане посвящена статья С.А. Москвичевой и Р. Абдуллаева [Moskvitcheva, Abdullaev 2020]. Грузинский язык используется наряду с азербайджанским в Грузии, на территориях с традиционным азербайджанским населением, например, в Борчалинском (Квемо-Картли) районе.

3.3.2. Первый выученный язык

Одним из вопросов анкеты был «Какой язык вы выучили первым». Ответы на этот вопрос, распределенные по двум возрастным когортам, представлены на рисунке 23.

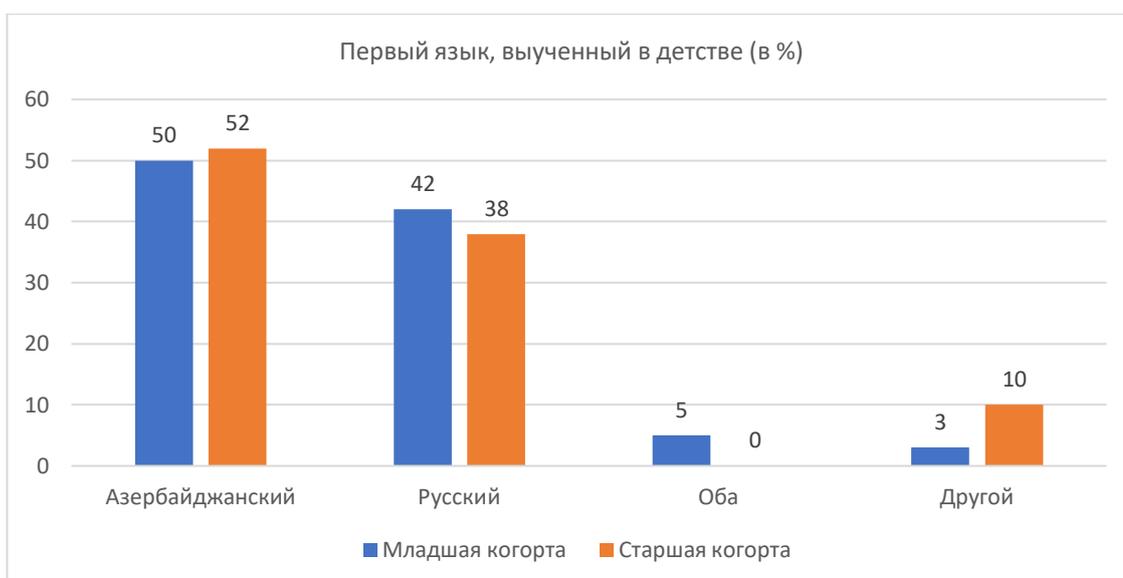


Рисунок 23. Первый язык, выученный в детстве

Существенных отличий в ответах, распределенных по возрастам нет. Для большинства респондентов первым языком был азербайджанский (50% – младшая когорта и 51% – старшая). Вместе с тем, процент тех, кто выучил русский раньше азербайджанского высок (42% для младшей когорты и 38% – для старшей). В младшей когорте присутствует небольшая доля тех, кто был билигвален с раннего детства. В категорию «другие языки» входят лезгинский, талышский, грузинский, армянский, турецкий.

3.3.3. Возраст изучения азербайджанского и русского языков

Вопрос анкеты относительно возраста усвоения азербайджанского и русского языков предполагал три варианта ответа: в раннем детстве (2–6 лет), в школе (7-16 лет), во взрослом возрасте (старше 16 лет). Такой набор ответов было решено ввести в анкету при проведении основной части эмпирического исследования, и они соответствуют логике ответов респондентов при проведении пилотного исследования.

Существенных различий в возрасте усвоения языков в сопряжении с младшей и старшей возрастной когортой не отмечено. Большая часть респондентов освоили азербайджанский и русский языки в раннем детстве. Чуть больше по сравнению с азербайджанским языком, процент, кто освоил русский язык в школе, но он все равно остается незначительным. На рисунке

24 и 25 приведены данные по возрасту усвоения азербайджанского и русского языка респондентами.

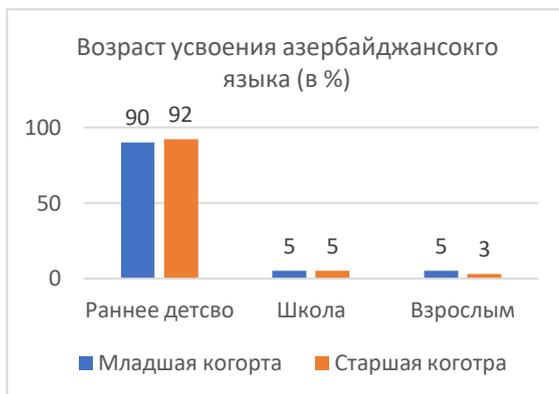


Рисунок 24. Возраст усвоения азербайджанского языка

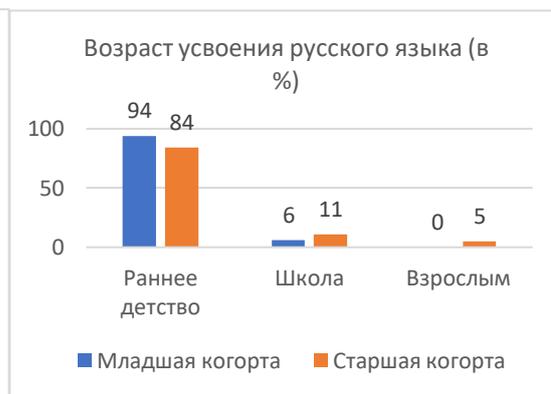


Рисунок 25. Возраст усвоения русского языка

Эти данные еще раз подтверждают, что представители азербайджанской общины, которые приняли участие в опросе, являются билингвами, причем речь идет о раннем и, как правило, параллельном билингвизме. Также данные говорят о наличии языковых традиций и трансляции культур, причем как русской, так и азербайджанской, в семейной среде. Однако традиции передачи русского и азербайджанского языков имеют серьезные отличия. Это становится очевидным при анализе места изучения языков. Перейдем к этому вопросу.

3.3.4. Место усвоения азербайджанского и русского языков

На рисунке 26 и 27 представлены данные по месту, где респонденты выучили азербайджанский и русский языки, соответственно.



Рисунок 26. Место изучения азербайджанского языка



Рисунок 27. Место изучения русского языка

Анализ ответов относительно места изучения языков говорит о том, азербайджанский язык тесно связан с семьей, и его передача осуществляется именно там. Причем различий между старшей и младшей когортой не отмечается: дома азербайджанский язык выучили 89% представителей младшей когорты и 88% представителей старшей когорты. На садик и школу приходится соответственно 11% и 12%.

Усвоение русского языка для значительной части респондентов также происходит дома. Несмотря на то, что большинство принявших участие в исследовании принадлежит к первому поколению миграции, домашними языками для них являются и азербайджанский, и русский. Это связано с особым положением русского языка в Азербайджане, его высоким статусом и востребованностью в городах и в ряде районов Республики. Тем не менее доля усвоивших русский язык дома среди представителей младшей когорты составляет 53%, старшей – 67%. В качестве предположения скажем, что снижение доли освоивших русский язык дома связана с распадом СССР и изменением функциональной и символической нагрузки русского языка в Азербайджане, языковая политика которого, безусловно, направлен на постепенное, но максимальное функциональное развитие азербайджанского языка. Поскольку большинство наших респондентов, как неоднократно подчеркивалось, принадлежит к первому поколению миграции и даже среди представителей младшего поколения высока доля родившихся и проведших большую часть жизни в Азербайджане, то уменьшение в молодом поколении числа тех, кто выучил русский язык в семье, кажется объяснимой. Возможно также, что в семьях респондентов, родившихся в Москве, сознательно используется азербайджанский язык с целью его сохранения. Оговоримся, что это предположение требует дополнительных исследований.

В младшем поколении число тех, кто освоил русский язык в садике или школе составляет почти половину от опрошенных (46%). В старшем поколении таковых только 25%. Тем не менее, к 7–8 годам подавляющее

большинство респондентов владеют русским языком вне зависимости от места его усвоения.

И, наконец, 8% опрошенных указали, что русский язык они выучили в «другом месте». В анкете была возможность указать, как и в каком именно месте они выучили русский язык. Мы получили следующие ответы: занятия с соседом, репетитор, работа, окружающая среда.

3.3.5. Владение формами азербайджанского и русского языков

Вопрос о владении формами языка мы выносим в часть, посвященную анализу языковой биографии респондентов, поскольку, как было показано во второй главе, диалекты азербайджанского языка остаются важным коммуникативным инструментом в азербайджанском обществе. И ведущим коммуникативным средством во внутрисемейном общении. Согласно нашей гипотезе в устной коммуникации, а она преобладает в ситуации миграции, роль диалектов будет стабильно высокой, в то время как литературная форма языка оказывается более уязвимой в силу сложности ее усвоения без специального обучения. На рисунках 28 и 29 представлены ответы респондентов относительно форм языка, которыми они владеют. В азербайджанском нас интересовало соотношение литературного языка и диалектов. В русском языке – владение литературным языком и разговорными формами. Вопрос о разговорных формах возник после проведения интервью, в ходе которых респонденты признавались, что даже после обучения в Азербайджане в школах с русским языком преподавания они испытывали серьезные коммуникативные трудности, поскольку не владели разговорными сленговыми формами. И, наоборот, те, кто учил русский язык «из окружающей среды» испытывали серьезные трудности там, где требовалось использование форм литературного языка.

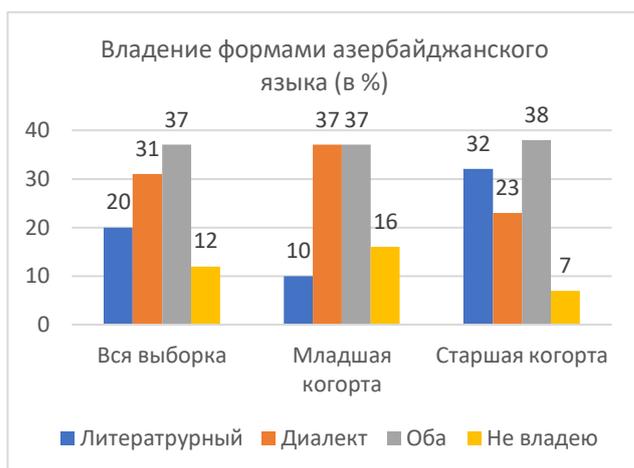


Рисунок 28. Владение формами азербайджанского языка

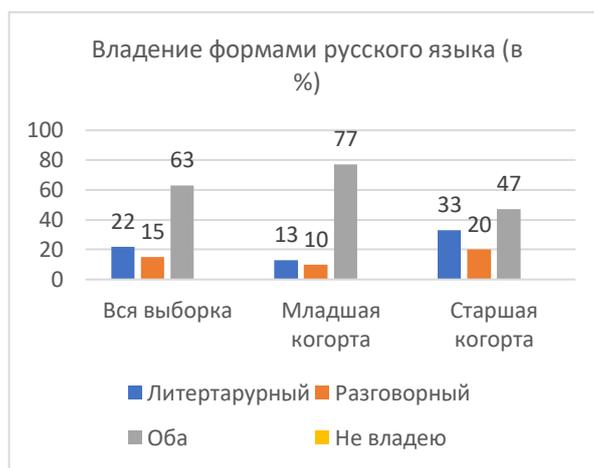


Рисунок 29. Владение формами русского языка

В азербайджанском языке отмечается небольшой перевес в использовании обеих форм: и диалекта, и литературного языка. По всей выборке процент использующих обе форме составляет 37%, в младшей когорте – 37%, в старшей – 38%. На долю использования только диалекта приходится 31% по всей выборке, 37% в младшей когорте и 23% в старшей. Что касается форм литературного языка, то в наименьшей степени только им владеют представители младшего поколения – 10%. В старшей когорте только литературным языком владеют 32%.

Приведенные данные косвенно свидетельствуют о сдвиге коммуникативных практик на азербайджанском языке в сторону устного общения в сферах, ограниченных семейной и дружеской коммуникацией. Это традиционные сферы использования диалектных форм языка. Особенно этот сдвиг заметен при сравнении коммуникативных практик в младшей и старшей когортах.

Анализ данных по использованию форм русского языка также дает разную картину в двух возрастных когортах. В старшей когорте чуть более половины респондентов используют или только литературную форму русского языка (33%), или разговорную (20%). 47% владеют обеими формами. В младшей когорте подавляющее большинство (77%) заявило об использовании обеих форм. Только 13% и 10% соответственно используют или формы литературного, или разговорного языка. В целом это является свидетельством, что для младшей когорты русский язык стал более привычным средством коммуникации во всех сферах.

3.4. Представления респондентов об их языковых практиках

В этом параграфе остановимся на представлениях респондентов об их языковых практиках. Мы предлагаем посмотреть, как респонденты оценивают их общий уровень русского и азербайджанского языков, какой язык для них более удобный и привычный, и какие языковые компетенции в двух языках представляют для них наибольшие трудности.

3.4.1. Общая оценка знания азербайджанского и русского языков

Вначале кратко представим общую оценку знания русского и азербайджанского языков респондентами, настолько насколько это необходимо для анализа других представлений о языке. Более подробно данные по владению языками и отдельными языковыми компетенциями представлены в параграфе 5 настоящей главы. На рисунках 29 и 30 представлены ответы на вопросы «Достаточно ли хорошо, на Ваш взгляд, Вы владеете азербайджанским языком» и «Достаточно ли хорошо, на Ваш взгляд, Вы владеете русским языком», соответственно.

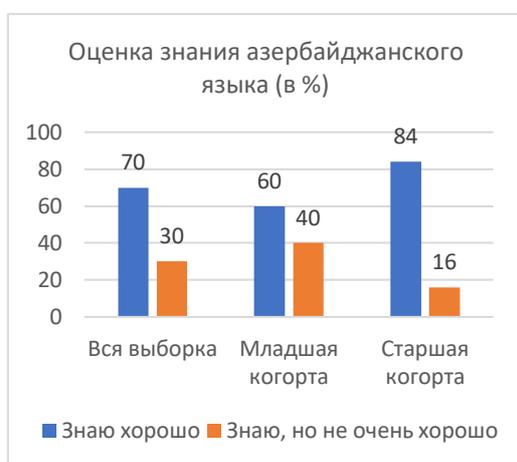


Рисунок 29. Оценка знания азербайджанского языка

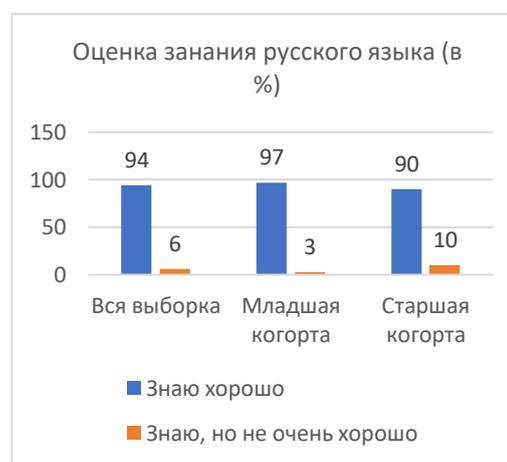


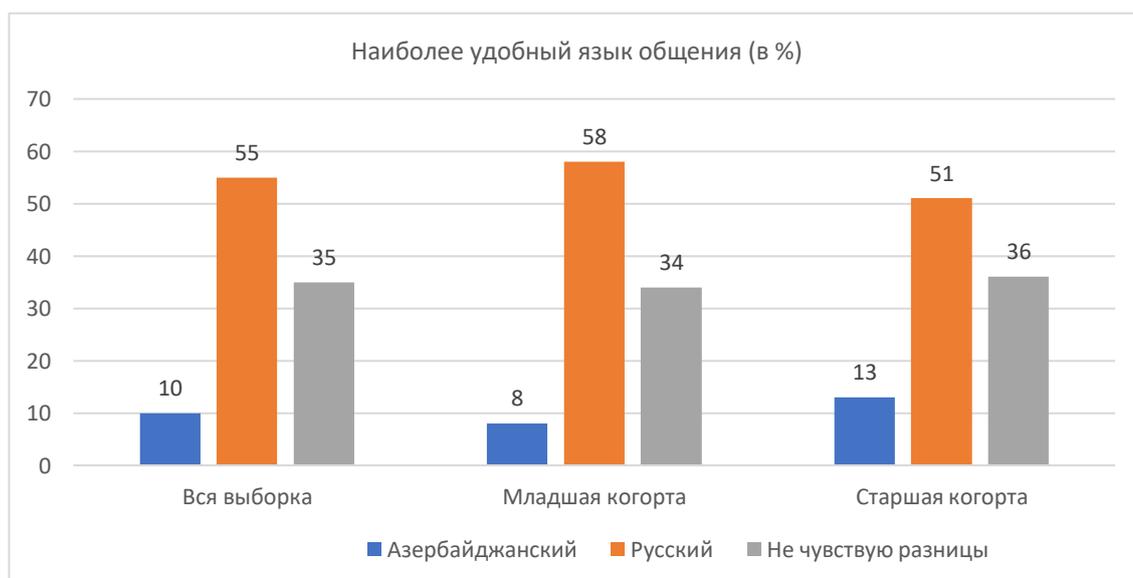
Рисунок 30. Оценка знания русского языка

Прежде чем приступить к анализу данных, напомним, что оценка собственных навыков владения языками является субъективной, и эти результаты, скорее всего, не отражают настоящие знания респондентов, но дают полезную информацию для анализа ситуации. В целом, мы видим, что знания русского языка оцениваются респондентами выше, чем знания азербайджанского. 97% в младшей когорте и 90% в старшей признали свои знания русского языка хорошими. Существенных различий между когортами в оценке знаний русского языка нет.

Знания азербайджанского языка оцениваются ниже. По всей выборке только 70% оценили свои знания как хорошие. В младшей когорте эта цифра составляет 60%, а вот в старшей – 84%. Старшее поколение в массе билингвально. В младшем наблюдается сдвиг в сторону использования русского языка, а за азербайджанским сохраняются функции, направленные преимущественно на удовлетворение потребности социальной близости.

3.4.2. Представления о наиболее удобном языке коммуникации

Анализ результатов по нашей выборке показывает, что наиболее удобным языком общения для всех обеих когорт остается русский язык. Более половины респондентов указали именно его. На втором месте с результатом около 35% идут оба языка, то есть использование азербайджанского и русского языков удобно в равной степени. Азербайджанский язык как наиболее удобный отметили 13% в старшей когорте и 8% в младшей. Данные по наиболее удобному языку общения приведены на рисунке 31.



Отметим, что в нашей выборке наблюдается небольшое, но возрастание роли русского языка как наиболее удобного средства общения в младшей когорте. И понижение роли азербайджанского языка. Однако процент тех, кто одинаково удобным назвал оба языка, остается практически идентичным. Высокий уровень русского языка как наиболее удобного языка общения объясняется, в первую очередь, экстралингвистическими факторами: представители выборки – это азербайджанцы, которые сознательно и добровольно решили иммигрировать в Российскую Федерацию. Большая часть владела русским языком до эмиграции. Подчеркнем, что позиции русского языка в Азербайджане остаются довольно сильными, еще существует русскоязычная среда. Можно предположить, что выбор России как страны иммиграции связан, в том числе, с хорошим владением русским языком, и возможностями полноценной профессиональной и культурной интеграции.

Необходимо отметить, что степень привычности и удобства общения на разных языках может зависеть от различных факторов, таких как длительность пребывания в России, семейный контекст, тип профессиональной деятельности и другие социокультурные, экономические и психологические факторы.

3.4.3. Представления о трудностях при коммуникации на азербайджанском и русском языках

В заключении параграфа о представлениях респондентов об их языковых практиках рассмотрим, как они оценивают свои компетенции в устном общении, чтении и письме. В анкете мы не стали задавать отдельно вопросы о понимании и говорении, объединив их под общим названием «общение». Как показало пилотное исследование такая формулировка лучше и проще воспринималась респондентами. Далее следовали вопросы об оценке респондентами их компетенций в чтении и письме. Данные вопросы

возникли не случайно. Поскольку азербайджанский язык в Москве и, шире, в России находится в миноритарной ситуации, можно предположить, что ряд компетенций, связанных с письменным языком, требующим специально

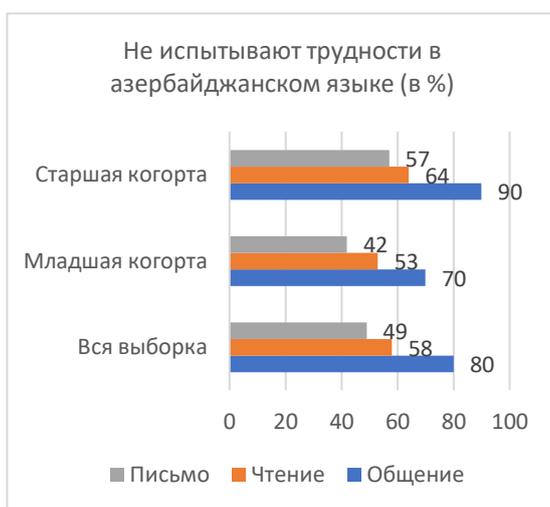


Рисунок 32. Трудности в азербайджанском языке

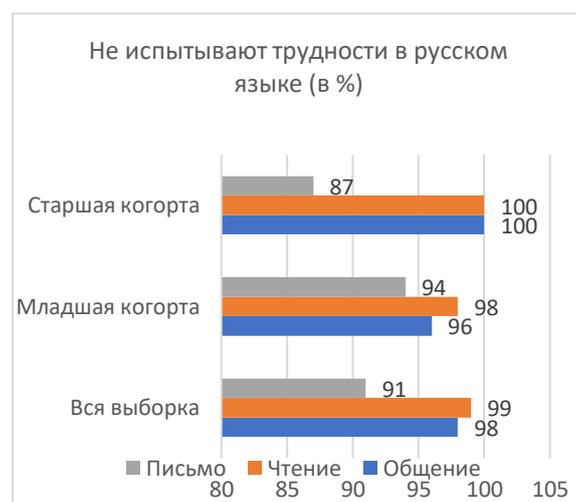


Рисунок 33. Трудности в русском языке

изучения, будут вызывать трудности. Наш материал подтверждает это предположение. На рисунках 32 и 33 приведены данные по оценке компетенций в азербайджанском и русском языках соответственно. На графиках показано, сколько процентов респондентов не испытывают трудности в общении, чтении и письме по всей выборке и в сопряжении с младшей и старшей возрастной когортой.

Из графиков видно, что русский язык вызывает меньше трудностей чем азербайджанский. По всей выборке 98% не испытывают проблем в общении, 98% – в чтении и 91% – в письме. В старшей когорте 100% не испытывают проблем в общении и чтении. Однако в письменных компетенциях свободно себя чувствуют 87%. В младшей когорте этот процент равен 94%. Возможно, эта разница обусловлена тем, что большинство представителей младшего поколения обучались в российских школах. В целом, компетенции в русском языке оценены респондентами очень высоко.

В азербайджанском языке в наименьшей степени вызывает трудности общение. 90% представителей старшей когорты и 70% младшей заявили об

отсутствии таковых. Трудности при чтении не испытывают 64% представителей старшей когорты и 53% младшей. Еще меньше респондентов заявили об отсутствии трудностей на письме: 57% в старшей когорте и 42% в младшей.

В целом это хорошие показатели для языка в ситуации миграции. Однако, «следует обратить внимание на снижение в младшей возрастной когорте уровня инструментальных письменных компетенций. Представители младшей когорты в подавляющем большинстве получили образование в российских школах. Дома использовались устные формы азербайджанского языка, а чтению и письму на азербайджанском респонденты обучались самостоятельно и не систематически. Представители старшей когорты среднее образование полностью или в значительной части получили в Азербайджане. Даже если они обучались в так называемом «русском секторе», где преподавание ведется на русском языке, азербайджанский язык был для них обязательным предметом из расчета как минимум трех часов в неделю» [Москвичева, Гасанов 2021: 63].

Оценка респондентами своих языковых компетенций позволяет говорить о неравноценном функциональном распределении языков в общине. Если в устном общении наблюдается определенный паритет русского и азербайджанского языков, при этом следует уточнить, что речь идет, преимущественно, о сферах обыденного общения, то в письменных компетенциях превалирует русский язык.

3.5. Оценка языковых компетенций

В этом параграфе обратимся к анализу оценки респондентов инструментальных компетенций в русском и азербайджанском языках. Как это было сделано со всеми предыдущими данными, мы рассмотрим уровень владения компетенциями (по оценке самих респондентов) в зависимости от возрастных когорт. Рассмотрим последовательно компетенции понимания, говорения, чтения и письма. Поскольку основными языками, используемыми

в азербайджанской общине в Москве (на материале нашей выборки), являются русский и азербайджанский, другие языки (лезгинский, талышский, грузинский, армянский) представлены единичными примерами, мы приняли решение ограничиться рассмотрением оценки компетенций только в двух основных языках. В данном параграфе азербайджанский язык рассматривается как единый во всех своих формах без различия использования литературного языка и диалектов. Это будет сделано в параграфе 6.

3.5.1. Понимание на русском и азербайджанском языках

В таблице 2 представлены данные по уровню владения азербайджанским и русским языком.

Компетенция понимания на азербайджанском и русском языках						
	Младшая когорта		Старшая когорта		Вся выборка	
	Азерб.	Рус.	Азерб.	Рус.	Азерб.	Рус.
Свободно	55%	95%	72%	82%	63%	89%
Хорошо	29%	5%	18%	15%	24%	10%
Средне	11%	0%	7%	3%	9%	1%
Плохо	5%	0%	3%	0%	4%	0%
Не понимаю	0%	0%	0%	0%	0%	0%

Таблица 2. Понимание на азербайджанском и русском языках

По данным анкеты в первой когорте 55% не испытывают никаких трудностей в понимании азербайджанского языка. О хорошем понимании заявило 29% опрошенных, о среднем – 11% и о плохом – 5%. Во второй когорте свободно понимают азербайджанский 72% опрошенных, хорошо – 18%, средне 7%, плохо – 3%. В целом компетенции понимания оказываются высокими, суммарно «свободно» и «хорошо» азербайджанский язык понимают 87% респондентов, что является значимым показателем. Вместе с тем наблюдаются очевидные сдвиги понимания языка в сторону «хорошо» и «средне» в младшей когорте, что говорит о постепенной утрате позиций азербайджанского языка. Судя по нашим наблюдениям и материалам интервью этот процесс может быть очень долгим, и азербайджанский язык

едва ли будет вытеснен из коммуникативной и, тем более символической областей языковой ситуации, поскольку он является одним из основных центров формирования азербайджанский идентичности.

Уровень понимания русского языка высок в обеих когортах. В младшей когорте свободно понимают русский язык 95% респондентов, хорошо – 5%. В старшей когорте эти цифры составляют 82% и 15% соответственно, 3% заявили, что понимают русский язык на среднем уровне. В личных беседах и интервью респонденты говорили о сложности понимания преимущественно сленга, а не литературного (стандартного) языка. Однако на ответ на вопрос в чем именно состоят сложности понимания языка требуется отдельное специальное исследование.

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о различиях в сфере понимания языков среди разных возрастных групп. В первой когорте (молодежь) большинство респондентов свободно понимает русский язык, что, вероятно, связано с его широким использованием в московском контексте и влиянием русскоязычной среды. Вторая когорта также демонстрирует высокий уровень понимания русского языка, однако доля респондентов со свободным владением азербайджанским языком несколько ниже среди старшего поколения.

3.5.2. Говорение на русском и азербайджанском языках

Рассмотрим данные анкеты относительно компетенции говорения на азербайджанском и русском языках, по оценке респондентов. Они приведены в таблице 3.

Компетенция говорения на азербайджанском и русском языках						
	Младшая когорта		Старшая когорта		Вся выборка	
	Азерб.	Рус.	Азерб.	Рус.	Азерб.	Рус.
Свободно	50%	89%	75%	82%	61%	86%
Хорошо	29%	11%	12%	16%	21%	13%
Средне	13%	0%	10%	2%	12%	1%
Плохо	8%	0%	3%	0%	6%	0%
Не говорю	0%	0%	0%	0%	0%	0%

Таблица 3. Говорение на русском и азербайджанском языках по двум возрастным когортам

Компетенцию говорения на азербайджанском языке оценили как свободную 50% представителей младшей и 75% старшей когорт. В младшей когорте оценку «хорошо» дали 29%, «средне» 13% и «плохо» – 8%. В старшей когорте эти цифры составляют 16%, 2% и 0% соответственно. Не говорящих на азербайджанском языке в нашей выборке нет. Результаты по оценке компетенции говорения, в целом, схожи с результатами по компетенции понимая. Наблюдаются те же тенденции уменьшения доли свободно говорящих на языке в пользу возрастания хорошо и средне говорящих. Однако востребованность азербайджанского языка в ряде сфер общения и, прежде всего семейном общении, что будет показано ниже, позволяют говорить об относительно благоприятном прогнозе для сохранения азербайджанского языка.

Компетенции говорения на русском языке оцениваются высоко. О свободном владении данной компетенцией заявило 89% представителей младшей когорты и 82% старшей. Хорошо владеют компетенцией 11% первой когорты и 16% второй. В младшей когорте никто не оценил компетенцию говорения на русском языке как среднюю или плохую. В старшей когорте 2% респондентов оценили эту компетенцию как среднюю.

3.5.3. Чтение на русском и азербайджанском языках

Перейдем к анализу ответов по компетенции чтения по двум возрастным когортам и по всей выборке. В таблице 8 представлены полученные результаты.

Компетенция чтения на азербайджанском и русском языках						
	Младшая когорта		Старшая когорта		Вся выборка	
	Азерб.	Рус.	Азерб.	Рус.	Азерб.	Рус.
Свободно	50%	95%	58%	85%	54%	90%
Хорошо	21%	5%	29%	11%	24%	8%
Средне	18%	0%	10%	4%	15%	2%
Плохо	11%	0%	3%	0%	7%	0%
Не умею	0%	0%	0%	0%	0%	0%

Таблица 4. Чтение на азербайджанском и русском языках по двум возрастным когортам

В младшей когорте 50% респондентов свободно читают на азербайджанском языке. В старшей когорте этот показатель равняется 58%. В младшей когорте 21% заявили о хорошем владении компетенцией чтения, 18% – о среднем, 11% о плохом. Цифры по старшей когорте 29%, 10% и 3% соответственно. В целом, можно говорить о хороших показателях для данной компетенции, хотя они, безусловно, несколько уступают устным компетенциям.

Оценка компетенции чтения в русском языке высокая. 95% и 85% респондентов младшей и старшей когорт соответственно заявили о свободном владении данным навыком. 5% в младшей когорте оценили его как хороший. В старшей когорте 11% дали оценку «хорошо» и 4% средне. В целом, данная компетенция не вызывает затруднений.

3.5.4. Компетенция письма в русском и азербайджанском языках

Анализ оценки респондентами компетенции письма на русском и азербайджанском языках ожидаемо показывает снижение владение компетенцией в азербайджанском языке. В младшей когорте 3% респондентов не умеют писать. Суммарное количество ответов «свободно» (45%) и «хорошо» (8%) ненамного превосходят количество ответов «средне» (31%) «плохо». В старшей когорте ситуация несколько лучше: 54% и 25% оценили эту компетенции как «свободную» и «хорошую». 7% и 14% оценили как «среднюю» и «плохую». Данные по оценке компетенции письма на двух языках по двум возрастным когортам и всей выборке приведены в таблице 5. Письменная компетенция.

Компетенции письма в азербайджанском и русском языках						
	Младшая когорта		Старшая когорта		Вся выборка	
	Азерб.	Рус.	Азерб.	Рус.	Азерб.	Рус.
Свободно	45%	90%	54%	85%	49%	88%
Хорошо	8%	10%	25%	8%	16%	10%
Средне	31%	0%	7%	7%	21%	2%

Плохо	13%	0%	14%	0%	13,5%	0%
Не умею	3%	0%	0%	0%	1,5%	0%

Таблица 5. Письмо на русском и азербайджанском языках по двум возрастным когортам

Общеизвестно, что письменная компетенция является наиболее трудной в усвоении. Однако, как представляется, дело не только в этом. Для языков в миноритарной ситуации наиболее востребованными компетенциями являются устные инструментальные (говорение и понимание). Письменные компетенции, в конечном счете, зависят от потребности в письменном языке, которая, как правило, находит удовлетворение в формах доминирующего языка. [Москвичева 2014]. Однако, письменный язык остается востребованным в личной переписке, в смс-сообщениях, в интернет-комментариях и других жанрах письменного общения, не требующих строгого использования стандартных и кодифицированных форм письменного языка.

3.5.5. Алфавит, используемый респондентами

Вопрос, связанные с письменными компетенциями в азербайджанском языке самым тесным образом связан с реформой алфавита, которая началась в 1992 году и завершилась к началу 2000-х. Переход на латиницу осложнил использование письменных форм языка для ряда респондентов выборки. Преимущественно это относится к старшему поколению, которые получили полноценное среднее или высшее образования на кириллическом алфавите. Для них, особенно если это люди более старшего возраста, переход на латиницу затруднителен. Молодое поколение проще адаптируется к подобным изменениям, но говорить о кодифицированной орфографии в этом случае затруднительно. На рисунке 34 представлены данные по предпочтительному использованию алфавита в сопряжении с возрастными когортами и местом наиболее длительного проживания респондентов. В качестве места проживания учитывались Азербайджан, Россия и другое (Армения, Грузия).

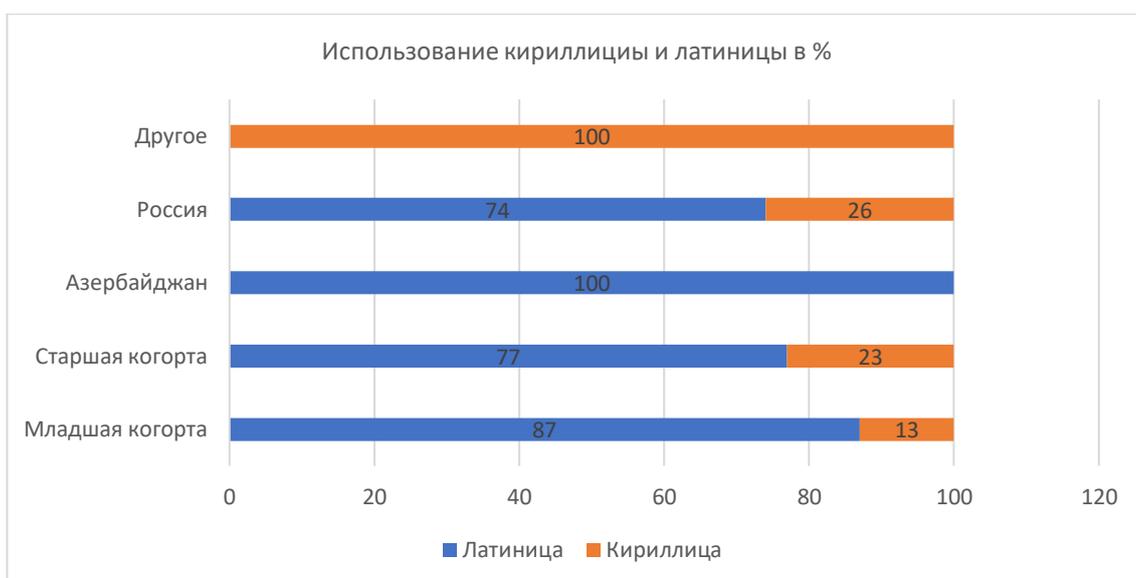


Рисунок 34. Использование алфавита в азербайджанском языке.

Анализ данных показывает, что безусловным предпочтительным алфавитом является латиница. Ее используют 87% респондентов в младшей когорте. В старшей когорте этот показатель меньше, но все равно остается значительным и равен 77%. Если мы посмотрим на распределение используемого алфавита в сопряжении с местом наиболее длительного проживания, то получим значимые корреляции ($p < 0,01$ при X-квадрате Пирсона). При наиболее долгом проживании в Азербайджане доля тех, кто использует латиницу равно 100%. При проживании в России она составляет 74%. Интересные данные по предпочтительному алфавиту при проживании в иных регионах – в этом случае использование кириллицы равно 100%. В нашей выборке таковые составляют всего 3%, что не позволяет сделать валидные заключения, но ставит вопросы о символической роли кириллического и латинского алфавитов в структуре идентичности представителей азербайджанской общины.

Популярность латиницы также может быть связана и с экстралингвистическими факторами, а именно, с техническим прогрессом и доступностью клавиатур с латинским алфавитом, которые и предпочитают молодые люди.

3.6. Домены использования языков

Перейдем к анализу доменов использования языка, которые являются центральной составляющей языковой и речевой ситуаций и определяют структуру функционирования языка в сообществе. В диссертации последовательно рассматривается распределение азербайджанского (с учетом распределения по литературной форме и диалектам) и русского языков в зависимости от адресата (собеседника) (параграф 6.1), от (6.2) ситуации общения и от сферы приложения языка и канала передачи информации (6.3).

3.6.1. Использование языков и форм языка в зависимости от адресата (собеседника)

В данном параграфе представлены результаты анализа распределения и функциональной нагрузки языков в зависимости от участников коммуникации. В качестве наиболее типичных адресатов мы рассматриваем бабушек и дедушек, родителей, братьев и сестер, детей, друзей, коллег. Первые четыре класса адресатов составляют круг семейного общения. Два последних – круг не анонимного общения. Рассматривать анонимное общение в рамках данного исследования, как нам кажется, менее актуально, так как во всех случаях будет использоваться русский язык. Отметим, что анонимное общение на азербайджанском языке все же может иметь место в особых ситуациях коммуникации, связанных с определенными контекстами, например, общение на рынке или на собрании землячества, где говорящий заведомо уверен в языковых компетенциях адресанта.

В качестве форм языка были взяты литературный азербайджанский язык, диалект азербайджанского (без уточнения какой именно) и русский язык. В рамках проведенного опроса участники имели возможность выбрать несколько вариантов ответов, касающихся использования тех или иных форм языка и языков в общении с группами адресатов, что подразумевало возможность получения множества ответов и формировало смешанные типы коммуникации. Например, при общении с родителями респондент может

использовать диалект, азербайджанский литературный язык и русский язык (без уточнения формы). Анализ анкет привел к формированию семи возможных конфигураций использования языков и форм языка в зависимости от адреса: азербайджанский литературный (1), диалект (2), русский (3), литературный азербайджанский и диалект (4), литературный азербайджанский и русский (5), диалект и русский (6), все варианты (7). Далее мы кратко рассмотрим каждую конфигурацию в сопряжении с собеседником. Каждая конфигурация представляет несомненный интерес для более глубокого анализа как в собственно социолингвистическом аспекте, в том числе в плане динамики языковой ситуации, так и в прагматическом аспекте. Однако в силу задач нашего исследования мы ограничимся анализом распределения форм языков.

На рисунке 35 приведены данные, отражающие процентное использование различных языков и форм языка в процентах в зависимости от адресата.

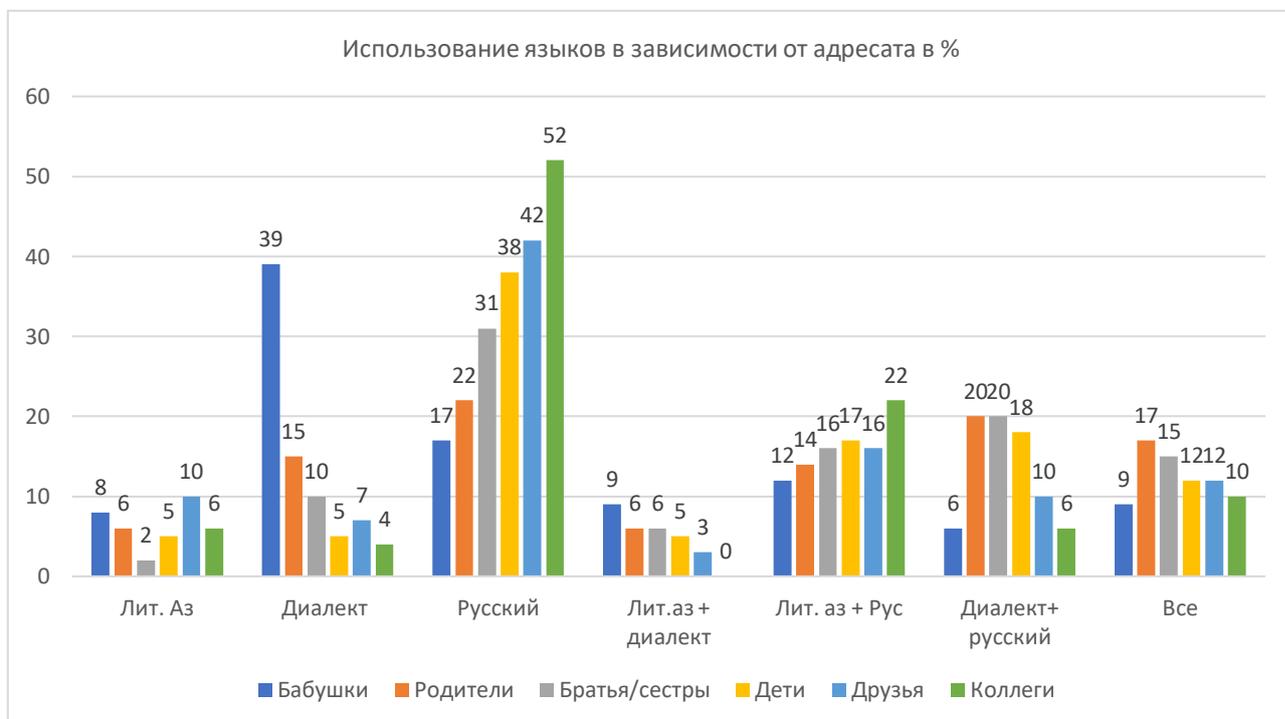


Рисунок 35. Распределение языков и форм языка в зависимости от адресата

Билингвизм и смешанное использование языков являются характерной чертой азербайджанской общины, что отражено на приведенном выше

графике. В целом, наиболее востребованным языком общения является русский язык. Его показатели высоки по всем группам собеседников. Особенно значительны они при общении с коллегами и друзьями (52% и 42% соответственно). Использование только русского языка последовательно снижается во внутрисемейной коммуникации по поколениям: с детьми этот показатель равен 38%, с братьями и сестрами – 31%, с родителями 22%, с бабушками и дедушками – только 17%.

Литературный азербайджанский в чистом виде в коммуникации в азербайджанской общине в Москве используется нечасто. Максимальный показатель его использования 10% в общении с друзьями. Среднее арифметическое по использованию азербайджанскому литературному составляет 6,5% (для русского этот показатель – 33,6%). Еще меньше используется конфигурация «азербайджанский литературный и диалект», среднее арифметическое которого составляет 5,8%. Однако на конфигурации «русский и диалект», «русский и азербайджанский литературный», «все формы» приходится значительная доля общения. В целом график показывает, что коммуникация в азербайджанской общине остается выражено билингвальной.

Значимую роль при коммуникации со старшим поколением (бабушки и дедушки) играет диалект. Он остается ведущим каналом передачи информации, но особо подчеркнем роль и место фатической функции (по Р. Якобсону) или функции социального контакта и близости при общении на диалекте. Предпочтительной формой языка в данном случае является диалект азербайджанского языка, что связано со стремлением сохранить интимность в общении, подчеркнуть верность традициям и культурному наследию. При этом имеет место и использование русского языка при общении с бабушками и дедушками (рисунок отражает эти тенденции). Это может быть связано с преодолением языкового барьера, языковой и социокультурной адаптацией,

большей легкостью общения, особенно если бабушки и дедушки говорят по-русски, хотя они, возможно, лучше знают диалекты азербайджанского.

Дадим характеристику распределения языков, поставив в центр проблематики конфигурации форм языка, как это было сделано выше, при анализе апеллятивной функции (в зависимости от собеседников). Исследование показывает, что московские азербайджанцы предпочитают общаться со своими бабушками и дедушками на диалекте азербайджанского языка. В общении со родителями максимальный показатель приходится на русский язык (22%), однако в целом – это билингвальные практики, где могут использовать как литературный, так и диалектный азербайджанский язык и их конфигурации с русским языком.

Такая же ситуация наблюдается в контексте общения с братьями и сестрами и детьми: респонденты предпочитают использовать русский язык, доля которого выше, чем при общении с родителями. При этом также наблюдается смешивание всех форм языков. Одной из причин роста доли русского языка может быть стремление родителей к более быстрой адаптации детей к российским языковым и социокультурным реалиям. Русский язык в данном контексте может рассматриваться как основное средство коммуникации для обеспечения успешной интеграции детей в русскоязычную среду, что позволяет полноценно участвовать во всех социальных и культурных сферах жизни.

В контексте общения с друзьями и, в еще большей степени с коллегами, предпочтительно использование русского языка. Однако следует отметить, что в анкете по этическим и иным соображениям, мы не просили уточнить этническую принадлежность друзей. Данные интервью говорят, что если друг является азербайджанцем, то общение будет происходить на азербайджанском или русском и азербайджанском языках. Данные 10% использования литературного азербайджанского языка и чуть реже диалекта (7%) относятся как раз к этой ситуации. Также в процессе общения с

азербайджанскими друзьями респонденты могут демонстрировать двуязычные навыки, что свидетельствует об их способности свободно переключаться между разными языками в зависимости от социального контекста. Вопрос переключения кода не был проанализирован в рамках настоящей диссертации, однако собранные нами материалы говорят о его исключительной значимости в коммуникации молодого поколения.

Контекст общения с коллегами в Москве схожий с контекстом дружеского общения. Азербайджанцы Москвы предпочитают использовать русский язык, но, если среди коллег есть азербайджанцы, общение между ними ведется на литературном азербайджанском языке (6%), диалекте (4%), литературном азербайджанском и русском (22%), диалекте и русском (6%), на всех языках и формах языка (10%). Мы видим, что в этом случае превалирует билингвальное общение и использование литературного азербайджанского и русского языков.

Такой подход к выбору языка в профессиональной среде указывает на важность языка как средства культурного самовыражения и средства сохранения этнической и языковой идентичности вне исконной языковой среды.

3.6.2. Использование языков и форм языка в зависимости от ситуации общения

В этом параграфе мы рассмотрим, какие языки и формы языка используются в различных ситуациях общения. Нас интересовало использование языков и форм азербайджанского языка дома, на работе, в кафе, в магазине, на рынке и в мечети, так как, именно эти ситуации, за исключением мечети, наиболее часто упоминались в ходе интервью с представителями общины. В основной анкете мы не задавали вопрос об использовании языка в школе, в государственных учреждениях и иных ситуациях формального престижного общения, так как там по определению

используется русский язык и пилотное исследование показало нерелевантность этих вопросов.

Данные по частотности использования языков и форм языка дома приведены на рис. 36, на работе на рис. 37, в кафе и ресторанах на рис. 38, в магазине на рис. 39, на рынке в рис. 40, в мечети на рис. 41.

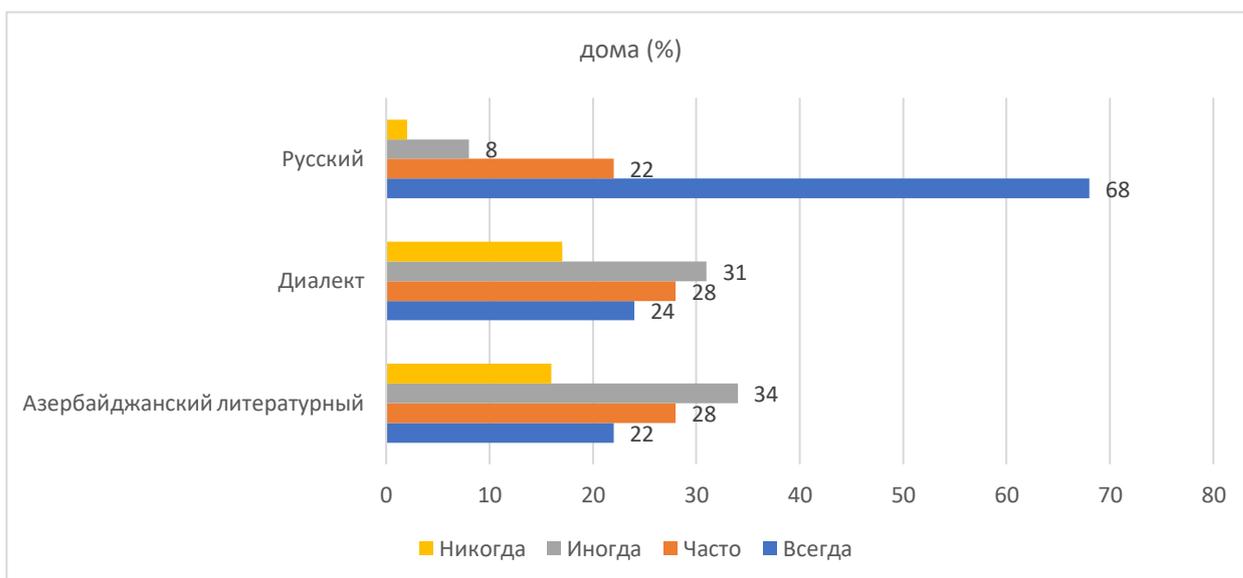


Рисунок 36. Использование русского языка и азербайджанского литературного и диалекта дома.

Проанализируем данные, приведенные на рис. 36. Распределение использования языков дома среди азербайджанцев в Москве показывает, что употребление русского языка значительно превосходит употребление других языков 68% по всей выборке. Показатель употребления литературного азербайджанского языка составляет 22%, а диалекта азербайджанского – 24%. Эти показатели коррелируют с использованием языка в зависимости от собеседника. Напомним, что азербайджанский язык и его формы чаще всего используются в общении со старшим поколением, при общении с детьми и с братьями сестрами возрастает роль русского языка. Вместе с тем, на графике видно, что азербайджанский язык во всех его формах остается востребованным в этой ситуации.

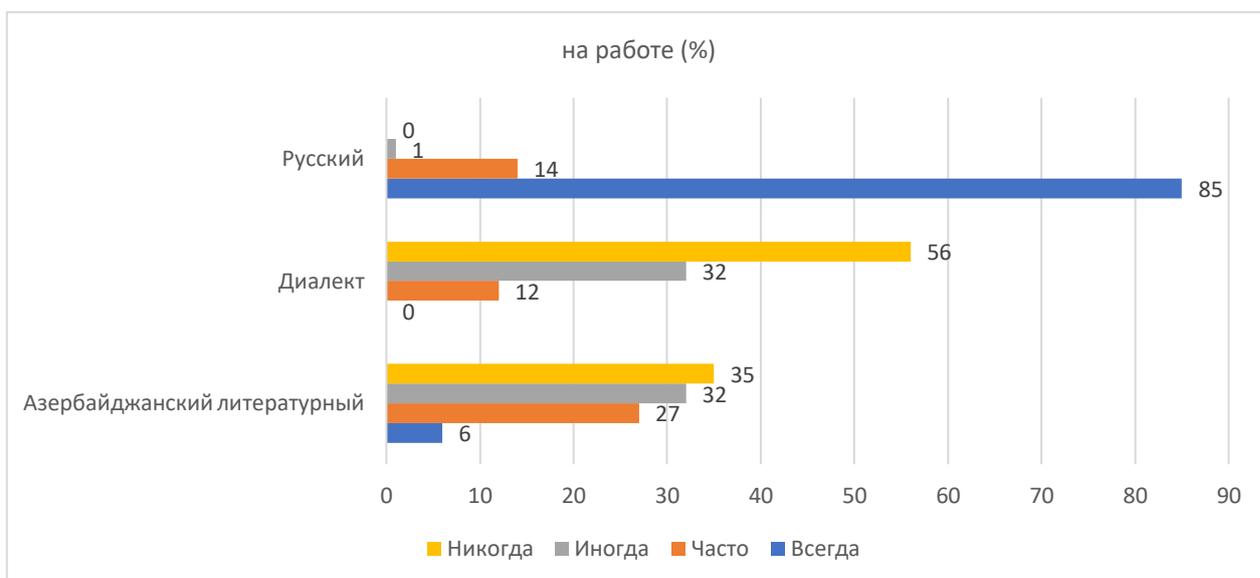


Рисунок 37. Использование русского языка и азербайджанского литературного и диалекта на работе

На работе в Москве азербайджанцы чаще всего используют русский язык. Этот показатель равен 85% – использование языка каждый день и 14% – часто. Такое положение дел представляется вполне логичным, учитывая, что они работают на территории Российской Федерации, где русский язык является общепринятым средством коммуникации.

Диалект азербайджанского языка мало востребован в профессиональной сфере. Только 12% респондентов указали, что используют его часто, 32% – редко. Литературный азербайджанский язык используется значительно чаще: 6% указали, что используют его каждый день, 27% используют часто. Результаты анкеты можно интерпретировать следующим образом. Во-первых, часть респондентов занята в интеллектуальных сферах деятельности, связанных с преподаванием, журналистикой, работают в культурных центрах и других организациях, где используются литературные формы языка. Многие азербайджанцы в Москве работают, например, в торговле, со своими земляками из разных регионов Азербайджана. Понимание между ними обеспечивается литературным азербайджанским языком.

Рассмотрим использование языков в кафе и ресторанах, которое представлено на следующем рисунке (Рис. 38).

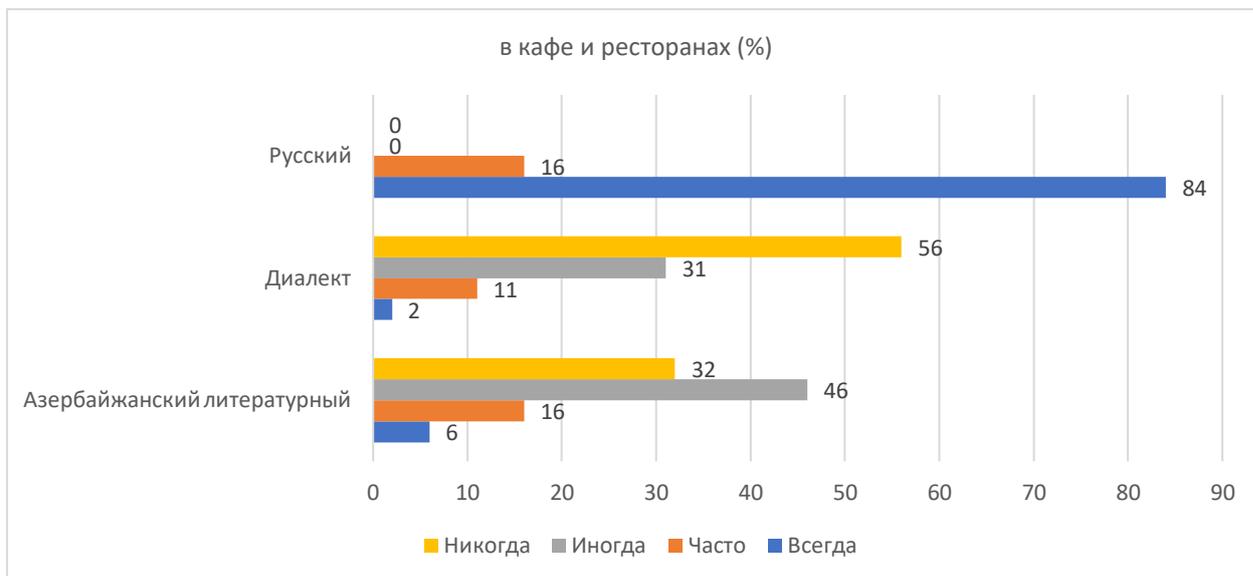


Рисунок 38. Использование русского языка и азербайджанского литературного и диалекта в кафе и ресторанах

Использование русского языка среди азербайджанцев в Москве в кафе и ресторанах превалирует – 84% используют язык каждый день и 16% – часто.

Что касается использования азербайджанского диалекта, то 56% опрошенных никогда не используют, 31% используют редко, лишь 13% его используют. Использование литературного азербайджанского хотя и ограничено, но он присутствует в коммуникации: 22% (суммарно) используют его каждый день или часто. Иногда его используют 46% респондентов, никогда – 32%. Данные свидетельствуют, что русский язык остается ведущим средством коммуникации среди азербайджанцев в Москве, не в последнюю очередь из-за его официального статуса, широкого использования и нейтрального характера общения в многонациональной среде с подавляющим превалированием русскоязычного населения. Скорее интересно и важно отметить, что и азербайджанский язык сохраняет свое место и остается востребованным.

На рисунках 39 и 40 представлена информация об использовании русского языка, диалекта азербайджанского и литературного азербайджанского в магазинах и на рынках.

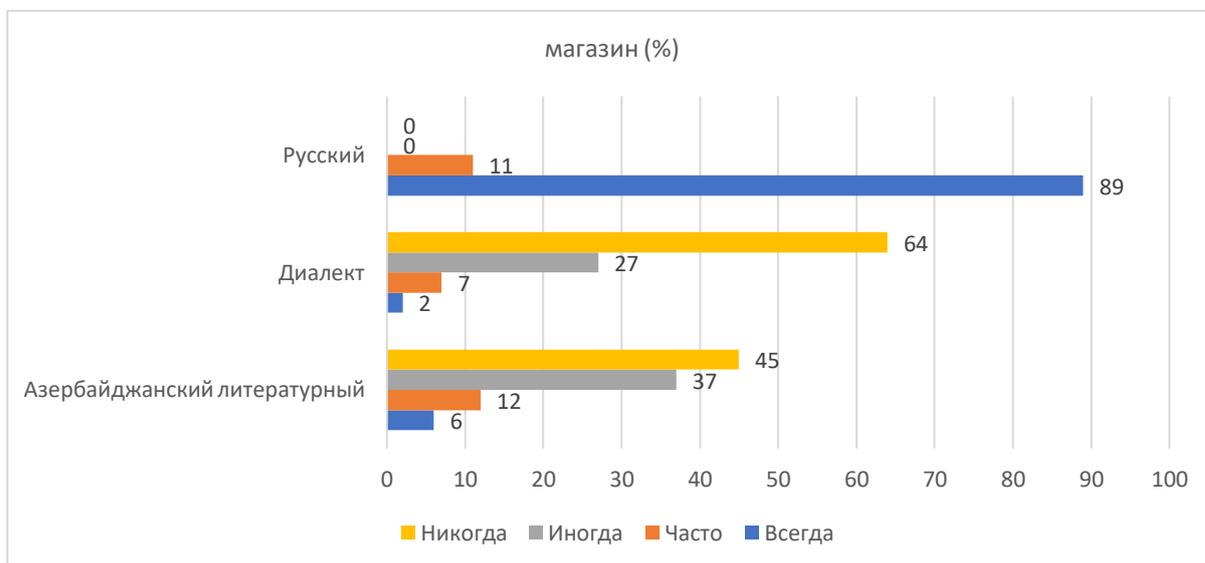


Рисунок 39. Использование русского языка и азербайджанского литературного и диалекта в магазине

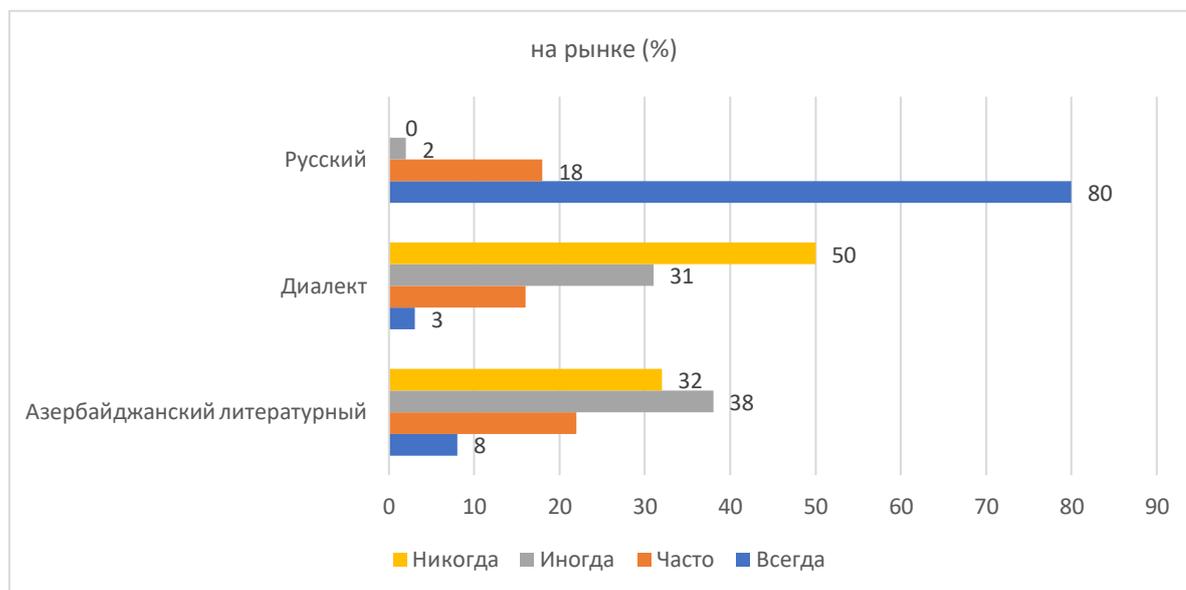


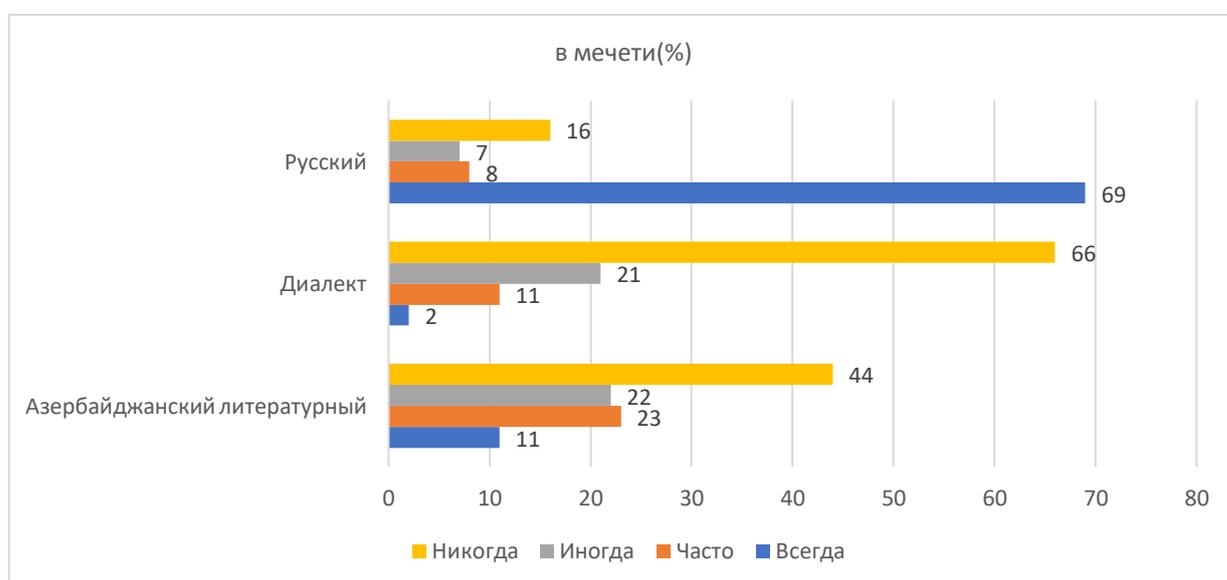
Рисунок 40. Использование русского языка и азербайджанского литературного и диалекта на рынке

В целом, общая картина распределения языков остается прежней: русский язык остается наиболее частотным средством коммуникации. 100% респондентов отметили, что они всегда или часто говорят по-русски в магазинах и на рынках. Данные подтверждают, что азербайджанцы

предпочитают использовать русский язык в повседневной жизни, как в деловой сфере, так и при общении в магазинах и на рынках.

Интереснее посмотреть на раскладку данных по использованию диалекта и литературного азербайджанского на рынках и в магазине. В магазинах 64% респондентов никогда не используют диалект, на рынках таких только 50%. Эта же тенденция сохраняется при использовании литературного языка: 45% против 32% тех, кто никогда его не использует в магазинах. Таким образом, на рынке азербайджанский используется чаще, чем в магазинах, причем превалирует формы литературного языка. Суммарно всегда и часто диалект используют на рынках 19% респондентов, литературный язык – 39%. В магазинах эти показатели составляют 9% (диалект) и 18% литературный азербайджанский. Подчеркнем еще раз: мы не оценивали инструментально знания языка и соответствие представлений респондентов об их языковых практиках реальным практикам. Это отдельная трудоемкая задача. Здесь достаточно сказать, что большинство азербайджанцев Москвы считают (декларируют в ответах на вопросы), что литературная форма языка более уместна в относительно анонимных ситуациях коммуникации.

Перейдем к анализу использования языка в мечети. Это единственная ситуация, которую мы добавили в анкету сами. В интервью респонденты не упоминали о религиозных практиках.



Мы тоже не задавали вопросы, связанные с этим аспектом жизни. Языком службы в исламе может быть только арабский, но языком проповеди любой язык. Так же на любом языке может осуществляться просветительская и педагогическая деятельность, например курсы изучения и чтения Корана. Московские мечети интернациональны по составу молящихся, поэтому языком вне службы и молитвы там является, как правило, русский язык. Он и преобладает в ответах респондентов. Рис. 40 демонстрирует распределение ответов на вопросы анкеты.

Интересно, что азербайджанский язык присутствует и в этой ситуации коммуникации. Большинство используют его литературную форму (33% суммарных ответов «всегда» и «часто») против 13% тех, кто использует диалект.

В целом, данные исследования показывают, что русский язык является наиболее распространенным среди азербайджанцев в Москве в повседневной жизни, на работе, в кафе, ресторанах, магазинах, на рынках и в мечетях. Литературный и диалектный азербайджанский языки применяются реже, но становятся более распространенными при общении между соотечественниками из разных регионов. Общая тенденция указывает на предпочтение русского языка в многонациональной среде Москвы в повседневной коммуникации с различными культурными группами.

3.6.3. Использование языков в зависимости от сферы приложения языка

В данном параграфе рассмотрим использование азербайджанского и русского языков в различных сферах их применения. Преимущественно, как и в предыдущем параграфе, нас интересовало использование азербайджанского языка, поскольку русский язык безусловно будет использоваться во всех этих сферах, так как речь идет о ситуации

азербайджанской общины в Москве. Также отметим, что в данном случае мы не задавали вопрос о том, какая именно форма азербайджанского языка более востребована в той или иной сфере, хотя это, безусловно, интересный вопрос. Мы ограничимся информацией о использовании азербайджанского языка как диасистемы, что вполне удовлетворяет поставленным целям и задачам.

Сферы общения были выбраны на основании наших наблюдений, но также на основании материалов интервью с представителями азербайджанской общины. Сферы использования языка были включены в анкету исходя из следующей логики: компетенции чтения (чтение газет и журналов, книг, сайтов, блогов и др.); компетенция понимания (слушания) (концерты, фестивали, музыка, радио, телевидение); компетенция письма (э-мейлы, смс-сообщения, письменная коммуникация в социальных сетях). Следует уточнить, что под «музыкой», по данным интервью, в абсолютном большинстве случаев респонденты имеют в виду песни на азербайджанском языке. Поскольку исследование опирается преимущественно на количественные методы исследования, мы также не рассматриваем вопросы, связанные с качественными параметрами сфер использования языка. Например, интересный вопрос о типе песен и музыки, которые слушают представители общины: это старинные традиционные или современные песни, какие именно передачи они предпочитают смотреть и т.д.

Данные по частотности использования азербайджанского языка в указанных сферах приведены на Рис. 41. Данные по использованию русского языка – на Рис. 42. Далее на Рис. 43 и Рис. 44 (гистограммы Парето) показаны количественные соотношения использования азербайджанского и русского языков, соответственно, в порядке их убывания по частоте.

3.6.3.1. Азербайджанский язык

Рассмотрим данные по азербайджанскому языку. Гистограмма на Рис. 42 демонстрирует значительные различия в частотности использования языка в зависимости от сфер приложения.

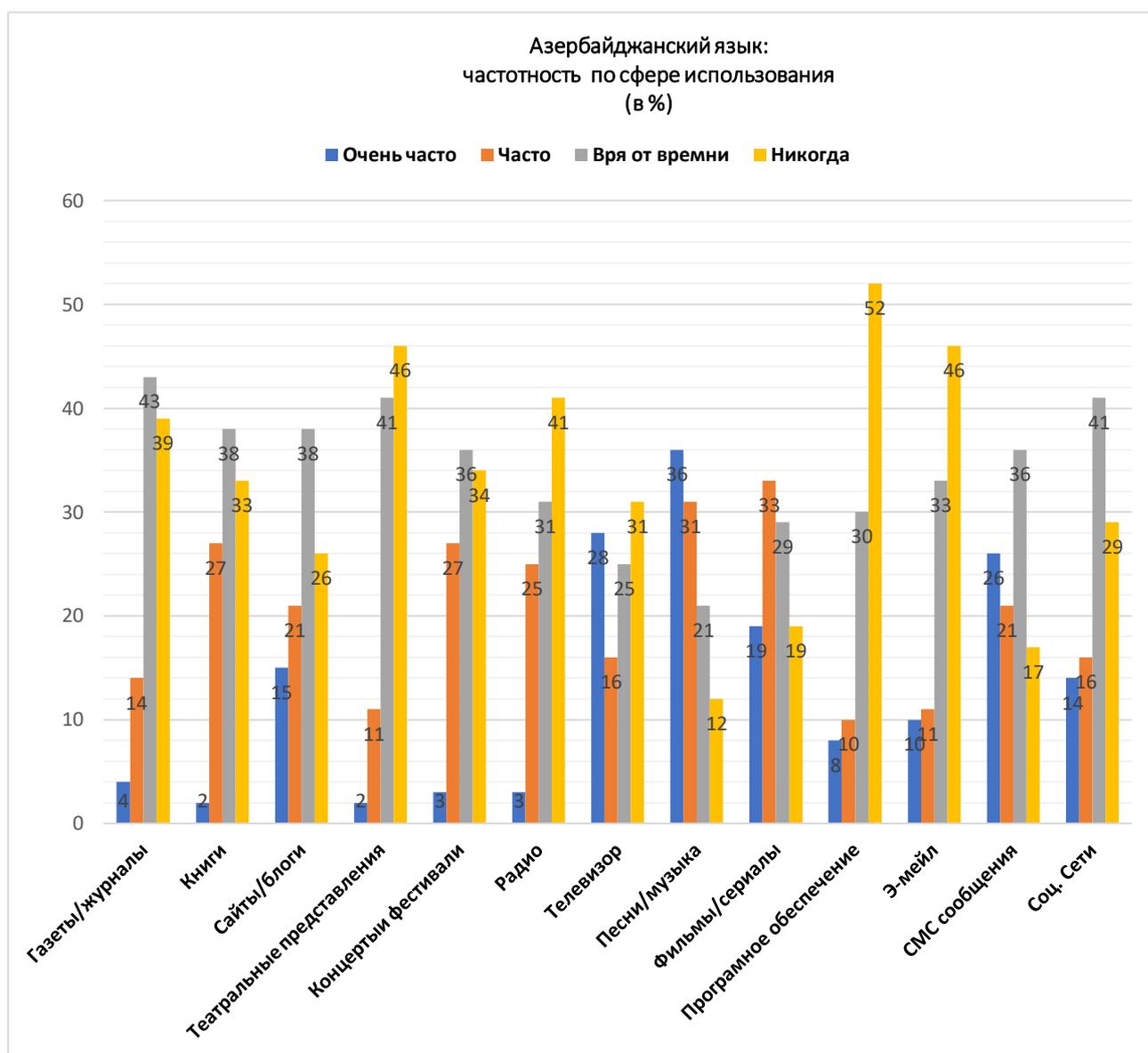


Рисунок. 42. Частотность использования азербайджанского языка по сферам приложения

Азербайджанский язык наиболее востребован при слушании музыки и песен – 67% указали, что делают это «очень часто» и «часто». Он важен при просмотре телевидения, фильмов и сериалов, для общения с помощью смс, при чтении интернет-сайтов, в том числе различных блогов, для общения в социальных сетях. Анализ только этих данных еще раз показывает исключительную важность азербайджанского языка для интимных сфер общения, к которым мы относим семейное и дружеское. Трудно переоценить важность азербайджанского языка во всех его формах для обеспечения и реализации потребности в социальной близости и поддержании социальных связей. Не менее значима функция языка как проводника культуры. Не

случайно востребованность азербайджанского языка при слушании музыки и песен столь высока.

Гистограмма показывает значительную роль СМИ и литературы на азербайджанском языке в поддержании использования азербайджанского языка в Москве. Респонденты заявили о большей или меньшей, но востребованности и потребности в чтении газет, журналов, книг, сайтов и блогов на азербайджанском языке. Если суммировать частотности «очень часто» и «часто», мы увидим, что показатели по чтению газет и журналов составляют 18%, книг – 29%, сайтов и блогов – 36%, социальных сетей – 30%. Попутно отметим, что эти занятия и применения языка в этих сферах способствует распространению именно литературной формы языка, которая, по нашим данным начинает превалировать над диалектными формами и в устных формах коммуникации.

Что касается просмотра фильмов, сериалов, телепередач, слушания песен, то анализ ответов показал, что привязанность к культуре и сохранение идентичности среди азербайджанцев, проживающих в Москве, важная составляющая ситуации. Данные демонстрируют, что слушание азербайджанской музыки, просмотр азербайджанских фильмов и сериалов (36%, 28%, 19% соответственно) является распространенной практикой среди этой группы жителей Москвы. Анализ фонотеки некоторых участников интервью, которые были согласны поделиться этими данными, также подтвердил значительное присутствие азербайджанской музыки в плейлистах их смартфонов.

Важным фактором, обуславливающим слушания песен и просмотр фильмов и сериалов на азербайджанском языке, является доступность соответствующего контента через азербайджанские каналы и через спутниковые системы на территории Москвы. Это позволяет азербайджанцам поддерживать связь с родной культурой и языком, несмотря на географическую удаленность их проживания.

Исследование демонстрирует важность медиаконтента на родном языке для поддержания культурной привязанности и идентичности азербайджанцев, проживающих в Москве.

Просмотры театральных представлений и концертов на азербайджанском языке значительно меньше востребованы в сравнении с другими формами развлечений. В частности, как показано в Рис. 42, большинство респондентов не посещают театральные представления на азербайджанском языке, 46% из них никогда не посещали такие мероприятия, а 41% посещают время от времени. Безусловно, это может быть связано и с отсутствием предложений такого рода на рынке услуг.

В отличие от этого, концерты и фестивали на азербайджанском языке имеют хорошую посещаемость. В значительной степени это связано с тем, что азербайджанские звезды, включая певцов и певиц, часто выступают в Москве. Согласно данным, 27% респондентов часто участвуют в таких мероприятиях.

В ходе анализа было выявлено, что азербайджанский язык часто используется в коммуникации через смс-сообщения (в сумме 47% «очень часто» и «часто») и электронные письма (21%), однако доля его использования снижается в некоторых сферах. Например, при отправке электронных писем, 46% респондентов не используют азербайджанский язык, а при написании смс сообщений его использование время от времени признают 36% респондентов. Одновременно программное обеспечение на азербайджанском языке никогда не используют 52% респондентов, в связи с ограниченной поддержкой данного языка в различных программах и устройствах. В таких случаях азербайджанцы предпочитают использовать русский, английский или турецкий языки. Прежде чем перейти к анализу использования русского языка, покажем распределение сфер использования азербайджанского языка в порядке их убывания по частотности.

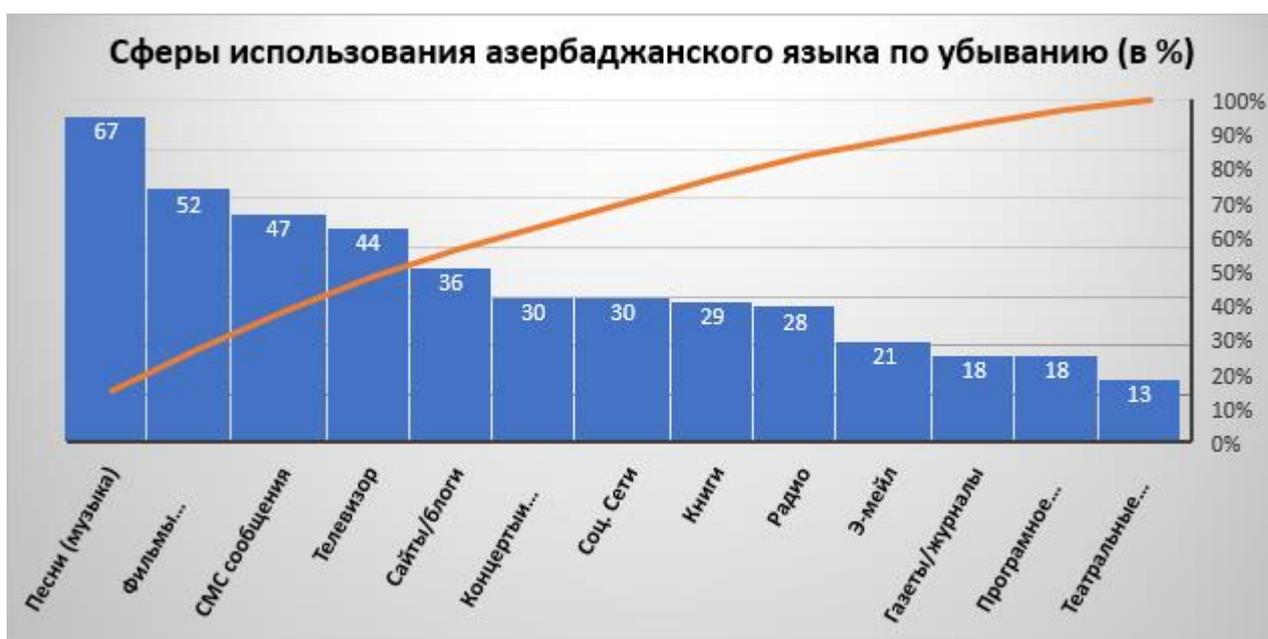


Рисунок 43. Распределение сфер использования азербайджанского языка по убыванию

Рисунок 43, который по сути является диаграммой Парето, показывает, что четыре сферы применения языка (песни/музыка, фильмы, смс сообщения, телевидение), которые находятся над линией Парето, являются наиболее беспрепятственными и востребованными. Далее по убыванию идут сферы, использование языка в которых является недостаточным.

3.6.3.2. Русский язык

Перейдем к анализу использования русского языка по сферам общения. Как было сказано выше, анализ использования русского языка представляет меньший интерес для нашего исследования, поскольку с уверенностью можно утверждать, что он, безусловно, используется и востребован во всех сферах. Анализ данных по распределению русского языка скорее интересен с социальных или психологических точек зрения: не какой язык, а какие сферы востребованы респондентами. Тем не менее, на Рис. 44 мы приводим данные и по русскому языку, тем более что они еще раз показывают билингвальный характер языковой ситуации.

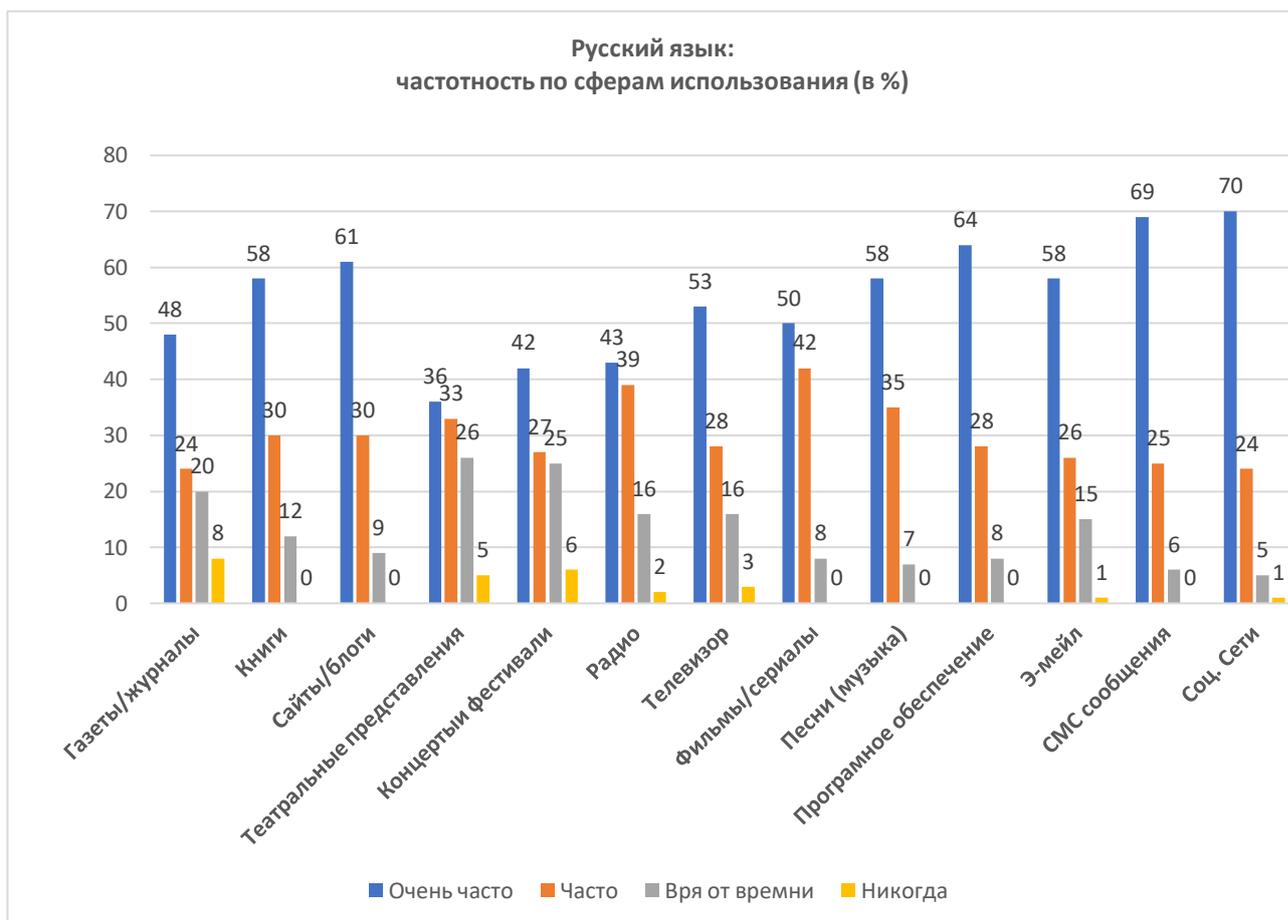


Рисунок 44. Частотность использования русского языка по сферам приложения

Исследование выявило, что русский язык, как мы и предполагали, широко представлен и используется в различных сферах. Азербайджанцы, проживающие в Москве, в значительной степени предпочитают использовать русский язык в повседневной коммуникации. Для них это привычное и удобное средство коммуникации.

Данные подтверждают широкую распространенность, хорошее знание и частотное употребление русского языка среди азербайджанцев в Москве. Эта тенденция связана с контекстом проживания в среде, где русский язык играет роль общего средства коммуникации и предоставляет доступ к различным социальным, информационным и культурным возможностям, что подчеркивает его значимость в контексте этнической диверсификации. Диаграмма Парето (Рис. 45) подтверждает наши заключения.

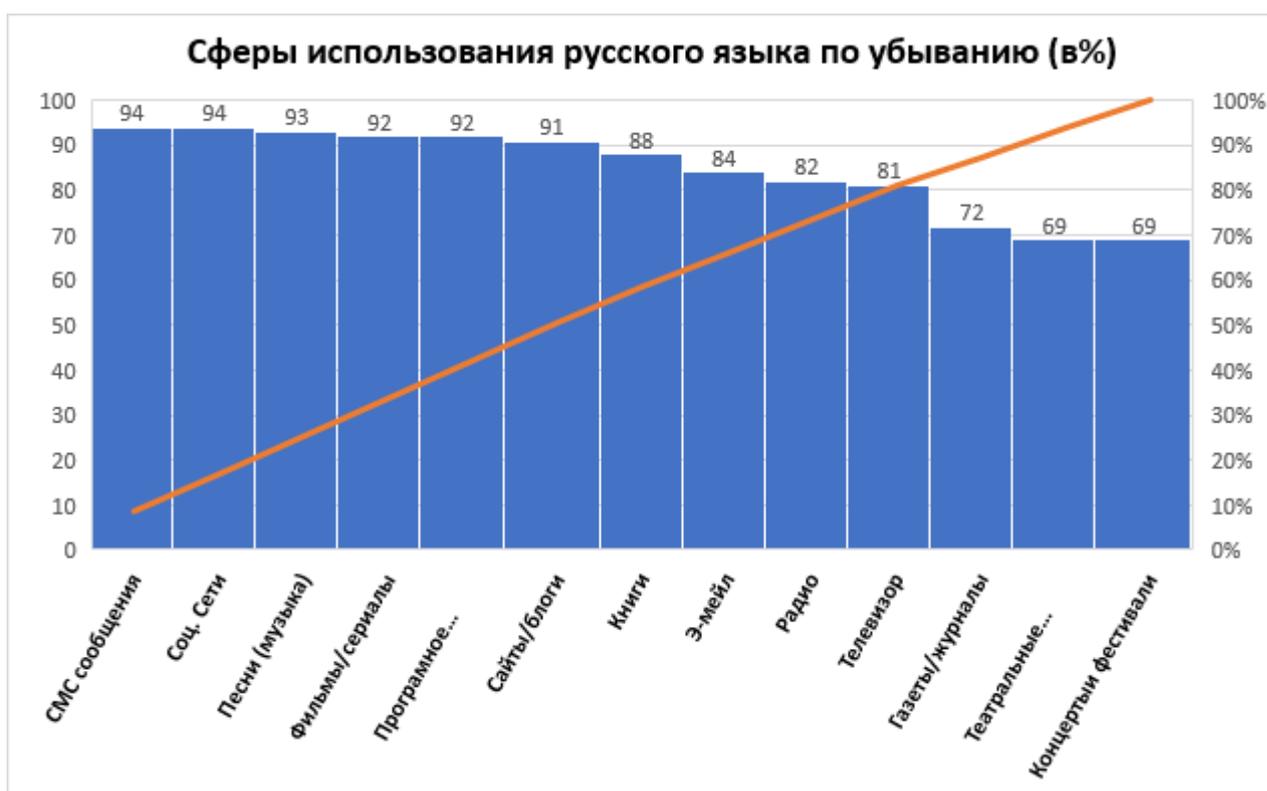


Рисунок 45. Распределение сфер использования азербайджанского языка по убыванию.

Большинство сфер употребления оказываются над линией Парето, что говорит о их высокой значимости в коммуникации. Определенные проблемы имеются с использованием русского языка при чтении газет и журналов, посещении театра, концертов и, как ни странно, фестивалей. Как было сказано выше, мы думаем, что это связано не с языком как таковым, а с низкой востребованностью подобной деятельности. Исключение составляют концерты и фестивали, которые, в целом, востребованы, но на азербайджанском языке. По всей видимости, респонденты предпочитают посещать мероприятия такого рода на азербайджанском и видят в них возможность приобщения к своей культуре и языку. По крайней мере данные по этой сфере с использованием азербайджанского языка, хотя и ниже, чем для русского, но все же существенны (30%).

3.7. Символическое поле языковой ситуации: оценка респондентами важности азербайджанского языка⁴

Цель данного раздела показать как и каким образом социо-демографические факторы влияют на представления и оценку респондентами следующих социолингвистических параметров языковой ситуации: представления об азербайджанском языке как языке культурной самоидентификации, (срез «Языковая идентичность»), представления о важности азербайджанского языка в семейном общении (срез «Семейная коммуникация») и в сфере бизнеса (срез «Профессиональная коммуникация»), представления о престижности азербайджанского языка как языка публичной коммуникации (срез «Престиж языка») и, наконец, представления азербайджанцев московской общины о различиях в азербайджанском языке, который они используют в Москве, и азербайджанским языком в Азербайджане (срез «Различия в языке»). Для решения данной задачи мы посмотрели сопряжение вышеперечисленных параметров со следующими социо-демографическими факторами: возраст респондентов (фактор «Возраст»), их планы остаться в Российской Федерации или вернуться в Азербайджан (фактор «Жизненные планы»), место проживания родителей (фактор «Место проживания родителей») место, где респонденты провели большую часть жизни (фактор «Место наиболее длительно проживания»). Метод сопряжения социо-демографических и социолингвистических переменных позволяет получить дифференцированное описание представлений о языковой ситуации выделить стабильное ядро устойчивых репрезентаций, по отношению к которым наблюдается консенсус мнений, и неустойчивую зону с разбросом оценок, которая задает векторы динамики языковой ситуации.

⁴ Текст (частично) данного раздела принят к публикации в виде статьи в журнале «Социолингвистика» №1 2024 год [Москвичева, Гасанов 2024].

Процедура исследования в данном разделе несколько отлична от предыдущих параграфов. Ранее мы преимущественно ограничивались простыми статистическими данными, полученными с помощью программы *Jamovi* в разделе «Разведочный тест». В данном параграфе основным методом является сопряжение двух категориальных независимых переменным по методу Х-квадрата Пирсона.

В соответствии с задачей исследования из нашей анкеты было выбрано пять вопросов из социо-демографического блока и пять вопросов из блока, связанного с символическим измерением языковой ситуации. Далее были сформированы два кластера переменных. В первый кластер вошли пять социо-демографических характеристик респондентов: пол (F0) возраст (F1), жизненные планы (F2) (вернуться в Азербайджан или остаться в России), место проживания родителей (F3), страна, в которой респонденты прожили большую часть жизни (F4). По возрасту, как и ранее, респонденты были разбиты на две когорты: младшее поколение (18–30 лет), примерно соответствующее молодым людям, получающим образование, и старшее поколение (больше 30 лет), представители которого профессионально активны или были таковыми.

Категориальная переменная "Пол респондентов" была исключена из дальнейшего анализа, поскольку разведочный тест на возможное влияние данного параметра на представления респондентов о языковой ситуации азербайджанского языка показал отсутствие сколь-нибудь значимых различий при сопряжении категории пола с социолингвистическими переменными. Это важный результат для понимания структуры и процессов в языковой ситуации азербайджанского языка в Москве, который показывает принципиальное равенство позиций представителей мужского и женского полов в вопросах языка.

Во второй кластер вошли отобранные нами пять вопросов, связанных с социолингвистическими параметрами азербайджанской языковой ситуации в Москве:

1. С Вашей точки зрения, есть ли различия между азербайджанским языком в Азербайджане и азербайджанском языком в Москве (России) (Пример среза "Различия в языке").

2. Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык – это язык, к которому испытываешь теплые чувства, это язык культурой самоидентификации (Пример среза "Языковая идентичность").

3. Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык важный для общения в семье и с друзьями (Пример среза "Коммуникация в семье").

4. Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык важный в профессиональном общении, в бизнесе и экономике (Пример среза "Профессиональная коммуникация").

5. Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык – это престижный язык публичного общения (Пример среза "Престиж языка").

В Анкете респондентами предлагалось оценить каждый из параметров по пятибалльной шкале («нет» – «скорее нет» – «не знаю» – «скорее да» – «да»). Ответы на эти вопросы дают представление о репрезентациях собственно лингвистического, личностного (языковая и культурная идентичность), коммуникативного и социального (престиж) аспектов языковой ситуации. На Рисунке 46 схематично представлены сопрягаемые кластеры.



Рисунок 46. Сопрягаемые социолингвистические и социо-демографические параметры

Для дальнейшего статистического анализа данных и проверки гипотезы о возможных попарных корреляциях между переменными двух кластеров была использована программа статистического анализа *JAMOVI*. С ее помощью были получены таблицы сопряжения независимых категориальных переменных из первого и второго кластеров на основании анализа распределения частот (χ^2 -квадрат Пирсона). Выбор χ^2 -квадрата Пирсона был обусловлен природой данных, относящихся к качественному типу, процедурой попарного сравнения переменных, а также независимым характером сравниваемых выборок.

Статистическая обработка данных производилась путем попарной корреляции одного социо-демографического переменной с одним социолингвистическим параметром (например, проверка гипотезы о возможной корреляции возраста респондентов и их представлений о степени различий в азербайджанском языке в России и Азербайджане). В результате статистической обработки данных были получены таблицы сопряженности по всем исследуемым параметрам (тест χ^2 -квадрат Пирсона). При значении p меньше 0,05 принималась гипотеза о наличии связи между сопрягаемыми переменными. В Таблице 6 приведены значения p при χ^2 -квадрате Пирсона по всем сопрягаемым переменным. Значимые корреляции выделены полужирным шрифтом.

	Различия в языке	Языковая идентичность	Семейная коммуникация	Профессиональная коммуникация	Престиж языка
F1. Возраст	p=0,047	p0,085	P=0,321	P=0,119	p=0,003
F2. Жизненные планы	p<0,01	p0,684	P=0,145	P=0,046	p=0,012
F3. Место проживания родителей	p<0,01	p<0,01	p<0,01	p<0,01	p<0,01
F4. Место, где респонденты провели большую часть жизни	p=0,02	p0,62	p<0,36	p<0,01	p<0,01

Таблица 6. Уровень значимости p в сравниваемых независимых переменных (тест χ^2 -квадрата Пирсона)

Анализ показателей уровня значимости p в Таблице 10 позволяет сделать предварительный вывод, что наиболее значимым фактором, определяющим структуру репрезентаций символического измерения языковой ситуации, является место проживания родителей респондентов. Жизненные планы и место, где респонденты провели большую часть жизни, значимо сопрягаются с тремя из пяти социолингвистических параметров, а возраст – только с двумя. Рассмотрим далее, как конкретно коррелируют социо-демографические характеристики респондентов с каждым из социолингвистических параметров исследуемой ситуации.

3.7.1. Репрезентация «Различия в языке»: оценка респондентами различий в азербайджанском языке в России и Азербайджане в сопряжении с социо-демографическими параметрами

По результатам всей выборки из 138 опрошенных респондентов почти половина (47 %) считает, что существуют различия между азербайджанским языком, который респонденты используют в России и в Азербайджане. Столько же респондентов (47%) считают, что таковых различий нет. Структура распределения представлений о различиях становится иной, если данный параметр рассматривать в сопряжении с распределением респондентов по выбранным нами социо-демографическим категориям.

Данные по структуре представления о различии азербайджанского языка в России и Азербайджане в сопряжении с социо-демографическими факторами приведены на Рисунке 47.



Рисунок 47. Сопряжение независимых категориальных социо-демографических переменных и категориальной переменной «Различия в азербайджанском языке в Азербайджанской Республике и Российской Федерации»

В выборке по возрасту 58% представителей младшей возрастной когорты считают, что различия есть, а 38%, что различий нет. В старшей возрастной когорте ситуация зеркально противоположная: 58% респондентов полагают, что различий нет, и 36% – что они есть. Попутно заметим, что эти данные коррелирует с материалами интервью, в которых респонденты – представители первой когорты, молодые люди родившиеся и выросшие в Москве, рассказывают о ситуациях языковой неуверенности (*linguistic insecurity*) [Francard: 1993], в которых они оказывались, будучи в Азербайджане.

Сопряжение параметра «Различия в языке» и фактора «Жизненные планы» также показывает значимые различия в распределении ответов ($p < 0,01$). Среди тех, кто решил остаться, мнения разделились практически пополам: 43% считает, что различия есть, 46% – что их нет. Эти показатели близки к показателям по всей выборке. Среди тех, кто решил вернуться в Азербайджан, значительное большинство (77%) считает, что различий нет.

Интересны данные по группе представителей московской общины, которые не определились и не знают, хотят ли они остаться в России или вернуться в Азербайджан. Здесь 72% считает, что различия есть и только 28%, что их нет. Полноценный анализ и интерпретация этих данных требует дополнительного исследования, но, как нам кажется, можно предположить, что здесь ключевую роль также играет языковая неуверенность.

Фактор «Место проживания родителей» оказывает значимое влияние на распределение ответов ($p < 0,01$): только 40% тех, у кого родители проживают в Азербайджане, считают, что есть различия между азербайджанским в России и Азербайджане. Процент тех, у кого родители живут в России, составляет 60. Схожий тип распределения представлений о различиях в языке соответствует фактору «Место, где прошла большая часть жизни». Среди тех, кто большую часть жизни прожил в Азербайджане только 30% считают, что различия есть и 68% считают, что их нет. 35% тех, кто большую часть жизни прожил в России, высказались в пользу отсутствия различий и 56% полагают, что они есть.

В целом, представляется, что основным общим фактором, влияющим на представления о степени различий в азербайджанском языке в России и в Азербайджане является степень связи респондентов с территорией его исторического распространения. В конечном счете даже фактор «Возраст» не противоречит данному предположению и может быть интерпретирован в этом ключе, поскольку большинство представителей старшей когорты или родились на территории Азербайджана, или провели там большую часть жизни. Еще раз подчеркнем, что в рамках настоящей статьи мы не ставим целью и не претендуем на глубокий качественный анализ причин и следствий данных корреляций. Наша задача значительно скромнее и сводится к выявлению социо-демографических факторов, в наибольшей степени влияющих на социолингвистические параметры языковой ситуации, поэтому перейдем к следующей репрезентации.

3.7.2. Репрезентация «Языковая идентичность»: оценка респондентами азербайджанского языка как родного, как языка культурной самоидентификации

Рассмотрим структуру ответов респондентов на вопрос анкеты «Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык – это язык, к которому испытываешь теплые чувства, это язык культурой самоидентификации». Ответы на данный вопрос представляли собой шкалу от «Не согласен» (1), «Скорее не согласен» (2), «Не знаю» (3), «Скорее согласен» (4), «Согласен» (5). Важно уточнить, что при анализе материала в отсутствие значимых различий при построении графиков мы объединяли варианты 1 и 2 («не согласен») и варианты 4 и 5 («согласен»), чтобы увидеть общую картину тех, кто скорее согласен, кто колеблется и кто скорее не согласен. Если же показатель p при X -квадрате Пирсона был значимым, мы рассматривали отдельно все варианты ответов. Этот же принцип соблюдался при анализе репрезентаций, связанных семейной и профессиональной коммуникацией, а также с социальным престижем языка.

Если вопрос о восприятии различий в языке выявляет существенные различия в представлениях респондентов в зависимости от социодемографических категорий, и, таким образом, является значимым дифференцирующим признаком в структуре языковых репрезентаций респондентов, то вопрос о языке самоидентификации, наоборот, стоит рассматривать как интегрирующий. Оценка азербайджанского языка как языка самоидентификации однотипна по всем когортам и дает высокие показатели. В первом приближении, никаких значимых различий ни по одному сопряжению не выявлено, графики сопряжений по данному параметру фактически идентичны, что и представлено на Рисунке 48.

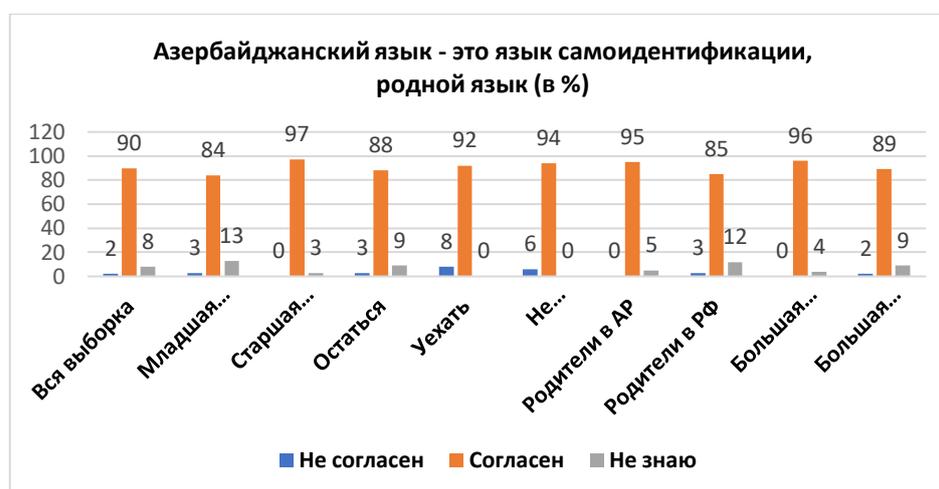


Рисунок 48. Сопряжение независимых категориальных социо-демографических переменных и категориальной переменной «Язык культурной самоидентификации»

Однако, если уровень значимости в сопряжении с возрастом $p=0,08$ (χ^2 -квадрат Пирсона), в сопряжении с жизненными планами $p=0,684$, с местом наибольшего проживания $p=0,62$ не является значимым, то сопряжение с местом проживания родителей дает значимый показатели $p<0,01$. В последнем случае следует обратиться к более точному распределению ответов, а именно посмотреть, сколько респондентов выбрали вариант ответа «скорее согласен» и сколько «согласен». На Рисунке 49 представлено такое распределение ответов.

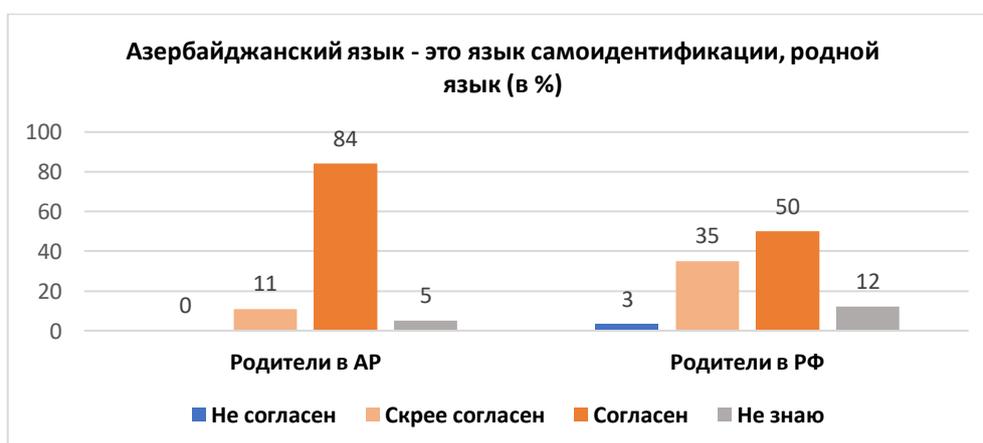


Рисунок 49. Сопряжение категориальной социо-демографической переменной «Место проживания родителей» и категориальной переменной «Язык культурной самоидентификации»

На приведенном графике видно, что ответы «скорее согласен» (11% – родители проживают в Азербайджане и 35% – родители в России) и «согласен» (84% – родители в Азербайджане и 50% – родители в России) по-

разному распределяются в зависимости от места проживания родителей. Таким образом, при безусловно положительном отношении к азербайджанскому языку всех респондентов и представлении о нем, как о важном языке самоидентификации, различия между когортами существуют, и они связаны со структурой контактов и степенью связей с исторической территорией азербайджанского языка.

3.7.3. Репрезентация «Семейная и профессиональная коммуникация»: оценка респондентами азербайджанского языка как важного в семейном и профессиональном общении

Структура репрезентаций, связанных с ролью азербайджанского языка в семейном общении и общении с друзьями, представленная на Рисунке 50, практически идентична их распределению по параметру «Язык самоидентификации, родной язык». В целом, такая картина предсказуема: в миноритарной ситуации в условиях миграции основной коммуникативной ситуацией для языка становится ситуация семейного и дружеского общения. Язык продолжает выполнять коммуникативную функцию, тесно связанную с аффективной функцией и функцией идентичности.

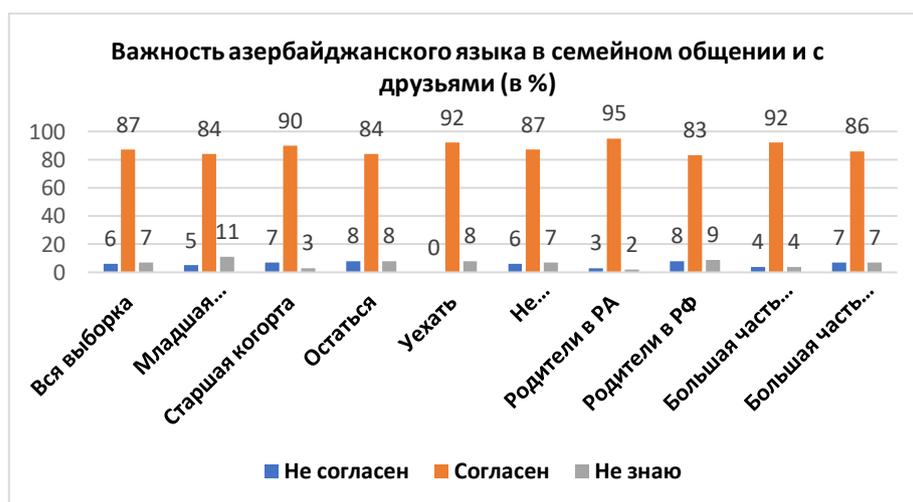


Рисунок 50. Сопряжение независимых категориальных социо-демографических переменных и категориальной переменной «Важность азербайджанского языка в семейном общении»

Данные графика показывают, что, как и в случае с репрезентациями азербайджанского языка как языка самоидентификации, респонденты по всем выборкам максимально высоко оценивают важность азербайджанского в

семейном и дружеском общении. Показатель p при χ^2 -квдрате Пирсона по всем факторам, кроме места проживания родителей ($p < 0,01$), значительно выше 0,05, что говорит об отсутствии связи между данными переменными. Что касается места проживания родителей, значимость p , как и в случае с оценкой параметра азербайджанского как языка культурной самоидентификации, обусловлена разным распределением ответов по вариантам «скорее согласен» и «согласен». На Рисунке 51 представлено данное распределение.

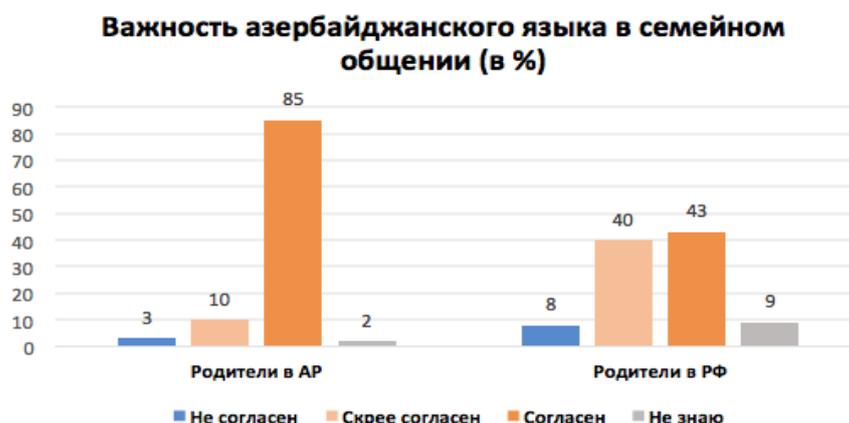


Рисунок 51. Сопряжение категориальной социо-демографической переменной «Место проживания родителей» и категориальной переменной «Важность азербайджанского языка в семейном и дружеском общении»

Оба графика свидетельствуют о высокой значимости азербайджанского языка для респондентов в качестве языка семейного и дружеского общения. Она безусловна, если родители проживают в Азербайджане, но, если родители проживают в России, оценка смещается в сторону ответа «скорее согласен». Как представляется, это еще одно свидетельство важности учета факторов связи с территорией исторической родины при описании ситуаций языков миграции.

Проверка гипотезы о корреляции оценки важности азербайджанского языка в профессиональном общении с избранными социодемографическими факторами показала, что связи с возрастом респондентов нет ($p = 0,119$), связь с жизненными планами ($p < 0,01$), местом проживания родителей ($p < 0,01$) и

местом наиболее длительного проживания ($p < 0,01$) существует. На Рисунке 52 представлены результаты сопряжения данных категорий.



Рисунок 52. Сопряжение независимых категориальных социо-демографических переменных и категориальной переменной «Важность азербайджанского языка в профессиональном общении»

Представления о важности азербайджанского языка в профессиональной коммуникации, связанной с бизнесом и работой, однозначно коррелирует с фактом наличия связей с Азербайджаном. Фактически, во всех выборах, за исключением одной («Родители проживают в России»), превалирует согласие респондентов с утверждением о важности азербайджанского языка в профессиональной сфере. Особенно высоко оценивают потенциал языка в сфере бизнеса и профессиональной деятельности те, кто склонен вернуться в Азербайджан (85%), у кого родители проживают в Азербайджане (89%) или кто там провел большую часть жизни (90%). Такое распределение оценок говорит об устойчивом положении языка в общине, однако разброс оценок по этому параметру символического поля языковой ситуации языка выше, чем при оценке языка как фактора конструирования и сохранения идентичности. Отсутствие абсолютного консенсуса мнений респондентов позволяет рассматривать этот параметр как маркер зоны неопределенности исследуемой языковой ситуации и ее потенциальной динамики.

3.7.4. Репрезентация «Престиж языка»: оценка респондентами азербайджанского языка как престижного языка публичного общения

В целом, структура представлений респондентов о престиже азербайджанского языка в сопряжении с выбранными социо-демографическими параметрами, представленная на Рисунке 53, сходна со структурой распределения ответов на вопрос о важности азербайджанского языка в профессиональной деятельности и бизнесе.



Рисунок 53. Сопряжение независимых категориальных социо-демографических переменных и категориальной переменной «Престиж азербайджанского языка в публичной коммуникации»

Во всех когортах престиж азербайджанского языка как языка публичной коммуникации оценивается положительно. Однако наблюдается та же закономерность, что была отмечена при анализе репрезентации языка как важного средства коммуникации в профессиональной сфере: безусловно высокая оценка в старшей возрастной когорте (86%), в когортах тех, кто решил вернуться в Азербайджан (85%), чьи родители проживают в Азербайджане (90%), и, наконец, кто прожил там большую часть жизни (92%). Иными словами, факторы, определяющие высокую оценку значимости языка в профессиональной деятельности и его социальный престиж, связаны с наличием/отсутствием связей и их типами со страной исхода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функциональное распределение языков в азербайджанской общине города Москвы вписывается в общие представления о функционировании языков в миноритарной диглоссной билингвальной ситуации. Русский язык превалирует во всех сферах общения по всем компетенциям. Азербайджанский язык хорошо сохраняет свои позиции в устной коммуникации, лучше в семейной и дружеской сферах и ситуациях, но значимо присутствует и в анонимном общении, если оно происходит в ситуациях, где высока вероятность владения языком всех участников коммуникации. Из письменных компетенций лучше развита компетенция чтения на азербайджанском языке, компетенция письма востребована меньше. Литературный азербайджанский язык используется в большинстве ситуаций престижного и анонимного общения. Однако, наряду с диалектом он обслуживает сферы интимного общения и является маркером социальной близости. Диалектом чаще связан с внутрисемейным общением или общением с земляками. Это маркер особых отношений между говорящими. Литературный азербайджанский закрепляется за дружеской коммуникацией и является ее маркером. На конфигурацию и параметры использования языка самое непосредственное влияние оказывают ряд социо-демографических факторов. Наиболее значимыми, как показало наше исследование являются место проживания родителей и жизненные планы респондентов, связанные с желанием остаться в России или же вернуться в Азербайджан, что еще раз подчеркивает значимость вопроса о соотношении языка и его территории. Востребованность азербайджанского языка в ряде сфер общения и, прежде всего семейном общении, но также присутствие во многих сферах престижного анонимного общения, позволяют говорить о благоприятном прогнозе для сохранения азербайджанского языка в азербайджанской общине Москвы.

Исследование языковой ситуации азербайджанской общины города Москвы с целью выявления функционального распределения используемых ее представителями языков позволяет сделать ряд выводов.

1. Исследование показало высокий уровень владения и использования как русского, так и азербайджанского языков у представителей азербайджанской общины в городе Москве, а также высокую лояльность по отношению к двум используемым языкам. Функциональное распределение русского и азербайджанского языка и форм (вариантов) азербайджанского языка в целом соответствует классическим социолингвистическим конфигурациям функционального распределения языков в миноритарной ситуации, которым относятся языки миграции: русский язык является ведущим коммуникативным каналом и средством во всех престижных и анонимных сферах общения, азербайджанский язык играет исключительно важную роль как средство внутрисемейного и дружеского общения и как один из центральных маркеров этнической и социо-культурной идентичности.

2. На основании анализа использования языков респондентами, азербайджанцами города Москвы, можно утверждать, что русский и азербайджанский языки находятся частично в дополнительном, частично в контрастирующем распределении. Подобная конфигурация объясняется, с одной стороны, классическим распределением языка в миноритарной ситуации, чей коммуникативный потенциал наиболее востребован в семейном общении. Часто, особенно это касается языков миграции, коммуникация в семье осуществляется только на родном языке, а любых ситуациях анонимного общения используется язык большинства. Наше исследование показало, что в азербайджанской общине Москвы такой тип распределения русского и азербайджанского языка остается значимым. Однако есть и определенная специфика функционального распределения пар русского и азербайджанского языков, и литературного азербайджанского и диалекта азербайджанского. Во-первых, присутствуют явные тенденции ко

все большему использованию русского языка или, что точнее, совместно русского и азербайджанского языков в семейной коммуникации. Данная динамика четко прослеживается в зависимости от поколения адресата. Со старшими (преимущественно бабушками и дедушками) значительная доля общения проходит только на азербайджанском языке (чаще диалекте), в актах коммуникации со своим поколением или младшим поколением доля русского языка возрастает, а значит, языки находятся в контрастирующей дистрибуции. В этой связи интересно посмотреть, как использование языков связано с темой коммуникации, но это серьезный и трудоемкий вопрос и перспектива дальнейших исследований. Подчеркнем, что рост использования русского языка не означает полного вытеснения или замены азербайджанского языка в его традиционных для ситуации миграции сферах и ситуациях применения, речь идет о возрастающих тенденциях транслингвизма и роли двуязычного общения. Во-вторых, наблюдаются определенные тенденции к распределению функций между литературным азербайджанским языком и диалектом: диалект в большей степени закрепляется за семейным общением и становится символом семейной/региональной идентичности, которая входит в общую азербайджанскую идентичность. Литературная форма азербайджанского языка в большей степени закрепляется за дружеской коммуникацией особенно в молодом поколении. Еще раз подчеркнем, что пока речь идет о тенденциях, а не о свершившемся факте.

3. Возрастание доли коммуникации на двух языках, особенно в традиционных доменах использования родного языка, таких как семейное и дружеское общение, неизбежно коррелирует с ростом практики переключения кода (*code switching*), что приводит, при безусловном сохранении билингвизма, к формированию феномена, получившего в современной социолингвистике название транслингвизма.

4. Относительно распределения использования языков в зависимости от параметров коммуникативной ситуации в азербайджанской общине можно сделать следующие общие выводы. Отмечаются явные тенденции к постепенному дрейфу языковой ситуации в сторону увеличения доли русского языка во всех коммуникативных доменах. Во всех сферах и ситуациях коммуникации, за исключением семейного общения, со значительным перевесом превалирует русский язык. Он используется всегда во всех ситуациях анонимного общения. Уменьшается доля общения «только на азербайджанском языке», вне зависимости от его конкретной формы. При этом в большей степени возрастает доля двуязычного общения во всех традиционных азербайджаноязычных доменах.

5. Общение на литературном языке сохраняет и частично увеличивает свои позиции, существуя параллельно с общением на диалекте. Диалект был и остается социально высоко значимой формой в семейном общении, но среди молодого поколения наблюдается рост использования и литературной формы в данной ситуации. В целом это связано (по материалам интервью) с рядом факторов. Во-первых, в ситуации миграции происходит смешение представителей разных регионов, и фактор принадлежности к конкретной территории перестает быть важным, уступая место общей азербайджанской идентичности, проводником которой все чаще выступает литературный азербайджанский язык. Значимым, также, оказывается фактор недостаточности для респондентов разговорных форм языка, которые связаны с обыденной коммуникацией. В поисках средств поддержания идентичности они обращаются к высоким формам культуры, в первую очередь, к азербайджаноязычной литературе и музыке, как правило, песням. Это приводит к расширению использования регистров языка. В целом, расширение использования литературного языка можно расценивать как положительную тенденцию в коммуникативном пространстве московских азербайджанцев, поскольку без поддержки литературного языка

функциональное и семантическое поле азербайджанского языка в форме исключительно диалекта неизбежно должно сокращаться.

6. Что касается письменных компетенций, у молодого поколения заметно снижается число респондентов, владеющих письменными компетенциями языка, что обусловлено как отсутствием возможности изучения языка в школе, так и снижением потребностей в данных компетенциях. Представители младшей возрастной когорты в меньшей степени, чем представители старшей, считают важным изучение азербайджанского языка в школе. Представители младшего поколения часто используют письменную форму в Интернет-общении, однако графические и орфографические нормы нарушаются.

7. Анализ параметров символического поля социолингвистической ситуации азербайджанского языка в Москве, позволил сделать ряд выводов относительно структуры представлений и возможных факторов динамики исследуемой языковой ситуации. Азербайджанский язык в целом высоко оценивается подавляющим большинством респондентов как язык культурной и языковой идентификации, как важное средство семейного общения, как престижный язык публичной коммуникации. Тем не менее существуют определенная зависимость и корреляции между оценкой параметров языковой ситуации и социо-демографическими характеристиками респондентов. Как показало исследование, наиболее значимыми факторами, оказывающими серьезное влияние на языковую ситуацию азербайджанского языка в Москве, являются возраст респондентов, их решение остаться в России или вернуться в Азербайджан (жизненные планы), место проживания родителей и место, где они сами провели большую часть жизни. Пол респондентов безразличен к структуре представления респондентов о языковой ситуации. Среди вышеперечисленных социо-демографических факторов наиболее значимым следует признать место проживания родителей, поскольку именно оно в наибольшей степени определяет степень и характер

связи респондентов с исторической родиной, что в свою очередь влияет как на типы социолингвистических конфигураций, связывающих язык и территорию, так и на возможную динамику языка в ситуации миграции. Проведенный анализ позволяет также говорить об определенной близости представлений о языке, как факторе формирования идентичности и как средстве семейного и дружеского общения (фактор социальной близости, создание комфортного коммуникативного и культурного пространства), с одной стороны, и языке как средстве профессиональной коммуникации и престижном инструменте публичной коммуникации (место языка в открытом социальном пространстве анонимной коммуникации), с другой. Судя по полученным данным, в ситуации миграции азербайджанский язык в аффективной функции и функциях формирования идентичности и социальной близости будет оставаться ядерной и значимой. В представлениях о значимости азербайджанского языка как инструмента анонимного общения и связанных с этим параметром репрезентациях социального престижа языка наблюдается значительный разброс мнений в зависимости от социо-демографических характеристик респондентов. В настоящий момент эти параметры оцениваются высоко, но ситуация представляется неопределенной и есть высокая вероятность ее динамики в векторе снижения их значимости.

8. Наконец, параметр восприятия различий в азербайджанском языке в России и в Азербайджане языке, как наиболее чувствительный к корреляциям по социо-демографическим кластерам респондентов, может выступать в роли дифференциального маркера языковой ситуации. И, наоборот, параметры, связанные с символической аффективной функцией языка, не дают большого разброса оценок и являются интегральным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики / В. А. Аврорин. – Л. Наука, 1975. – с. 276.
2. Азербайджанский очаг в Москве // Азербайджанский Конгресс. – 2004. – № 2 (10). – с. 8.
3. Оджаг отмечает юбилей // Азербайджанские известия. – 2004. – № 106. – с. 3.
4. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Издательство ИКАР, 2009. – с. 448.
5. Альтман, М. М. Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана в XV веке / М. М. Альтман // Труды Института истории им. А. Бакиханова. – Баку, 1947. – Т. 1. – с. 164.
6. Ахмедов, Б. Вопросы лексики азербайджанского языка / Б. Ахмедов. – Баку, 1990. – 136 с. – с. 7–8. (На азерб. языке)
7. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: Социолингвистический аспект : дис. ... д. филол. наук : 10.02.19 / Аюпова Людмила Лутфеевна. – Уфа, 1998. – с. 335.
8. Бахтикиреева, У. М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии / У. М. Бахтикиреева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – с. 76–80.
9. Бахтикиреева, У. М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема / У. М. Бахтикиреева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – №1 (45). – с. 94–99.
10. Бахтикиреева, У. М. Транслингвизм и ревитализация культуры / У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – №1.
11. Беликов, В.И., Крысин, Л.П. Социолингвистика. / В.И. Беликов, Л.П.

- Крысин // М.: Российский государственный гуманитарный университет. - 2001. - с. 315.
12. Биткеева, А. Н. Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык : дис. ... д. филол. наук : 10.02.19 / Биткеева Айса Николаевна. – Москва, 2006. – с. 435.
 13. Якова, Т. Г. Развитие социальных функций государственных тБоргоюркских языков республик Южной Сибири : дис. ... д-а. филол. наук : 10.02.19 / Боргоякова Тамара Герасимовна. – Москва, 2002.
 14. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – с. 412.
 15. Булгарова, Б. А. Теоретико-методологические основы классификации и типологизации билингвизма / Б. А. Булгарова, М. А. Брагина, Н. В. Новосёлова, Е. А. Золотых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14, № 3. – с. 384–392.
 16. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – с. 25–60.
 17. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная академия, 2004. – 336 с. – с. 46–47.
 18. Введенская, Л. А. Русский язык. Культура речи. Деловое общение / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – М. : Кнорус, 2014. – с. 424.
 19. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – с. 170.
 20. Виноградов, В. А. Языковая ситуация: лингвистический энциклопедический словарь / В. А. Виноградов. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – с. 688.
 21. Вишневский, А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор / А. Г. Вишневский // Общественные науки и современность

- (ОНС). – М. : Наука, 2000. – № 3. – с. 115–131.
22. Галимьянова, В. Р. Языковая ситуация Краснокамского района Республики Башкортостан: Социолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Галимьянова Венера Ринатовна. – Уфа, 2003. – с. 206.
23. Гарипова, Ф. Х. Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гарипова Файруза Хависовна. – Уфа, 2005. – с. 215.
24. Головкин, Е. В. Алеутский язык в Российской Федерации: структура, функционирование, контактные явления : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Головкин Евгений Васильевич. – СПб, 2009. – с. 552.
25. Горячева, М. А. Типология языковых ситуаций: Российская Федерация : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Горячева Мария Александровна. – Москва, 2003. – с. 205.
26. Готлиб, А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты : [монография]. - Текст : электронный / Анна Готлиб ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Самар. гос. ун-т. - Самара : Универс-групп, 2004.
27. Губогло, М. Н. Современные этноязычные процессы в СССР: Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия / М. Н. Губогло ; отв. ред. Ю. В. Бромлей. – М., 1984. – с. 286.
28. Гусейнов, А. Азербайджано-русские отношения (XV–XVII вв.) / А. Гусейнов. – Баку, 1963. – с. 117.
29. Демографический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1985. – с. 608.
30. Джафероглы, А. Избранные произведения / А. Джафероглы. – Баку, 2008. – 408 с.
31. Добродомов, И. Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук :

- 10.02.20 / Добродомов Игорь Георгиевич. – М., 1974. – с. 37.
32. Должикова, А.В., Мосейкина М.Н. Институты и образовательно-культурные механизмы миграционной политики современной России / А.В. Должикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. – с. 387–400.
33. Домашнее, А. И. Языковые отношения в различных ситуациях многоязычия / А. И. Домашнее // Функционирование языков в многонациональном обществе. – М., 1991. – с. 89–101.
34. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило // Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – с. 486.
35. Залевская, А. А. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия : учеб. пособие / А. А. Залевская, И. Л. Медведева ; М-во образования Рос. Федерации, Тверской гос. ун-т. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – с. 194.
36. Зубарева, Е. О., Шустова, С. В. Миграционная лингвистика: к вопросу о формировании направления / Е.О. Зубарева, С.В. Шустова // Мир языков: ракурс и перспективы: сборник материалов IX Международной науч.-практ. конференции, Минск, 2018 – с. 66-68.
37. Искужина, Н. Г. Функционирование языков в районах Зауралья Республики Башкортостан: социолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Искужина Наиля Гайфулловна. – Уфа, 2006. – с. 222.
38. Кара-Мурза, С. Г. Демонтаж народа / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Политиздат, 2006. – с. 450.
39. Кондратьева, Т.С. К вопросу о понятии «Дiaspora»: дискуссия в научном сообществе / Т.С. Кондратьева // АПЕ. – 2009. – № 4.
40. Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия / Т.С. Кондратьева // Фонд исторической перспективы, 2010.
41. Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии : монография : в 2 частях / В. П. Коровушкин. – Череповец : ГОУ ВПО

- ЧГУ, 2005. – Часть I. – с. 223.
42. Костанди Е.И. Типовой дискурс диаспоры: русский язык в Эстонии / Е.И. Костанди // Псковский регионологический журнал. 2017. №2 (30)
43. Крючкова, Т. Б. Зарубежная социоллингвистика. Германия. Испания / Т. Б. Крючкова, Б. П. Нарумов. – М. : Наука, 1991. – с. 153.
44. Курносова, Л. С. Понятие диаспоры в социологическом дискурсе / Л. С. Курносова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1. – с. 235-240.
45. Левин, З. И. Менталитет диаспоры (Системный и социокультурный анализ) / З. И. Левин. – М., 2001. – с. 170.
46. Легостаева, О. В. Искусственный билингвизм как условие адаптации в полилингвальном мире. Новый взгляд / О. В. Легостаева // Международный научный вестник. – 2015. – № 7. – с. 70–79.
47. Леонтьев, А.Н. Психологические основы развития ребенка и обучение / А.Н. Леонтьев // М.: Смысл, 2009.
48. Макарова, И. А. Социально-философские подходы к определению понятия «Этнос» / И. А. Макарова // Вестник ЗабГУ. – 2013. – № 9. – с. 84–92.
49. Мележик, К. А. Проблема стандартных и нестандартных норм в национальной английской языковой ситуации / К. А. Мележик // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2011. – № 4-1. – с. 475–481.
50. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд. – М., 2000. – с. 208.
51. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 1996. – с. 199.
52. Минор, А.Я. Стандартный язык и диалекты как формы существования немецкого языка / А.Я. Минор // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2021. №XIII. – с. 86-91.

53. Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Готика, 1999. – с. 176.
54. Михальченко, В. Ю. Словарь социолингвистических терминов / В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – с. 312.
55. Млечко, Т. П. Русская языковая личность ближнего зарубежья / Т. П. Млечко. – Кишинев : Славянский университет Республики Молдова, 2013. – с. 436.
56. Москвичёва, С.А., Сафина, Л.М. Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы / С.А. Москвичева, Л.М. Сафина // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2018. Т. XIV. № 3. – с. 275–299.
57. Москвичева, С. А. Типы языковой лояльности: на примере карельского языка в Республике Карелия / С. А. Москвичева // Международная конференция «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире» (Москва, 16–19 сентября 2014 г.). – М. : ТЕЗАУРУС – Языки народов мира, 2014. – с. 479–486.
58. Москвичева, С. А. Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка / С. А. Москвичева, М. М. Гасанов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – с. 59–69.
59. Москвичева, С.А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» / С.А. Москвичева // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 42.
60. Москвичева, С.А., Гасанов, М.М. Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации в сопряжении с социодемографическими факторами /С.А. Москвичева, М.М. Гасанов // Социолингвистика. – 2024. – Т.1 (17).
61. Москвичёва, С.А., Ален Вио, Замалетдинов Р.Р. Репрезентации языка и

- языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме / С.А. Москвичева, Ален, Замалетдинов Р.Р. // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2023. №3. – с. 687-714.
62. Назарова, Е. А. Особенности современных процессов миграции / Е. А. Назарова // Социологические исследования. – М., 2000. – № 7. – с. 106-111.
- 63.Найданов. А. А. Понятие и условия возникновения диаспорной общины / А. А. Найданов // Инновационная наука. – 2016. – № 1-3 (13).
64. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин – М. : Флинта : Наука, 2011. – с. 319.
65. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2003. – с. 320.
66. Никольский, Л. Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы / Л. Б. Никольский. – М. : Высшая школа, 1976. – с. 168.
67. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [под ред. Б. А. Серебренникова]. – М. : Наука, 1970. – с. 604.
68. Аберкромби, Н. Община // Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. – М. : Экономика, 1999. – с. 197.
69. Обидина, Ю.С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях / Ю.С. Обидина // Запад-Восток. 2012. №4-5. – с. 5- 18.
70. Община // Энциклопедический социологический словарь / общ. ред. Г. В. Осипов. – М. : ИСПИ РАН, 1995. – с. 477.
71. Петренко, А. Д. Проблемы социолингвистической вариативности языка в немецкоязычных автохтонных ареалах / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – № 2–1. – с. 3-16.
72. Пиневиц, Е. В. Социолингвистика / Е. В. Пиневиц, В. Ф. Стародубцев. –

- М. : Экономика, 2011. – с. 215.
73. Попков, В. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим сообществом / В. Попков // Диаспоры. – 2003. – № 3. – с. 126–129.
74. Попков, В. Д. Феномен этнических диаспор / В. Д. Попков. – М. : ИС РАН, 2003. – с. 26.
75. Прошина, З. Г. Легитимность вариантов «неродного» английского языка / З. Г. Прошина // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2011. – Т. XIII, вып. 4. – № 67–68. – с. 164–165.
76. Прошина, З. Г. Проблемы и перспективы «транслингвальных и транскультурных контактов» / З. Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2004. – № 2 (50). – с. 6–10.
77. Прошина, З. Г. Смена парадигмы языкового образования? / З. Г. Прошина // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2012. – Т. XIV, вып. 2. – № 71–72. – с. 176–177.
78. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты / В. Ю. Розенцвейг. – Л. : Наука, 1972. – с. 80.
79. Ручкин, А. Б. Русская диаспора в США в первой половине XX века: Историография и вопросы теории: дис. ... д. ист. наук : 07.00.02 / А. Б. Ручкин. – Москва, 2007. – с. 458.
80. Семенов, Ю. И. Предмет этнографии «этнологии» и основные составляющие ее научные дисциплины / Ю. И. Семенов // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 2. – с. 13.
81. Семенов, Ю. И. Народ, этнос, нация. Ст. 1. Общество, население, этнос / Ю. И. Семенов // Философия и общество. – 2013. – № 1. – с. 21–55.
82. Снисаренко, А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины С.-Петербурга) / А. Снисаренко // Неформальная экономика / под

- ред. Т. Шанина. – М., 1999. – с. 148–149.
83. Социальная философия. Словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров. – М. : Академический Проект, 2003.
84. Сталин, И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос / И. В. Сталин. – М., 1934. – с. 232.
85. Степанов, Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1976. – с. 224.
86. Тишков, В. А. Этнополитология. Политические функции этничности: учебник для вузов / В. А. Тишков, Ю. П. Шабает. – М. : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2013. – с. 416.
87. Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1988.
88. О государственном языке Российской Федерации : Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ.
89. О национально-культурной автономии : Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ.
90. Фирсова Н. М. Языковая вариативность и специфика речевого общения в испанском языке / Н. М. Фирсова. – М. : РУДН, 2000. – с. 127.
91. Хугаев, И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. / И. С. Хугаев. – Владикавказ : ИП, 2008. – с. 557.
92. Черничкина, Е. К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики : дис. ... д-ра. филолог. наук : 10.02.19 / Черничкина Елена Константиновна – Волгоград, 2007. – с. 344.
93. Шахтагинский, М. Как называть закавказских мусульман / М. Шахтагинский // Каспий (газета). – Баку, 1891. – № 93.
94. Швейцер, А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики / А. Д. Швейцер // Социально-лингвистические исследования. – М. : Наука, 1976. – с. 232.
95. Швейцер, А. Д. Лингвистический энциклопедический словарь / А. Д.

- Швейцер. – М., 1990. – с. 481–482.
96. Швейцер, А. Д., Современная социолингвистика / А. Д. Швейцер // Теория. проблемы. Методы. – М. : Наука, 1977. – с. 176.
97. Швейцер, А.Д., Никольский, Л.Б. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский – М.: Высшая школа. 1978 – с. 215.
98. Ширалиев, М. Основы азербайджанской диалектологии / М. Ширалиев. – Баку, 1967. – с. 420.
99. Шовгенин, А. Н. Теоретические основы изучения языка диаспор / А.Н. Шовгенин // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2008. №7 – с. 43-45.
100. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – с. 428.
101. Эрвин-Трипп, С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия / С. М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. Социолингвистика. – М., 1975. – Вып. VII. – с. 336–362.
102. Юдина, Т. Н. Социология миграции: К формированию нового научного направления / Т. Н. Юдина – М., 2006. – с. 272.
103. Юнусов, А. Азербайджанцы в России – смена имиджа и социальных ролей / А. Юнусов // Россия и мусульманский мир. – 2006. – № 2.
104. Юсупова, А.Ш., Набиуллина, Г.А. Язык и этническая идентичность татарской диаспоры в США /А.Ш. Юсупова, Г.А. Набиуллина // Вестник ЧГУ. 2016. №2.
105. Яковлева, Э.Б. Миграции: гипотетический взгляд на языковое будущее современной Европы /Э.Б. Яковлева // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. №1-2 (28-29)
106. Ярмоленко, А. В. Способность к многоязычию / А. В. Ярмоленко. – Л. : Ун-т. им. А. А. Жданова, 1962. – с. 120.
107. Aktunç, H. Türkçe'nin büyük argo sözlüğü (Tanıklarıyla) / H. Aktunç. – İstanbul : Yarı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık, 1998.

108. Appel, R, Muysken, P. Language Contact and Bilingualism / R Appel, P. Muysken. // – Amsterdam University Press, 2005. – p. 228.
109. Aslanov, V. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixinə dair / V. Aslanov. – Bakı, 2002.
110. Bloomfield, L. Language / L. Bloomfield. – New York, 1933. – p. 56.
111. Braux, A. Azerbaijani Migrants in Russia / A. Braux // Caucasus Analytical Digest. – 2013 December 3. – N 57. – p. 5–8.
112. Braux A. Azerbaijanis in Russia: an «imagined diaspora? / A. Braux // Migration and Social Upheaval as the face of Globalization in Central Asia / M. Laruelle (dir.). – Leiden, Brill, 2013. – p. 167–187.
113. Canagarajah, S. Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations / S. Canagarajah. – London ; New York : Routledge, Taylor and Francis Group, 2013. – p. 247.
114. Cəfərov, N. Zəhmətkeş alim, tanınmış dilçi-türkoloq / N. Cəfərov // Elm və təhsil. – Bakı, 2012. – s. 135.
115. Celic, C. Translanguaging: A CUNY-NYSIEB Guide for Educators / C. Celic, K. Seltzer. – New York : The City University of New York, 2011. – p. 184.
116. Ciscar, L. R. Lleialtats i actituds lingüístiques al País Valencia / L. R. Ciscar, D. M. González, P. L. Pérez // Noves SL. Revista de Sociolingüística. – 2002. – № 1.
117. Dağabakan, F. Ö. Topludilbilim / F. Ö. Dağabakan. – Ankara : Çizgi Kitabevi Yayınları, 2019. – s. 32.
118. Demir, N. Türkiye“de özel diller / N. Demir // Yeni Türkiye, Türkoloji ve Türk Tarihi Araştırmaları. – Dergisi Özel Sayısı I, sayı: 43. – 2002. – s. 422–428.
119. Dewaele, Alex Housen, Li Wei (eds.), Bilingualism: Beyond basic principles // Multilingual Matters, 2003.
120. Encyclopedia Britannica. – L. 2006.

121. Ferguson, C. A. National sociolinguistic profile formuleas / C. A. Ferguson // Language change and language use. – Stanford, 1971.
122. Goossens, J. Deutsche Dialektologie /J. Goossens // Berlin, New York. De Gruyter, 1977 – p. 147.
123. Gumperz, Y. Language in social groups / Y. Gumperz. – Stanford, California, 1971. – p. 391.
124. Hamers, J.F., Blanc, M.H.A. Bilinguality an Bilingualism / J.F. Hamers, M.H.A. Blanc // Cambridge, 1983 – p. 27.
125. Houbedine, Anne-Marie. De l’imaginaire linguistique à l’imaginaire culturel. / A.M. Houbedine // La linguistique 51, 2015 – p. 3–39.
126. Korkmaz, Z. Sosyolengüistik deęiđim ađısından türkiye türkçesinin modernleşmesi / Z. Korkmaz. – 2004
127. Kenny, K. 10 things to understand about diaspora / K. Kenny. – 2013.
128. Haugen, E. The Ecology of Language / E. Haugen. – Stanford, 1972.
129. Labow, W. The social stratification of English in New York city Washington / W. Labow. – New York, 1966. – p. 401.
130. Luxmoore, M. Ruble ripple: New Russian laws make life difficult for migrant workers / M. Luxmoore. – 2015.
131. Mackey, W. A. Termonology for sociolinguistics / W. A. Mackey // Sociolinguistics. – Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1979.
132. Martin, B. Bibliographie zur deutschen Mundartforschung und- dichtung in den Jahren 1921 – 26 / B. Martin // Teuthonista Beih. 2, 1926.
133. Maurer, Bruno, Pierre-Antoine, Desrousseaux. Représentations Sociales des Langues en Situation Multilingue. La méthode d’Analyse Combinée, Nouvel Outil d’Enquête // Paris, 2013.
134. Édition des archives contemporaines
135. Molina, C. Curricular insights into translangualism as a communicative competence / C. Molina // Journal of Language Teaching and Research 2 (6), 2011 – p. 1244-1251.

136. Moscovici, Serge. Communication Introductive à la Première Conférence Internationale sur des Représentations Sociales. // Paris: Delachaux et Niestlé, 1992.
137. Moskvitcheva, S. Étendue et limites de la synonymie dans la terminologie désignant les langues minoritaires en russe / S. Moskvitcheva // Viaut, A. Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique / A. Viaut, S. Moskvitcheva. – Bordeaux : Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014. – p. 21–44.
138. Moskvitcheva, S. The Need for Minority Languages in Borderland Conditions: Field Research Methodology / S. Moskvitcheva, A. Viaut // Agranat, T. Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics / T. Agranat, L. Dodykhudoeva (eds.). – Cham : Springer, 2021. – p. 52–68.
139. Niculescu, Alexandre. Loyauté linguistique. In Kontaktlinguistik. // Contact Linguistics, 1996.
140. Linguistique de Contact. Berlin. New York. 715–720.
141. Ömer, K. Türkiye’de dil planlaması: Türk dil devrimi / K. Ömer. – Ankara : Kültür Bakanlığı Yayınları, 1998.
142. Pennycook, A. English as Language Always in Translation / A. Pennycook // European Journal of English Studies. – 2008. – Vol. 12, No 1. – p. 33–47.
143. Qurbanov, A. Müasir Azərbaycan ədəbi dili. I cild / A. Qurbanov. – Bakı, 2003. – p. 21.
144. Rickford, J. R. Regional and social variation / J. R. Rickford // McCay, S. L. Sociolinguistics of language teaching / S. L. McCay, N. H. Hornberger (eds.). – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – p. 151–194.
145. Rorlich, A. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience / A. Rorlich. – Stanford, Cal., 1986. – p. 12.
146. Romyantsev, S. Post-Soviet Diaspora-Building Processes and the Transnationalization of the Politics of Memory / S. Romyantsev // New Europe

- College Black Sea Link Program Yearbook. – 2013–2014. – p. 236.
147. Rumyantsev, S. The State and the Diaspora: Bureaucratic and Discursive Practices in the Construction of a Transnational Community / S. Rumyantsev // *Diaspora and Citizenship* / eds. E. Barabantseva. – Claire Sutherland : Routledge, 2012. – p. 297.
148. Schwarz, E. Die deutschen Mundarten / E. Schwarz // Göttingen, 1950. – p. 202.
149. Strauss, A., Corbin, J. Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques / A. Strauss, J. Corbin // Newbury Park, CA: Sage. 1990.
150. Uzun, N. E. Ana çizgileriyle Evrensel Dilbilgisi ve Türkçe // Istanbul: Multilingual, 2000. – p. 318.
151. Viaut, Alain Variable territorial et promotion des langues minoritaires // Pessac: Maison des sciences de l'Homme d'Aquitaine. – 2007.
152. Winereich, U. Languages in contact / U. Winereich // New York: Linguistic Circle of New York, 1953.

Электронные ресурсы:

153. Политический словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mirslivarej.com/content_pol/diaspora-817.html (дата обращения: 03.06.2022)
154. Социологический словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: mirslivarej.com/content_soc/diaspora-1391.html (дата обращения: 12.07.2022)
155. Азербайджанский культурный центр [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://a-a-ah.ru/azerbaydzhaskiy-kulturnyj-centr> (дата обращения: 21.06.2022)
156. Azerbaijanis [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.azerbaijans.com/content_936_ru.html (дата обращения: 23.06.2022)

157. Азербайджанское молодежное объединение России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://amor.az/category/events/> (дата обращения: 23.06.2022)
158. Всероссийский азербайджанский конгресс [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vakmos.org/> (дата обращения: 11.03.2022)
159. Валерий Тишков [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html (дата обращения: 03.07.2022)
160. Выставка достижений народного хозяйства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vdnh.ru/places/pavilon-14-vychislitel'naya-tekhnika-i-informatika-byvshiy-azerbaydzhanskaya-ssr/> (дата обращения: 12.06.2022)
161. Журнальный зал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/3/diasporalnoe-voobrazhaemoe.html> (дата обращения: 15.08.2022)
162. Библиотека иностранной литературы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://libfl.ru/ru/department/azerbaidjanskiy-kulturnyy-centr> (дата обращения: 21.09.2022)
163. Московский государственный лингвистический университет [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://linguanet.ru/sotrudnichestvo/otdel-po-yazykam-i-kulture-gosudarstv-uchastnikov-sng-i-sh0s/tsentr-azerbaydzhanskogo-yazyka-i-kultury/> (дата обращения: 27.12.2022)
164. Молодой ученый [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/417/92331/> (дата обращения: 03.06.2022)
165. Москва-Баку [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://moscow-baku.ru/news/sotrudnichestvo/direktor_kulturnogo_tsentra_nisa_mustafaeva_azerbaydzhanskiy_yazyk_ezhegodno_izuchaet_bole_400_mosk/ (дата обращения: 18.06.2022)
166. РГУ имени С.А. Есенина [Электронный ресурс] – Режим доступа:

- <https://www.rsu.edu.ru/centr-vostochnyh-yazykov-i-kultur/> (дата обращения: 01.04.2022)
167. Федеральная Национально-Культурная Автономия Азербайджанцев России: <http://fnkaa.ru/> (дата обращения: 28.06.2022)
168. Misra [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://misra.ru/azerbajdzhanskaya-natsionalno-kulturnaya-avtonomiya-sankt-peterburga/> (дата обращения: 21.06.2022)
169. Demscope [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1 (дата обращения: 09.05.2022)
170. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 25.06.2022)
171. Wikipedia [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://az.wikipedia.org/wiki/Az%C9%99rbaycan_dili (дата обращения: 03.06.2022)
172. Wikimedia [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/b/bb/Map_of_Azeri_dialects.png/300px-Map_of_Azeri_dialects.png (дата обращения: 03.06.2022)
173. Wayback machine [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20121018085706/> (дата обращения: 11.06.2022)
174. Большая Электронная Библиотека Turklib [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.turklib.ru/engine/includes/print.php?category=general_history-lingo-science&altname=azerbaijan_dile_tarixi (дата обращения: 13.06.2022)
175. Всесоюзная перепись населения 1989 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

- <https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Gin33Nxt/На%20сайт%20ВПН%201989.pdf> (дата обращения: 18.06.2022)
176. Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2002> (дата обращения: 18.06.2022)
177. Всероссийская перепись 2010 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1 (дата обращения: 18.06.2022)
178. Всероссийская перепись населения 2020 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 18.06.2022)
179. İmer, K. Toplumdilbilimin kimi kavramlarına kuramsal bir bakıŒ ve dil türleri / K. İmer. – 1987 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/26/1029/12452.pdf> (дата обращения: 21.08.2022)
180. Modern Azerbaijan [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://modern.az/az/news/41014#gsc.tab=0> (дата обращения: 03.06.2022)